

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНАЯ
СЕРИЯ

А.Р. Иоаннисян

ШАРЛЬ ФУРЬЕ

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

А.Р. Иоаннисян

ШАРЛЬ
ФУРЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва • 1958

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. З. МАНФРЕД

Глава первая

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

I

В 1516 г. выдающийся английский гуманист, друг Эразма Роттердамского, Томас Мор опубликовал на латинском языке маленькую книжку, носившую длинное и причудливое заглавие: «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

В этом произведении Мор устами своего героя Гитлодея рассказывает об острове Утопии, который будто бы находится где-то далеко на западе. На этом чудесном острове нет частной собственности. Все граждане должны трудиться. Каждая семья занимается тем или иным полезным ремеслом под наблюдением специально выделенных лиц — сифогрантов. Кроме того, все граждане обязаны в течение двух лет работать в особых сельскохозяйственных бригадах. Денежного обмена на острове нет. Вся продукция как сельскохозяйственная, так и ремесленная сдается в общественные склады, откуда отцы семейств получают все необходимое. Существуют и общественные столовые.

Так, еще на заре капиталистического способа производства, под непосредственным впечатлением обезземеления крестьян и страданий народных масс, вызванных процессом первоначального накопления капитала, Мор сформулировал основные принципы утопического коммунизма, который выражал смутные стремления к бесклассовому обществу, обществу без паразитизма и эксплуатации.

Самое название «Утопия», данное Мором своему вымышленному острову, стало нарицательным. Вскоре начали появляться и другие «утопии» — рассказы и повествования о не менее чудесных коммунистических обществах и государствах. В том же XVI веке опубликовал свою утопию итальянец Дони, а в начале XVII столетия появилось известное произведение Кампанеллы «Государство солнца». В эпоху английской буржуазной революции был издан уже своего рода теоретический трактат утопического коммунизма — «Закон свободы» одного из видных представителей «истинных левеллеров» Уинстэнли.

В конце XVII века подобная литература появляется и во Франции. В 1675 г. вышла на английском, а в 1677 г. на французском языке «История Севарамбов» Вераса д'Аллэ. В этом романе описываются приключения некоего капитана Сидена, который в результате кораблекрушения оказался на австралийском континенте. Здесь Сиден знакомится с государством севарамбов, организованным на коммунистических началах. Основатель государства Севариас считал, что все зло происходит от трех основных пороков: гордости, алчности и праздности. Поэтому он не только навсегда уничтожил все сословные перегородки, но и запретил частную собственность и ввел всеобщую обязательную трудовую повинность. В государстве севарамбов все население распределено по общинам — осмазиям. Все граждане живут в общих домах, где совместно трудятся и вместе питаются. Существуют сельские и городские осмазии, а также осмазии-школы. Производство организовано на плановых началах. Весь излишек продукции поступает на общественные склады, откуда каждая осмазия получает все необходимое.

Роман Вераса вызвал многочисленные подражания. Если во Франции первое произведение утопического коммунизма вышло позже, чем в Англии и Италии, то в дальнейшем Франция заняла первое место по обилию этой литературы. Кризис феодально-абсолютистского строя, рост капиталистической мануфактуры, развитие товарно-денежного хозяйства и капиталистических отношений и обусловленные этим новые социальные противоречия способствовали тому, что в XVIII столетии утопические романы, часть которых имела коммунистическую направленность, появлялись нескончаемым потоком.

Большинство утопических произведений было мало оригинально и построено по определенному трафарету. Но их обилие свидетельствовало о распространении среди связанной с народными низами демократической интеллигенции коммунистических идей, всегда сопровождавших движения «того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»¹.

Накануне буржуазной революции во французской литературе появляются и попытки теоретического обоснования коммунизма. Это попытались сделать прежде всего Морелли и Мабли, в работах которых содержатся уже «прямо коммунистические теории»².

Мабли признавал коммунизм только условно, не считая возможным его осуществление в современной ему действительности (практически Мабли, подобно Руссо, мечтал лишь об уравнивании состояний, а не о ликвидации частной собственности), тогда как Морелли в своем известном произведении «Кодекс природы» защищал коммунизм как идеальный и единственно желательный общественный строй.

Коммунизм, по мнению Морелли, соответствует «природе человека», естественным свойствам людей. Поэтому первоначальный общественный строй, существовавший на заре человечества, когда люди находились еще в естественном состоянии, был строй патриархально-коммунистический. Земля составляла общую собственность, и все в равной мере имели возможность пользоваться ее благами, добровольно подчиняясь власти старших. Но, к несчастью, люди вскоре вышли из этого естественного состояния. По той или иной причине (возможно, предполагает Морелли, в связи с увеличением народонаселения) вместо патриархального управления появились писанные законы. Законодатели же в составленных ими законах по своему невежеству установили раздел общего имущества и допустили таким образом частную собственность. А частная собственность породила среди людей алчность, являющуюся матерью свойственных современному обществу бесчисленных пороков. Для того чтобы их ликвидировать и снова

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XV, стр. 509

² Там же.

сделать людей счастливыми, необходимо упразднить частную собственность

Морелли не ограничился провозглашением общих принципов идеального общественного строя, но и разработал для него образец законодательства. Законодательство это, полагает Морелли, должно базироваться на трех «основных и священных законах»: ничто не должно быть личной собственностью, за исключением того, что служит непосредственно потреблению и производству (имеются в виду ремесленные орудия труда); все граждане содержатся обществом; каждый обязан принимать участие в труде сообразно своим силам, талантам и возрасту. Другие законы детализируют общие принципы общественного устройства. Все производство сосредоточивается в общественных мастерских, входящих в состав тех или иных профессиональных корпораций, во главе которых стоят «мастера». Земледельческий труд, как и у Мора, имеет характер обязательной повинности для всех лиц в возрасте от 20 до 25 лет. Все продукты поступают на общественные рынки, где распределяются между гражданами. Остальные предметы потребления поступают в общественные склады, откуда выдаются отдельным семьям по их потребностям. Каждый может получить все, что ему нужно, за исключением случаев, когда, вследствие ограниченного количества тех или иных продуктов, государство устанавливает на них определенную норму.

В учении Морелли французский утопический коммунизм XVIII века нашел свое наиболее полное и характерное выражение. Для французских утопистов того периода коммунизм — это теоретический идеал, обосновываемый чисто рационалистически как разумный и естественный общественный строй, соответствующий «природе человека». Их коммунизм имеет в значительной мере грубо-уравнительный характер. Это — идея ликвидации существующего классового неравенства и общественных противоречий путем всеобщего уравнивания. Морелли, например, предусматривает в своем законодательстве для граждан будущего коммунистического общества самую мелочную, принудительную и единообразную регламентацию даже их быта, вплоть до брачных отношений. Он рекомендует умеренность в еде и запрещение украшений,

которые могут создать различия между людьми. Другие утописты того времени также склонны устанавливать единообразие во всем, вплоть до пищи и одежды, видя лишь в этом залог истинного равенства.

Подобные грубо-уравнилельные тенденции, присущие французскому утопическому коммунизму XVIII столетия, легко объяснимы. В условиях феодально-абсолютистского строя и мануфактурного способа производства писатели, которые отражали настроения общественных низов, жестоко страдавших как от феодальной, так и от капиталистической эксплуатации, не могли пропагандировать иной коммунизм, кроме уравнилельного. Уравнилельные идеи были характерны и в ту эпоху не только для эгалитаристов — сторонников теории уравнилельности собственности, но и для мыслителей, провозглашавших необходимость полной ее ликвидации. Отсутствие же реальных предпосылок для этого превращало все подобные чаяния в оторванный от жизни абстрактный идеал.

Грубо-уравнилельный характер имел и утопический коммунизм периода французской буржуазной революции, коммунизм бабувистов — Бабефа и других участников «заговора равных».

Историческое значение этого движения необычайно велико. Бабеф и его сторонники, учитывая опыт якобинской революционно-демократической диктатуры, предприняли первую попытку революционного переворота в целях построения коммунистического общества. Несмотря на заговорщическую тактику, несмотря на недостаточную связь с массами, это был факт величайшего исторического значения. Для бабувистов коммунизм был уже не теоретическим идеалом, а непосредственной практической целью. Подготавливая свой заговор, они разработали в форме декретов, манифестов и т. п. практические мероприятия, которые намечали осуществить после предполагавшегося переворота в целях построения нового, коммунистического общества.

Но коммунистический идеал, к которому стремились бабувисты, оставался тем же старым утопическим уравнилельным коммунизмом XVIII века. Сам Бабеф не раз называл себя последователем идей «Кодекса природы» Морелли. И действительно, влияние этого произведения на формирование мировоззрения как самого Бабефа, так и

его сторонников было самым непосредственным. Они также проповедовали «равную и честную умеренность», скромность жилищ, считали необходимым упразднить все, что хотя бы внешне противоречило «принципу равенства» и не могло быть доступно всем. Некоторые бабувисты, в частности Сильвен Марешаль, готовы были даже пожертвовать «искусствами» для достижения «фактического равенства».

Поэтому в «Манифесте коммунистической партии» подчеркивается, что бабувистская литература, отражая требования пролетариата, в то же время «проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнильность»¹. Поэтому и Энгельс в своем произведении «Развитие социализма от утопии к науке», связывая идеи Бабефа с учениями Морелли и Мабли и утопиями XVI—XVII столетий, писал: «Аскетически суровый, спартанский коммунизм, осуждавший всякое наслаждение жизнью, был первой формой проявления нового учения»².

II

Лишь в начале XIX века появились социалистические учения, которые сложились в условиях нового буржуазного общества и существенно отличались от уравнильного коммунизма XVI—XVIII столетий.

Предпосылками возникновения утопического социализма XIX столетия были два всемирно-исторических события — промышленный переворот в Англии и французская буржуазная революция.

Во второй половине XVIII века в Англии — передовой по своему социально-экономическому развитию стране начался промышленный переворот, в результате которого возникла крупная машинная индустрия. Переход от мануфактурного производства к фабричному, от мануфактурной стадии капитализма к промышленному капитализму сопровождался большими общественными сдвигами и крупными социальными потрясениями. В результате промышленного переворота в Англии сложились два основных класса капиталистического общества — промышленная буржуазия и промышленный пролетариат; антагонизм

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 455.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 509.

между ними стал основным общественным фактором. Формирование пролетариата происходило в очень тяжелой обстановке. Кадры рабочих пополнялись за счет обезземеленных в результате аграрного переворота крестьян, а также разоренных ремесленников, не имевших возможности выдержать конкуренцию с крупным фабричным производством. Рабочие подвергались беспощадной и ничем не ограниченной эксплуатации. 16—18-часовой рабочий день, мизерная заработная плата, широкое распространение женского и детского труда, постоянная угроза безработицы, невероятно тяжелые жилищные условия резко ухудшили положение трудящихся масс. Крупные капиталистические города и индустриальные центры, бурно развивавшиеся в Англии вместе с ростом промышленности в конце XVIII — начале XIX в., являли собой картину кричащих, острых социальных противоречий.

В то время как в Англии происходили эти социально-экономические сдвиги, во Франции в конце XVIII столетия разразилась крупнейшая в истории буржуазная революция. Она не только ликвидировала старый феодально-абсолютистский строй и создала во Франции новое буржуазное общество, но и подорвала корни феодализма во всей Европе. Под ударами французских революционных войск, а затем наполеоновских армий перекраивалась политическая карта Европы, рушились вековые устои феодальных порядков в Германии, Италии и других европейских странах. Даже временное торжество дворянско-монархической реакции после падения наполеоновской империи не смогло задержать на длительное время окончательное крушение прогнившего здания европейского феодализма.

Победа нового капиталистического уклада и новых буржуазных общественных отношений над старыми формами социально-экономической жизни происходила повсеместно. Буржуазная революция способствовала развитию крупной фабричной промышленности во Франции, где с первых же десятилетий XIX века также начался промышленный переворот и происходило формирование кадров фабричного пролетариата. В 20—30-х годах промышленный переворот начался в Германии и в ряде других европейских стран. Постепенно складывался мировой капиталистический рынок. С 1825 г. начались столь

характерные для капиталистической экономики периодические экономические кризисы.

Европа начала XIX века представляла резкий контраст по сравнению с Европой XVIII века. Еще в 1789 г. на европейском континенте почти безраздельно господствовали феодальные порядки, а уже в начале XIX столетия Европа, несмотря на обилие монархий и дворянских правительств, являла собой иную картину. В некоторых странах, в том числе и во Франции, уже существовал буржуазный общественный строй, в других развивавшиеся буржуазные отношения все более вытесняли старые, феодальные. Современники этой бурной эпохи, пережившие эти, по выражению Гете, «величайшие исторические события», недаром говорили о рождении «нового мира».

В условиях нового буржуазного общества возникли и новые социалистические учения. Классическую формулировку общественно-политических предпосылок утопического социализма начала XIX столетия дал Энгельс в своих известных работах «Развитие социализма от утопии к науке» и «Анти-Дюринг».

После урагана французской революции, породившей много иллюзий, оказалось, что предвещенное просветителями XVIII века царство разума «было всего лишь идеализированным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что равенство свелось к равенству граждан перед законом; что одним из существеннейших прав человека провозглашена была... буржуазная собственность...»¹. «Противоположность между богатством и бедностью, вместо того, чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, напротив, обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших для нее прикрытием, а также вследствие устранения церковной благотворительности, смягчавшей ее. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать эту мелкую собственность, подавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения, тем же самым магнатам, и превратилась, таким образом,

---

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 508.

для мелких буржуа и крестьян в свободу от собственности. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и нищету трудящихся масс необходимым условием существования общества. Чистоган стал, по выражению Карлейля, единственным связующим элементом общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодальной эпохи, безбоязненно выставлявшиеся прежде напоказ, были теперь хотя и не уничтожены, но все же отодвинуты пока на задний план, то зато тем пышнее расцвели буржуазные пороки, прежде робко скрывавшиеся в тени. Торговля все более и более превращалась в мошенничество. Революционный девиз «братства» осуществлялся в плутнях и зависти, порождаемых конкурентной борьбой. Место грубого насилия занял подкуп; вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. Право первой ночи перешло от феодалов к фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных прежде размеров. Самый брак остался, как и прежде, узаконенной формой, официальным прикрытием проституции, дополняясь к тому же многочисленными нарушениями супружеской верности»¹.

В этих условиях неизбежно должны были появиться люди, которые стали выразителями горького разочарования в результатах буржуазной революции, разочарования в современной им действительности. Такими людьми и были три великих утописта — Сен-Симон, Фурье и Оуэн, которые выступили почти одновременно. Обличая буржуазное общество, они противопоставили ему новый общественный идеал, идеал социализма, отличный от примитивного уравнилельного коммунизма дореволюционного периода.

Но и социалистические учения начала XIX столетия, при всем их качественном отличии от коммунистических теорий XVI—XVIII вв., имели утопический характер. В первые десятилетия XIX века еще не было необходимых общественных предпосылок для возникновения научного социализма. Крупная капиталистическая промышленность в Европе лишь зарождалась. Противоречие между развитием производительных сил и капиталистическими

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 510—511.

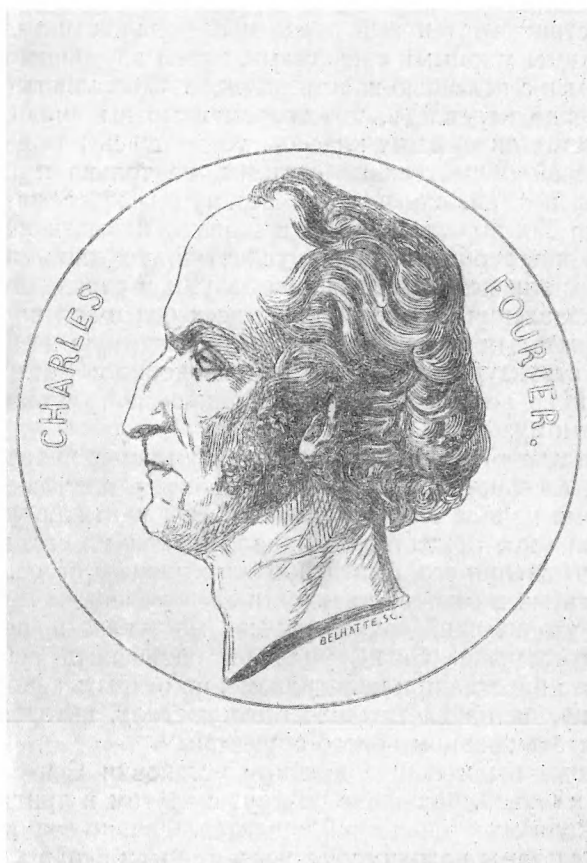
производственными отношениями только намечалось. Индустриальный пролетариат находился в стадии формирования. Рабочее движение только начиналось. Классовое самосознание пролетариата не было развито. Рабочий класс еще не признавал своих классовых целей «Пролетариат, только начинавший выделяться из общей массы неимущих в виде лишь зародыша нового класса, совершенно не способный еще к самостоятельному политическому действию, являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей беспомощности в лучшем случае ждать избавления извне, от какой-либо высшей силы.

Это историческое положение довлело и над учениями основателей социализма. Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось создавать из головы»¹.

Поэтому все три великих мыслителя, выступившие в начале XIX века с осуждением капиталистического общества и с обоснованием нового общественного идеала — социализма, были, подобно своим предшественникам, утопистами, не способными раскрыть механизм капиталистического способа производства, сущность капиталистической эксплуатации, законы развития капиталистического общества, историческую роль пролетариата. И Сен-Симон, и Оуэн, и Фурье видели в пролетариате лишь страдающую массу, невзгодам которой сочувствовали и участь которой стремились облегчить. Но они не могли распознать в пролетариате ту общественную силу, которая была способна положить конец капиталистической эксплуатации, и не считали себя выразителями его интересов. Наоборот, социалисты-утописты полагали, что критикуя существующие общественные порядки и предлагая новые, они защищали интересы всего общества в целом, как «бедных», так и «богатых» и поэтому стремились убедить последних, что те также должны быть кровно заинтересованы в социальных преобразованиях. Подобно идеологам XVIII века, социалисты-утописты начала XIX столетия обосновывали новый общественный строй чисто

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 511—512.

Шарль Фурье
Медальон работы художника Гийо

рационалистически, изображая его как единственно разумный, естественный и справедливый, соответствующий природным свойствам и потребностям людей, а также требованиям истинной морали и извечной справедливости. Осуществить этот новый идеальный порядок они считали возможным мирными средствами, путем настойчивой пропаганды и с помощью власть имущих. Социалисты-утописты твердо надеялись, что современные им правители и представители имущих классов, убедившись в превосходстве новой общественной системы, не только не станут противиться ей, но и сами возьмутся за ее введение. Если до сих пор люди жили в столь тяжелых и противоречивых общественных условиях, то лишь потому, что не знали истинных законов разума и справедливости. Для избавления человечества от всех бед и зол надлежало открыть эти законы, разработать разумную и справедливую структуру общества. Честь подобного «открытия» каждый из великих утопистов приписывал, естественно, себе самому.

В статье «Три источника и три составных части марксизма» Ленин, характеризуя сущность утопического социализма начала XIX века, писал: «Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации».

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества»¹.

Таковы были общие идейные установки Сен-Симона, Фурье и Оуэна, роднящие их друг с другом и придающие их социализму утопический характер. Однако социалистические системы великих утопистов не были сходны между собой по своим конкретным принципам и деталям. Учения Сен-Симона, Оуэна и Фурье — это три разновидности утопического социализма. При этом каждая из них содержит ценные положения, прочно вошедшие в золотой фонд идей социализма и критически использованные впоследствии Марксом и Энгельсом при разработке научной

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 7.

теории социализма. Именно поэтому утопический социализм начала XIX века и является одним из источников марксизма.

III

Молодой граф Анри Клод Сен-Симон (1760—1825) получил блестящее домашнее образование. Девятнадцатилетним юношей он отправился с французскими войсками в Америку, где в то время происходила война за независимость. Вернувшись в 1784 г. после ряда приключений на родину, он вскоре оставил военную службу.

К буржуазной революции во Франции Сен-Симон, несмотря на свое дворянское происхождение, не отнесся враждебно. Он даже отказался от своего графского титула и принял участие в революционном движении, но затем, в эпоху террора, был арестован и просидел несколько месяцев в тюрьме. Крупные земельные спекуляции сделали его богатым человеком. В период Директории салон Сен-Симона в Париже являлся средоточием видных представителей интеллигенции того времени, в частности людей науки.

Вскоре превратности судьбы лишили Сен-Симона состояния. В начале нового столетия он превратился в такого же нищего интеллигента, как и многие из его прежних знакомых, которым он ранее покровительствовал. С тех пор Сен-Симон, не считая кратковременной службы в ломбарде и в библиотеке Арсенала, жил на средства своих друзей. Его материальное положение улучшилось лишь в период реставрации. Сен-Симон к тому времени уже приобрел известность своими произведениями, и вокруг него образовался кружок последователей.

Сен-Симон опубликовал свою первую работу еще в 1802 г. Но наиболее значительные его труды («О промышленной системе», «Катехизис промышленников», «Новое христианство» и др.) были написаны в последние десять лет жизни.

Свою главную задачу Сен-Симон видел в создании философии, способной реорганизовать общество на новых основах. По его убеждению, в основе каждого общественного строя лежит та или иная философская система. Смена одних философских систем другими является законо-

мерным процессом. Сен-Симон исходил, таким образом, из представления о закономерности исторического процесса. Признавая примат идеологии над социально-экономической структурой, он в своей философии истории стоял в основном на идеалистических позициях, хотя в то же время при анализе конкретных исторических явлений проявлял подчас материалистический подход, учитывая роль классовой борьбы в развитии общества.

По мнению Сен-Симона, вся история человечества характеризуется непрерывным прогрессом. Каждая новая общественная формация представляет шаг вперед по сравнению с предыдущей и является более совершенной.

Первоначально, на заре человечества, когда люди были идолопоклонниками, они занимались лишь поисками и добычей пищи. Затем возникло рабство, которое в свое время было явлением прогрессивным, так как люди перестали убивать пленных и стали превращать их в рабов. Религиозно-философской системой этой стадии общественного развития являлся политеизм — одновременное почитание многих богов.

Дальнейшее развитие общества привело к кризису политеистической системы. Этот кризис начался еще во времена Сократа. Распространение христианства означало окончательное торжество монотеизма — религии, признающей только одного бога. Вместе с монотеизмом возникла феодально-богословская политическая система, при которой рабство было заменено крепостничеством, светская власть перешла в руки военных феодалов, а идейное руководство к духовенству. В условиях новой общественной системы происходит быстрое развитие человеческих знаний и одерживает невиданные до того времени успехи индустрия. Поэтому уже с XV века феодально-богословский строй в свою очередь переживает кризис. Против этой отжившей свой век системы начинается как идеологическая, так и политическая борьба. Идеологическую борьбу ведут представители светской науки — ученые, и этим характеризуется период от Коперника до французской просветительной философии. На политическую же борьбу против господства феодалов поднимается новый класс — класс промышленников.

Сен-Симон дает интереснейшую характеристику хода исторического процесса на примере Франции. Вся история

Франции последних веков рассматривается им под углом зрения борьбы двух классов — феодалов и промышленников. Он прослеживает постепенный рост класса промышленников — городских ремесленников, торговцев, земледельцев, — начиная с эпохи Крестовых походов, их союз, со времен Людовика XI, с королевской властью против феодалов, дальнейший рост индустрии и все возраставшее противоречие между феодально-богословским политическим строем и реальным соотношением классовых сил. Это развитие и привело в конечном итоге к революции конца XVIII столетия. Но она, по мнению Сен-Симона, не разрешила стоявших перед ней задач, сумела выполнить лишь негативную, а не конструктивную работу. Революция, правда, окончательно разложила старый феодально-богословский строй, но передала власть в руки промежуточных слоев — метафизиков и юристов, а не промышленников и ученых, как должна была сделать. Следовательно, историческая задача заключается в довершении дела французской революции, т. е. в создании нового социального строя, при котором во главе общества стояли бы промышленники и ученые.

Каким же должен быть этот «промышленный» строй? Поскольку основой каждой общественной формации является та или иная религиозно-философская система, то, по мнению Сен-Симона, в основе будущего общества также должна лежать новая философия, называемая им «новым христианством». Сен-Симон следующим образом формулировал ее основной принцип: «Люди должны иметь общество наиболее выгодное для наибольшей массы. Его цель — наиболее скорое и полное улучшение морального и физического положения наиболее бедного класса общества». В последнем своем произведении Сен-Симон, конкретизируя понятие «наиболее бедный класс», говорит уже о пролетариате. Следовательно, основной задачей будущего общества должно явиться улучшение положения пролетариата.

Это может быть достигнуто, если руководство в обществе перейдет к промышленникам и ученым, т. е. к представителям индустрии и науки. Для Сен-Симона характерно отсутствие представления о противоположности классовых интересов рабочих и предпринимателей. Он считал последних такими же тружениками, как и

рабочих, и противопоставлял их праздным паразитическим элементам — рантье, не участвующим в общественном производстве. В свой класс промышленников Сен-Симон включал как наемных рабочих, так и капиталистов, считая не только возможным, но и необходимым построить новое общество при активном участии собственников промышленных предприятий.

Основной чертой «промышленного» строя должно являться отсутствие нетрудовых, паразитических элементов. Тезис об обязательном общественном труде Сен-Симон проводит последовательно во всех своих произведениях. Новое общество, следовательно, будет обществом трудящихся, союзом людей, занятых полезными работами. При этом их руководители будут подбираться не по случайности рождения, а исключительно по способностям и талантам.

Вся реальная светская власть сосредоточивается в руках совета промышленников, а духовная — в руках Академии наук. Эти организации и осуществляют плановое руководство всем народным хозяйством. Именно поэтому будущий общественный строй Сен-Симон называл «ассоциацией» в противопоставление буржуазному индивидуализму и капиталистической анархии производства. Новое общество, в противоположность старому, должно соответствовать интересам не меньшинства, а большинства. Поэтому прежние функции управления, сводившиеся к поддержанию порядка, будут постепенно отмирать и будут заменены руководством индустриальными работами. Таким образом, управление людьми будет заменено управлением вещами. Все силы человечества будут направлены не на взаимное управление друг другом, а на совместное воздействие на природу.

«Промышленный» строй, полагал Сен-Симон, может быть и должен быть организован исключительно мирным путем. Приверженцам «нового христианства» следует завоевать мир, применяя не физическую силу, а исключительно средства убеждения. Сен-Симон видел, что при существовавших общественных условиях применение бедными классами насилия вполне возможно. Но он не только это не одобрял, а наоборот, в целях предотвращения данной «опасности», рекомендовал своим последователям обращаться с проповедью не к беднякам, а к богатым.

Именно богатые могут осуществить идеи «нового христианства» без волнений и потрясений. В этом им должны оказать содействие власть имущие — недаром во Франции правильно понятые интересы королевской власти всегда совпадали с интересами промышленников.

Учение Сен-Симона резко отличалось от уравнилельного коммунизма XVIII столетия. Сен-Симон выступал как открытый противник уравнилельных воззрений, решительно осуждал «страсть к равенству». Он проповедовал не абстрактно-идеальный мир во всем равных и похожих друг на друга добродетельных граждан, а реальное общество, непосредственно вырастающее из существующего, со всеми его социальными группами и живыми людьми. Первоочередной задачей этого нового общества является улучшение положения пролетариата — задача, которую не могли ставить перед собой утописты эпохи мануфактурного производства и феодально-абсолютистского строя. Возникшее в условиях пореволюционной французской действительности учение Сен-Симона, отражая достижения новой индустриальной техники, рисовало широкие перспективы будущего планового производства, индустриального прогресса и покорения раскрепощенным человечеством сил природы.

В учении Сен-Симона, при всем свойственном ему утопизме, содержится ряд социалистических идей, воспринятых последующими социалистическими системами и творчески использованных в свое время основоположниками марксизма. Это — идеи планового хозяйства, обязательного труда, ликвидации общественного паразитизма, отмирания государства. Энгельс отмечал, что «у Сен-Симона мы находим гениальную широту взглядов, позволившую ему высказать в зародыше почти все позднейшие социалистические идеи, не относящиеся к чисто экономической области...»¹.

Значительную роль в развитии общественной мысли первой половины XIX века сыграли социологические взгляды Сен-Симона о закономерной смене общественных формаций и значении классовой борьбы как движущей силы исторического процесса, взгляды, оказавшие непосредственное влияние на историческую концепцию

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 514.

Огюстена Тьерри, названного Марксом отцом классовой борьбы во французской историографии.

При всем их положительном содержании общественные идеалы Сен-Симона имеют довольно неопределенный и непоследовательный характер. Говоря о необходимости улучшения положения пролетариата, он в то же время не только предусматривал сохранение капиталистов в проектируемом им обществе, но и отводил им руководящую роль, так как именно предприниматели, по его мнению, и должны выступать в роли организаторов, рабочие же — лишь в роли исполнителей. Более того, ни в одном своем произведении он даже не ставил вопрос об обобществлении средств производства.

Учение Сен-Симона было, однако, значительно развито его последователями. Еще при жизни вокруг него образовалась небольшая группа учеников. После смерти Сен-Симона ученики продолжали пропагандировать его учение, внося существенные изменения и дополнения и развивая его в социалистическом духе. Это объяснялось тем, что многие сен-симонисты принадлежали к низовой интеллигенции, ближе соприкасались с пролетарскими слоями населения и более непосредственно отражали, хотя и в несовершенной форме, их настроения и чаяния. Сказывалось и то, что сен-симонистская школа формировалась во второй половине 20-х годов, т. е. в годы экономического и политического кризиса во Франции.

В противоположность Сен-Симону его ученики уже ясно видели классовый антагонизм, существовавший между рабочими и предпринимателями.

Сен-симонисты считали главной своей задачей ликвидацию эксплуатации человека человеком, рассматривая ее как коренную причину всех общественных антагонизмов. Их основной тезис гласил: «Всемирная ассоциация — вот наше будущее. Каждому по его способностям, каждой способности по ее делам — вот новое право, которое заменит собой право завоевания и право рождения. Человек не будет более эксплуатировать человека, но человек, вступивший в товарищество с человеком, будет эксплуатировать мир, отданный во власть ему». Для достижения этой цели они считали необходимым ликвидировать право наследования и частную собственность на средства производства. Выдвигая вопрос об обобществлении средств

производства, сен-симонисты тем самым решали в социалистическом духе основную проблему будущего общества, проблему, так и не разрешенную до конца их учителем. Такие лозунги сен-симонистов, как лозунг ликвидации эксплуатации человека человеком и впервые сформулированный ими социалистический принцип: «каждому по его способностям, каждой способности по ее делам», сыграли важную роль в истории социализма.

При всем том сен-симонисты оставались типичными утопистами. Они не были в состоянии раскрыть экономическую сущность капиталистической эксплуатации. Они не понимали исторической роли пролетариата и мечтали построить новое социалистическое общество не путем классовой борьбы, которую не считали созидательным фактором, а путем морально-религиозной проповеди, обращенной ко всему человечеству.

IV

Роберт Оуэн (1771—1858) родился в маленьком уэльском городке в семье шорника и торговца железными изделиями. Получив начальное образование в местной школе, Оуэн с детских лет зарабатывал себе на жизнь. Десяти лет он уже служил мальчиком в лавке, потом приказчиком в Стамфорде, Лондоне, Манчестере, а восемнадцатилетним юношей, получив взаймы 100 фунтов стерлингов, начал собственное дело. Обстоятельства ему благоприятствовали. Он оказался одним из тех дельцов, которые в условиях промышленного переворота сумели, начав с малого, быстро составить себе состояние. Оуэн стал довольно богатым текстильным фабрикантом. В 1797 г. он — акционер крупного фабричного предприятия в Шотландии, в Нью-Ленарке, а в 1800 г. — его директор.

Спустя некоторое время в Англии, а затем на континенте начала распространяться слава о нью-ленаркской фабрике и ее руководителе. Деятельность Оуэна в Нью-Ленарке была для того времени действительно необычной. Оуэн ввел на своей фабрике совершенно новые порядки. Он сократил продолжительность рабочего дня до 10½ часов и принял ряд мер по охране труда. Рабочим выплачивалась полная заработная плата даже во время кризисов, когда на фабрике сокращалось производство. Была

учреждена больничная касса, открыта школа, организованы для детей рабочих детские сады.

Все эти мероприятия создали Оуэну известность и репутацию филантропа. Сам он, однако, оставался неудовлетворенным. Несмотря на все, что он делал для рабочих, Оуэн видел, что они оставались, по его выражению, рабами предпринимателя. Он стал задумываться над тем фактом, что фабрика, несмотря на сокращение рабочего дня и прочие реформы, продолжала приносить прибыль и даже бóльшую, чем раньше. Возникал вопрос — куда же девается разность между «количеством богатства», потребляемого рабочими, и тем, которое они создают? Размышляя об этом, Оуэн постепенно дошел до критического отношения к самой основе основ капиталистического способа производства. Уже в 1817 г. в докладной записке парламентскому комитету по борьбе с безработицей он выдвинул план организации трудовых коммун. С этого времени все более оформляются его коммунистические идеи, которые окончательно складываются к 1820—1821 гг.

С тех пор всю дальнейшую жизнь Оуэн посвятил борьбе за осуществление своих коммунистических идеалов. В 20-х годах он даже предпринял неудачную попытку организовать коммунистическую колонию в Америке, на что истратил значительную часть своего состояния.

Оуэн был таким же рационалистом, как и просветители XVIII столетия. Все общественные бедствия он объяснял невежеством людей. Вся история человечества являлась, по его мнению, историей заблуждений человеческого разума. Достаточно, следовательно, просветить людей и показать им хороший пример, чтобы искоренить все общественное зло. Развитие мира идет к эре разума, когда восторжествуют «законы природы и бога». Но существующие общественные порядки далеко еще не соответствуют этому идеалу.

В своих произведениях Оуэн дает довольно подробную критику капиталистической экономики Англии того времени. Все бедствия современного ему общества он связывает с промышленным переворотом. Сравнивая положение Англии до и после введения машин, Оуэн констатирует поразительный факт: несмотря на то, что производительные силы страны выросли в двенадцать раз, это

привело не к всеобщему благосостоянию, а к громадному росту нужды. Машинное производство повлекло за собой падение заработной платы, особенно вследствие распространения женского и детского труда. Диспропорция между непрерывно возрастающим количеством товаров и покупательной способностью населения приводит к сокращению производства, что в свою очередь увеличивает безработицу.

Оуэн, однако, не враг машин. Он не ретроград, мечтающий о возвращении к старым «счастливым» временам. Оуэн видит всю огромную пользу машин, сберегающих человеческий труд, понимает, что машины приносят зло лишь в условиях капитализма, а при ином социальном строе могут служить источником общественного богатства.

Тяжелые условия существования и общественные неурядицы отражаются, по мнению Оуэна, на формируемом под воздействием окружающей среды моральном облике человека. Не удивительно, что при существующих общественных условиях люди порочны, испорчены и враждебны друг другу. Для того чтобы они стали хорошими (а природа человека сама по себе прекрасна), нужно изменить общественную среду. Препятствиями для этого являются: частная собственность, религиозные предрассудки и современная форма брака. Их необходимо устранить и создать иные общественные порядки.

Основной ячейкой нового общества, как его представлял Оуэн, должна являться община, объединяющая несколько сот человек — до трех тысяч, — имеющая в своем распоряжении большой земельный участок и общественные здания. В них расположены общие залы и столовые, школа, больница, а также жилые квартиры. За зданиями — сады, поля и различные мастерские. Каждая община должна заниматься в основном сельским хозяйством и одновременно тем или иным промышленным производством. Следовательно, характер этих общин будет аграрно-индустриальный. Все члены общины обязаны трудиться. Характер и объем труда зависит лишь от возраста. Уже с пяти лет детей, наряду с обучением, привлекают к полезным работам. Основная тяжесть производительного труда падает на молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет. На долю более старших возрастов остаются в основном

руководство производством и различные административно-управленческие функции. Труд, впрочем, не будет обременительным благодаря широкому применению машин и технических усовершенствований. Распределение в общинах должно быть организовано по принципу: каждому по его потребностям. Каждый сможет получать из общественных складов все ему необходимое. Отдельные общины станут обмениваться между собой излишками своего производства и таким образом пополнять свои запасы. В этом «новом нравственном мире» брачные отношения будут основаны не на лжи и насилии, а исключительно на взаимном влечении. Воспитание молодого поколения будет содействовать формированию трудолюбивых и всесторонне развитых личностей, гармонически сочетающих физический и умственный труд. Исчезнут преступления и раздоры, как и поводы к столкновениям между народами. Поэтому функции и задачи центральной власти будут с течением времени все более ограничиваться, и общество превратится в совокупность свободных самоуправляющихся общин.

Новое общество, которое пропагандировал Оуэн,— общество коммунистическое, где не только должна быть ликвидирована частная собственность на средства производства, где не только исчезнут классы и эксплуатация, но и потребление будет организовано по коммунистическому принципу: каждому по его потребностям.

Коммунизм Оуэна — не абстрактно-теоретический коммунизм утопистов XVI—XVIII вв. Его учение, возникшее в условиях промышленного капитализма в самой передовой по своему индустриальному развитию стране — Англии, наиболее ярко отражало влияние новой социально-экономической обстановки, созданной промышленным переворотом. Оуэн придавал большое значение этому перевороту и новой индустриальной технике, мечтал путем изменения социальных условий превратить машину из недруга в помощника человека. Он обращал свой взор не в прошлое, а в будущее.

Этот действенный, практический характер коммунизма Оуэна подчеркивал Энгельс: «Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основами общественного преобразования и должны были в

качестве общественной собственности служить благосостоянию всего общества.

На таких чисто деловых началах, как своего рода плод коммерческого расчета, возник коммунизм Оуэна. Он до конца сохранил этот свой практический характер»¹.

Подобно другим великим утопистам, Оуэн мечтал организовать коммунистическое общество исключительно мирными средствами. Он видел рост социальных противоречий в современной ему Англии и говорил об опасности революций. Но он всячески стремился предупредить социальные потрясения путем общественного преобразования, отвечавшего, по его мнению, интересам всех классов. Это преобразование, как полагал Оуэн, должно было осуществить правительство, к которому он неоднократно, но безрезультатно обращался начиная с 1817 г. В его проектах развивалась мысль о том, что правительству следовало выкупать земли у частных владельцев и организовывать из числа безработных первые коммуны, пример которых был бы заразительным. Впрочем, дело общественного преобразования могли бы взять на себя и частные лица или отдельные организации. Именно в связи с этим Оуэн и выдвигал во втором периоде своей деятельности различные проекты кооперативного характера, начиная с производственной кооперации и кончая меновыми базарами. Эти проекты также должны были, по его убеждению, способствовать постепенному мирному преобразованию капиталистического общества в коммунистическое.

Об этой утопической мечте Оуэна Ленин писал в своей известной статье «О кооперации»: «В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошрое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно

---

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 517.

превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир)»¹.

V

Таковы были две системы утопического социализма начала XIX столетия. Третьей являлось учение Фурье.

Шарль Фурье (1772—1837), как один из трех великих утопистов XIX века, был, по определению Энгельса, одним из «основоположителей социализма». На заре промышленного капитализма он, наряду с Сен-Симоном и Оуэном, противопоставил современному ему буржуазному обществу новый общественный идеал — идеал социализма. Но его социалистическая система имеет свои специфические черты, отличающие ее от учений двух других великих утопистов.

Беспощадно критикуя капиталистическое общество с его социальными противоречиями, Фурье в своих произведениях описал «гармоническое» общество будущего — общество без социальных антагонизмов, без частного производства и частной торговли, без наемного труда и нищеты. Основная ячейка гармонического строя — «сельскохозяйственно-промышленная ассоциация», фаланга. Фаланга — это производительно-потребительское товарищество, занимающееся в первую очередь сельским хозяйством и одновременно различными отраслями промышленности. Доход фаланги от совместного производства подлежит распределению между ее членами, причем часть дохода выделяется для выплаты процентов на вложенный капитал акционерам — основателям фаланги. Члены фаланги проживают в обширном здании — фаланстере. Каждому предоставляется в фаланстере то или иное помещение и питание, сообразно личным средствам.

В противоположность Оуэну Фурье не был коммунистом. Он не мечтал о коммуне, в которой наряду со всеобщим обязательным трудом осуществлялся бы принцип: каждому по его потребностям. Он даже не предусматривал полной ликвидации частной собственности. Его фаланга — акционерное, паевое товарищество, члены которого получают самые различные доходы и проживают в

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 433—434.

фаланстере не в одинаковых условиях. Членами фаланги могли быть не только трудящиеся, но и капиталисты. За последними сохранялись права на собственность — в форме акционерного капитала и на получение нетрудового дохода — в виде дивиденда от приобретенных ими акций. На противоречие между социалистическим идеалом Фурье и наличием в его фалангах частной собственности и нетрудовых доходов указывал Энгельс: «Одним внутренним противоречием грешит, однако, фурьеризм, а именно тем, что он не помышляет об отмене частной собственности. В его фаланстерах, или общежитиях, существуют богатые и бедные, капиталисты и рабочие. Собственность всех членов сосредоточивается в общем фонде, колония ведет торговлю, земледелие и промышленность, а выгода распределяется между членами: одна часть в качестве заработной платы, другая — как оплата мастерства и таланта, третья — как прибыль на капитал»¹.

С этой точки зрения Фурье был более близок к Сен-Симону, также не являвшемуся коммунистом и отводившему в своих планах будущего общества, построенного на началах «ассоциации», почетное место предпринимателям и капиталистам. Но конкретные формы «ассоциации», о которой мечтал Сен-Симон, существенно отличались от той, которую пропагандировал Фурье. Идеал Сен-Симона — хозяйственное единство, единое плановое хозяйство не только в пределах Франции, но и всей Европы, всего мира. Именно это он и подразумевал под термином «ассоциация». Для Фурье же будущее общество — это совокупность отдельных «ассоциаций», фаланг, т. е. отдельных производительно-потребительских товариществ, как для Оуэна — отдельных коммун. Сен-Симон стремился к всемерному расширению хозяйственных связей, к единому мировому хозяйству, а Фурье — к хозяйственной раздробленности. Социализм Сен-Симона был социализмом централистическим. Учения же Фурье и Оуэна — варианты социализма общинного, столь характерного для утопического социализма предшествующих веков.

В данном вопросе Сен-Симон несомненно стоит ближе к идеям научного социализма. Старая общинная форма социализма Оуэна и Фурье, в условиях первой половины

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 396.

XIX столетия, в условиях расширения хозяйственных связей и создания мирового рынка, являлась полнейшей утопией.

Несомненно, однако, что Фурье занимал среди великих утопистов первое место по своей блестящей критике буржуазного общества. Правда, и Оуэн подвергал острой и обстоятельной критике буржуазный общественный строй. Но и он уступал в этом отношении Фурье. «*Французская критика общества*, — писал Маркс в 1846 г., — обладает, — отчасти, по крайней мере, — тем большим преимуществом, что она показала противоречия и уродство современной жизни не только во взаимоотношениях отдельных классов, но и во всех областях и формах современного общества, причем сделала это в ярких и живых образах с чутьем жизни, с широтой кругозора и с смелой оригинальностью... Достаточно, например, сравнить критические заметки Оуэна и Фурье, поскольку они касаются живых отношений, чтобы получить представление о превосходстве французов»¹.

Основоположники марксизма отмечали, что общественная критика составляет наиболее ценную часть учения Фурье. В «*Анти-Дюринге*» Энгельс, подчеркивая именно эту сторону, писал, что Фурье «дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную при этом с чисто французским остроумием. Он ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкупленных льстецов новейшего времени. Он беспощадно раскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с блистательными обещаниями наступления царства разума, цивилизации, несущей счастье всем, и бесконечного совершенствования человеческого рода; он показывает, какая жалкая действительность соответствует напыщенным хвалебным речам современных ему буржуа-идеологов, и изливает весь свой сарказм на это окончательное фиаско фразы»². Маркс и Энгельс неоднократно ссылались на те или иные определения Фурье. Так, в «*Капитале*» Маркс приводит его определение фабрики как «смягченной каторги»³. Энгельс указывал, что Фурье сумел

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 673.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 263.

³ К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1953, стр. 432.

метко определить характер капиталистических кризисов, назвав первый из них «кризисом от излишка»¹.

Социализм Фурье, конечно, являлся социализмом утопическим. «При капиталистическом способе производства значение отдельного примера, скажем, какой-либо производительной артели, неизбежно было до последней степени ограничено, и только мелкобуржуазная иллюзия могла мечтать об «исправлении» капитализма влиянием образцов добродетельных учреждений»². Но как раз такой иллюзией и являлась мечта Фурье о преобразовании антагонистического капиталистического общества в общество гармоническое посредством примера организуемой богачами «пробной» производительно-потребительской ассоциации — фаланги.

Разрабатывая свой идеал «гармонии», Фурье развил и обосновал ряд гениальных идей. Он первый провозгласил «право на труд» и выдвинул идею свободного труда, труда-наслаждения. Он предсказал замену в условиях нового общественного строя конкуренции соревнованием. Он сумел понять, что «субъективная конкуренция, соперничество капитала с капиталом, труда с трудом и т. д. при этих условиях сократится до соперничества, находящего себе оправдание в человеческой природе... соперничества, которое, с устранением противоположных интересов, ограничится своей собственной и разумной сферой»³. Он пришел, наконец, подобно Оуэну, к идее ликвидации противоположности между городом и деревней. Замечательны его взгляды на воспитание, на равноправие женщин и многие другие.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 279.

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 231.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 311.

Глава вторая

МОЛОДОСТЬ ФУРЬЕ

I

«Родился Франсуа-Шарль-Мари Фурье; его крестным был его дядя Франсуа Мюгэ младший, а его крестной его старшая сестра Мариетта. Он появился на свет в 6 часов утра 7-го апреля 1772 года».

Так отмечено в анналах безансонской церкви рождение Шарля Фурье, четвертого и последнего ребенка четы Фурье, их единственного сына.

Отец Шарля был коммерсантом, хотя и не слишком богатым, но со средствами. В документах он именуется «негоциантом», а в дореволюционной Франции так называли, в противоположность «торговцам», лишь крупных коммерсантов. Фурье-старший имел в Безансоне большой суконный магазин и пользовался в торговой среде настолько значительным весом, что в 1776 г. его избрали председателем местного торгового суда. Человек он был неученый и даже, как видно из его писем, не совсем грамотный, весь круг его интересов ограничивался исключительно областью торговли и наживы.

Мать Фурье, урожденная Мюгэ, также происходила из купеческой семьи, занимавшей в Безансоне одно из самых почетных мест. Один из ее братьев, крестный Шарля, был крупнейшим негоциантом, который благодаря своему богатству приобрел дворянское звание, а после смерти оставил двухмиллионное состояние. Мать Шарля, женщина набожная, суеверная, типичная провинциальная добродетельная матрона, относилась с крайним предубеждением к нарядам, украшениям и парижским «безбожным

модам», чем немало докучала своим дочерям. Она была очень экономна и расчетлива, требуя от всех, даже от собственных детей, отчета в каждой израсходованной копейке.

Такова была провинциальная буржуазная семья, в которой рос молодой Фурье.

В Париже увлекались «философами», обличавшими старые порядки, спорили о теориях «экономистов», интересовались английской агротехникой и романами Ричардсона, зачитывались Руссо и Рейналем, признавали или отвергали Шекспира, превозносили Глюка или восхищались Пуччини и итальянской оперой. Там, в салонах, состязались в литературном вкусе и остроумии, передавали великосветские сплетни и анекдоты, обсуждали вопросы высокой политики; там собирались у богачей-откупщиков на роскошные, поистине лукулловские «философские» обеды; там устраивали триумфальную встречу Вольтеру и брали с боя места на «Женитьбу Фигаро». А здесь, во французской провинции, в среде торговой буржуазии, был другой мир — мир прозаичных повседневных материальных интересов и будничной жизни с патриархально-старомодным бытом, строгой провинциальной моралью и традиционной религиозностью. В этой обстановке и протекали детские годы Шарля.

Мальчик рос нервным и впечатлительным. Мать пугала его адом, чертями и водила с одной церковной проповеди на другую. Одаренному богатой фантазией и развитым воображением ребенку по ночам мерещились адские костры и кипящие котлы. Он был всем этим до того напуган, что однажды, семи лет от роду, покаялся на исповеди в самых страшных грехах, названия которых узнал из катехизиса.

С детства Шарль проявлял большую чувствительность и сострадание к ближним. В течение нескольких лет, как выяснили впоследствии его родители, он отдавал свой завтрак нищему, собиравшему милостыню поблизости от их дома. Мальчик не терпел несправедливости и хотя вовсе не был драчливым, да и не обладал особенно сильным сложением, но всегда вступался за более слабых. В то же время он был упрямый ребенок, старавшийся настоять на своем. Он отличался искренностью и правдивостью; не лгал и не притворялся. Впоследствии Фурье сам

рассказывал, как в детстве оказывался иногда жертвой своей правдивости. Его водили в магазин отца с шести лет. Видя, как обманывают там покупателей, он стал говорить им правду, за что был высечен. Сообщая об этом происшествии, Фурье добавлял, что оно повлияло на него настолько сильно, что в семилетнем возрасте он, подобно Аннибалу, который в детстве поклялся в вечной ненависти Риму, дал клятву в вечной ненависти к торговле. Это последнее вызывает сомнение, но остается очевидным, что Шарль не раз страдал в детстве из-за своей неуместной и наивной правдивости.

Когда ребенок немного подрос, его определили в местный коллеж. Безансонский коллеж давал типичное для той эпохи общеклассическое среднее образование. Мальчик учился хорошо и обнаруживал незаурядные способности. Так, например, из безансонского ежегодника известно, что в 1785 г. в третьем классе Шарль получил две первые премии по письменному сочинению и латинской поэзии. Сохранилось письмо некоего Мартинона к матери Фурье, из которого явствует, что ее сын делал в школе большие успехи. Об этом свидетельствовали впоследствии и бывшие товарищи Фурье по школьной скамье, даже те, которые в дальнейшем высмеивали его учение. Особый интерес мальчик проявлял к географии, тратя выдававшиеся ему на мелкие расходы деньги на приобретение карт и атласов.

Шарль увлекался не только наукой. С детских лет у него была натура мечтательная и поэтическая. Он очень увлекался музыкой и поэзией, выучился играть на нескольких инструментах и занимался композицией; с удовольствием пел под аккомпанемент гитары; довольно хорошо рисовал и, по-видимому, пробовал сочинять стихи. В его комнате всегда было множество ваз с цветами, любовь к которым Фурье сохранил на всю жизнь.

В 1781 г. отец Шарля скончался, оставив семье состояние в двести тысяч ливров. Согласно завещанию, его сын должен был получить две пятых наследства, а три дочери — по одной пятой. Но право распоряжения имуществом и доходами оставалось за его женой до замужества дочерей и совершеннолетия сына. Шарль мог войти во владение своей долей, лишь достигнув 20-летнего возраста, и то если займется торговлей. В противном случае он

мог получить наследство, когда ему исполнится 30 лет. Словом, благодаря условиям завещания, Шарль оказался в полной зависимости от матери и должен был считаться с ее желаниями и требованиями.

Способности юноши были столь очевидны, он проявлял столь явную склонность к учению, что даже мать — женщина с крайне ограниченным кругозором — стала подумывать о дальнейшем образовании сына. Как видно из письма того же Мартинона, она обращалась к нему за советом, не отправить ли Шарля продолжать учение в Париж. На это ее корреспондент, по-видимому, тоже торговец, ответил отрицательно. Париж, писал Мартинон, — город, полный опасностей для молодых людей, а кроме того, логика и физика, которые намерен был изучать молодой Фурье, вообще не нужны для коммерсанта. На том дело и кончилось ¹.

По окончании Шарлем коллежа мать решительно воспротивилась его стремлению поступить в школу военных инженеров. Дело было в расходах, которые требовались для того, чтобы обойти ограничения, установленные при приеме в это привилегированное учебное заведение, куда зачисляли лишь дворян. Шарлю пришлось подчиниться воле матери и посвятить себя, против желания, торговой деятельности.

Для обучения торговому делу мать отправила его в один из крупнейших промышленных и торговых центров страны — Лион. По словам Фурье, он был послан туда под предлогом путешествия. Но узнав на месте о подлинной цели своей поездки, он сбежал, не зайдя в контору банкира Шерера, у которого должен был служить. Во всяком случае, в Лионе молодой Фурье оставался недолго. Из двух его писем к матери явствует, что в конце 1789 г. Шарль впервые посетил Париж, а потом обосновался в Руане.

Париж произвел на юношу необычайно сильное впечатление. Парижские бульвары, набережные, церкви,

---

¹ В одном письме Фурье, написанном в старости (в 1831 г.), содержится фраза, которую можно истолковать в том смысле, что 15 лет от роду, т. е. в 1787 г., он находился в течение некоторого времени в Дижоне, где изучал «риторику».

здания — все показалось ему великолепным. Особенно поразил его Пале-Рояль, бывший в то время не только средоточием магазинов, кафе, увеселительных заведений, но и центром политической жизни столицы. Шарль в своем письме к матери называет Пале-Рояль дворцом фей, где можно найти все, что только пожелаешь. Вообще Париж, писал наивный провинциал, является самым приятным местом, какое только можно себе вообразить. Парижская жизнь так прельстила юношу, что ему не хотелось уезжать, и он задержался в столице несколько лишних дней, всячески оправдываясь перед матерью, сваливая все на плохую погоду. Вообще Шарль очень боялся матери, особенно в денежных делах. В своих письмах он отчитывался перед ней в каждой мелкой трате, вплоть до 12 су, данных портье парижской гостиницы, старался объяснить свои расходы дороговизной, убеждал, что истратил не слишком много и был очень экономным.

Из блестящего Парижа Шарль отправился в Руан, который показался ему очень неприглядным. Этот город с закопченными деревянными домами произвел на него впечатление тюрьмы после дворца. Вообще настроение в Руане, судя по письмам, у него было неважное. Хотя о своем патроне, к которому он поступил на обучение, и о его семье он отзывался хорошо, но все же в этом городе долго не остался, вскоре «дезертировал» вторично и уехал в Лион. Там Фурье поступил в торговый дом некоего Бускэ, который в 1791 г. в письме к его матери весьма лестно о нем отзывался. «Я подтверждаю, мадам,— писал Бускэ,— что ничто не может сравниться с хорошим характером вашего сына: он кроток, честен и образован».

Но юноша был непоседой. Его обурежала подлинная страсть к путешествиям. Шарль часто менял своих патронов, несмотря на то, что те пытались его удержать. Вскоре он покинул Лион и переехал на службу в Марсель, а потом в Бордо. По поручению своих хозяев Фурье много разъезжал по торговым делам. Кроме того, и собственные деньги, которые получал от матери, он обычно тратил на путешествия. За эти годы он посетил многие города не только Франции, но и Германии, австрийских Нидерландов, Голландии. Лишь к началу 1793 г. Фурье вернулся в родной Безансон.

II

В то время как молодой Фурье обучался торговому делу, чтобы стать достойным преемником своего отца и уважаемым коммерсантом, во Франции, где давно назревал грандиозный социально-политический кризис, с головокружительной быстротой развивались события. Пал абсолютизм. Вскоре лавина народного гнева опрокинула трон и уничтожила антидемократическую монархическую конституцию. Франция, которая мужественно обороняла свою свободу от австро-прусских войск, была провозглашена республикой. Казнь короля послужила непосредственным поводом к созданию против революционного государства всеевропейской коалиции во главе с Англией. Поднимала голову внутренняя контрреволюция. Экономическое положение страны, зажатой в тиски блокады и интервенции, с каждым днем становилось все более тяжелым. Недостаток основных продовольственных товаров, хозяйственная разруха и спекуляция грозили задушить революцию костлявой рукой голода. В Конвенте разгоралась борьба между жирондистами и якобинцами. Представители народных низов, «бешеные», агитировали за «максимум» — твердые цены, реквизицию товаров у спекулянтов и даже за раздел имущества богачей. Социальные конфликты нарастали с каждым часом.

Как раз в период революционного кризиса Фурье, которому тогда исполнилось двадцать лет, вступил в Безансоне во владение своей долей отцовского наследства. Получив сумму в 42 932 ливра, он, после двухмесячного пребывания в родном городе, отправился в Лион, где намеревался заняться торговой деятельностью. Для начала Фурье выписал из Марселя колониальные товары, надеясь хорошо на них заработать.

Момент для практического применения своих коммерческих способностей молодой торговец выбрал крайне неудачно. В эти бурные дни процветали лишь спекулянты-хищники, а отнюдь не щепетильные и добросовестные люди вроде Фурье. Да и трудно было выбрать более неосмотрительно город для мирных занятий коммерцией. Весной 1793 г. политическая атмосфера в Лионе была накалена до крайности. Борьба между якобинцами и жирондистами перерастала в открытую гражданскую войну. 29 мая

произошел контрреволюционный переворот. Во главе городского самоуправления стали жирондисты. После казни вождя лионской демократии Шалье и окончательного разрыва с Конвентом началась осада Лиона революционными войсками. Осада, которая продолжалась с 8 августа по 9 октября, закончилась взятием города. Конвент издал знаменитый декрет о разрушении Лиона (точнее, разрушении всех жилищ богачей) и предании забвению его названия.

Эти события привели Фурье к полному разорению. Во время осады он лишился всех товаров, в которые вложил свой капитал. Тюки хлопка были использованы для строительства оборонительных сооружений. Для госпиталей и питания бойцов реквизировали рис, сахар, кофе и другие продукты. Фурье пришлось и самому взяться за оружие, причем во время одной из вылазок он чуть было не погиб.

Когда Лион был взят якобинскими войсками, Фурье арестовали, и только благодаря счастливой случайности ему удалось сохранить жизнь и выйти на свободу. Но и после этого он несколько раз подвергался новым арестам и, таким образом, в течение нескольких недель постоянно находился под угрозой смерти. Случалось, что в течение одного дня у него производили до трех обысков, причем отбирали все, вплоть до часов и географических карт.

Из Лиона Фурье, наконец, удалось выбраться. Он скрывался некоторое время в окрестностях, после чего вернулся в Безансон, к семье. Но его мытарствам еще не пришел конец. Документы у Фурье оказались не в порядке, и по приезде в Безансон его вновь арестовали и продержали в тюрьме несколько дней. Освобождение последовало лишь благодаря вмешательству шурина, являвшегося в то время членом безансонского революционного комитета. Характерно, что сам Фурье и не подумал даже обратиться к шурина. Это сделали родные, узнав через жену тюремного сторожа, что их Шарль арестован.

Следует сказать, что в результате всех этих событий Фурье до конца дней проявлял самое неприязненное отношение к революции. Во всех своих произведениях он писал о революции, особенно о периоде якобинской диктатуры, с явной враждебностью, считая режим 1793 г.

возвращением к варварству и называя якобинцев янычарами, которые наводнили страну доносчиками и покрыли ее эшафотами. По свидетельству его учеников, ничто так не раздражало Фурье, как сопоставление его идей с доктринами революционеров: он не хотел иметь «с этими людьми» ничего общего.

Несмотря на слабое здоровье, Шарль вскоре был вынужден поступить в армию, так как подпадал под действие декрета Конвента о всеобщей воинской повинности. Он был зачислен 22-го прериаля II года (10 июня 1794 г.) в полк конных егерей, который входил в состав рейнско-мозельской армии и находился под командой одного его дальнего родственника. Не чувствуя никакого призвания к военному делу, он стремился уйти из армии при первом удобном случае. Но его демобилизовали лишь спустя полтора года — 3-го плювиоза IV года (23 января 1796 г.).

Не имея денег, молодой человек не мог рассчитывать стать самостоятельным коммерсантом. Поскольку, однако, у него не было другой специальности, ему не оставалось ничего иного, как зарабатывать себе на жизнь, работая в различных торговых предприятиях или выполняя посреднические функции.

Фурье неоднократно менял род занятий и за долгие годы работы на торговом поприще был бухгалтером и кассиром, экспедитором и письмоводителем, коммивояжером и маклером. В первое время он часто менял также и свое местопребывание. Известно, например, что в 1797 г. он провел несколько месяцев в Париже, после этого много путешествовал как коммивояжер. В начале 1799 г. служил в Марселе, а в 1800 г. вновь совершил поездку в Париж. Наконец, он возвратился в Лион, где на этот раз обосновался на длительный срок в качестве «биржевого зайца», т. е. неофициального биржевого маклера.

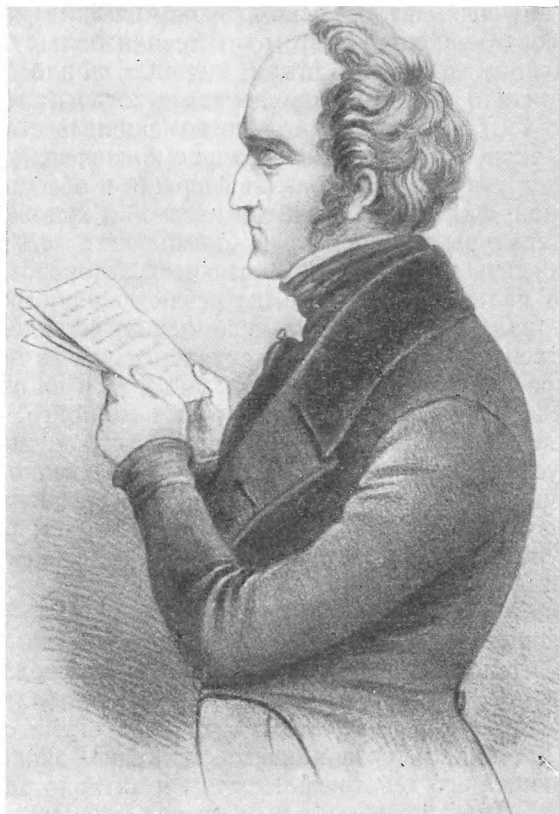
III

После окончания коллежа, где он получил самые общие и более или менее поверхностные знания, Фурье не имел возможности продолжать образование и свою жажду знания удовлетворял путем чтения в свободные от работы минуты. В дни молодости он читал довольно много

и проявлял большую любознательность. Интересовался и точными науками, и философией, и художественной литературой. Но его школьное образование было слишком элементарным, чтобы в нем выработалось умение самостоятельно ориентироваться в литературе. Не было у него и навыков систематической, углубленной работы над книгой. Поэтому он пополнял свои знания как типичный самоучка, читая все, что попадалось под руку.

Вот типичный образец методов чтения Фурье: «Я три раза подряд,— писал он в одном из своих произведений,— был возмущен картинами бедности ученых. Утром, читая в газетах отчет о заседании Французской Академии, я нашел там стансы г-на Ренуара о нужде поэта Камюэнса... к полдню, перебирая некоторые бумаги, я нашел старый номер одной газеты, где оплакивалась бедность г-на Гейне, выдающегося ученого Германии... вечером мне попал в руки том Расина, и я прочел детали о бедности Дюмарсе...» Фурье неоднократно говорил, что не мог не читать одновременно нескольких произведений. А то, что он читал, было большей частью обзорной или вовсе случайной литературой. Почти ни одного из многочисленных авторов, даже французских, которых он цитировал в своих сочинениях, он не читал в подлиннике, не говоря уже о том, что не знал никаких иностранных языков и, по свидетельству своих учеников, никогда не проявлял желания их изучать. Сам Фурье наивно признавался, что не был в состоянии одолеть произведения тех или иных «философов»; так, начав однажды читать Кондильяка, не смог закончить даже второй главы. Противопоставляя себя Декарту, он тут же заявлял, что не читал его трактата. О Песталоцци и его педагогической системе он имел сведения лишь из «анализа», помещенного в официальной правительственной газете «Монитор». В его произведениях часто упоминаются имена Канта, Фихте и Шеллинга, но меньше всего можно думать, что он читал их работы. Об их идеях Фурье узнал лишь из одной маленькой обзорной статьи на французском языке, посвященной немецким «метафизическим системам», которую от кого-то получил, когда захотел ознакомиться с «потоками современной премудрости».

Все эти случайные сведения Фурье черпал в основном не из книг, а из французских периодических изданий.

Фурье в молодости
Портрет работы художника Брандта

В последние годы жизни он почти совсем перестал интересоваться книгами, отказываясь читать даже рекомендуемые учениками произведения и ограничиваясь просмотром прессы. Но и в дни молодости именно журналы являлись основным источником его сведений о литературных, научных, философских, экономических новостях и идеях современности. В этом отношении большую роль в его идейном развитии играл журнал «Философская, литературная и политическая декада», который выходил с 1794 по 1807 г. В нем не только помещались статьи на научные, экономические, литературно-критические темы, но и систематически печатались выдержки и обзоры новинок научной, философской, экономической и художественной литературы. Просмотрев комплекты «Декады», можно убедиться, что имена почти всех авторов, упоминаемых в дальнейшем Фурье, встречаются на страницах этого журнала. Журнал этот, несомненно, являлся если не единственным, то, во всяком случае, одним из главных источников сведений Фурье об этих авторах и их работах. То же относилось и к области научных знаний. Ученики Фурье старались впоследствии уверить, что в молодые годы он усиленно занимался изучением естественной истории, физики, химии, астрономии и других точных наук. Но это изучение ограничивалось ознакомлением с популярными обзорными статьями и заметками в «Декаде» и других аналогичных изданиях.

Конечно, не это беспорядочное чтение играло основную и решающую роль в идейном формировании Фурье как мыслителя. Он был превосходным наблюдателем, имея для этого все необходимые данные. Он обладал необычайной впечатлительностью. При этом он не ограничивался пассивным созерцанием, а жадно знакомился с окружающей его действительностью и активно разыскивал то, что Золя впоследствии называл «человеческими документами». По свидетельству лиц, с ним общавшихся, Фурье очень любил расспрашивать всех, с кем бы ни встречался. Особенно любил он задавать многочисленные вопросы людям из народа. При этом у него выработалась привычка постоянно делать заметки на клочках бумаги, которые всегда были у него под рукой.

Все, что он видел и узнавал, он прочно и надолго запоминал. Фурье обладал прекрасной памятью. Даже в ста-

рости он поражал собеседников исчерпывающими сведениями о самых незначительных местах, которые ему удалось посетить не более раза, и то в молодые годы. Образная память, подобно фотографической пластинке, навсегда фиксировала все им виденное и слышанное.

Ум его не был умом пассивным, лишь регистрировавшим факты; это был ум созидательный, конструктивный. Фурье был одарен не только огромной впечатлительностью, но и большим творческим воображением. Разрозненные наблюдения сплетались и сочетались в единую целостную картину и давали материал для глубоких и плодотворных обобщений и заключений. Активная творческая фантазия помогала Фурье разрешать мучившие его вопросы и использовать отдельные, иногда совершенно незначительные и случайные данные для грандиозных построений.

А кругом происходили такие удивительные события и возникали повседневно такие новые проблемы, что над ними не мог не задумываться такой гениально одаренный ум, как глубокий и ищущий ум Фурье.

Глава третья

«ОТКРЫТИЕ»

I

К началу нового столетия уже можно было подвести предварительные итоги революционного кризиса, пережитого Францией. Начинали вырисовываться контуры нового общественного здания, которое вырастало на развалинах феодализма.

Грандиозные изменения произошли в социальных отношениях. Революция ликвидировала общественно-политическое господство двух прежних привилегированных сословий — дворянства и духовенства и их хозяйственно-экономическую базу — феодальное землевладение, передала власть в руки буржуазии и укрепила хозяйственную мощь ее и в городе, и в деревне. Революционный шквал произвел переворот в жизни, в быту, в сознании людей и не мог не выдвинуть новых проблем, новых задач. Все это, а также хозяйственно-экономическая разруха, обусловленная войной и интервенцией, и продовольственный кризис непосредственно затронули самые широкие слои населения в их повседневной жизни.

Падение якобинской диктатуры и ликвидация «максимума» необычайно ухудшили положение мелкобуржуазных слоев и широких народных масс. Катастрофическое падение ассигнатов — выпущенных во время революции бумажных денег, а затем и второго их варианта — территориальных мандатов, неудержимый рост цен разорили мелкобуржуазные слои и сделали необычайно тяжелыми условия существования наемных рабочих, служащих, интеллигенции.

Положение широких слоев населения не улучшилось и после того, как прекратилось обесценивание денег. Промышленный застой и массовая безработица всей своей тяжестью обрушились на мелких торговцев, ремесленников, рабочих. Разоренные инфляцией рантье, служащие, которым месяцами не выплачивалось жалование, а также представители интеллигенции часто вынуждены были, по свидетельству современников, продавать последнее имущество. В обстановке политического и хозяйственного кризиса эпохи революции погибло много крупных состояний и пострадало немало представителей старой буржуазии. Эти же условия не только упрочили в конечном итоге мощь буржуазии как класса, но и непосредственно создали предпосылки для самой необузданной спекуляции, молниеносного обогащения и возникновения слоя новых богачей — «нуворишей». Падение денежного курса, покупка и перепродажа национальных имуществ, военные поставки — все это являлось для спекулянтов и дельцов настоящим золотым дном. После контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.) они не считали нужным скрывать свое богатство, цинично его афишировали, спеша пользоваться жизнью. Даже полицейские отчеты эпохи Директории полны описаний чрезмерной и скандальной роскоши буржуазной верхушки, всех этих спекулянтов «ажитеров», поставщиков, их жен и любовниц.

Противоположность роскоши и нищеты, резкий контраст между крайней нуждой масс и прожиганием жизни кучкой необразованных и малокультурных «нуворишей» резко ощущались современниками. Кричащие противоречия послетермидорианского общества — этой злой карикатуры на дореволюционные идеалы равенства и братства прекрасно показаны французским писателем Мерсье в его произведении «Новый Париж». Яркими красками изображает Мерсье новое буржуазное общество, характерной чертой которого был «гнусный контраст между самым неистовым богатством и самой ужасающей нищетой», общество, где «золото стало более привилегированным, чем людская жизнь», где царили «корсарская жадность» к приобретению богатств и сумасбродное расточительство.

Нигде, быть может, жажда наживы и жадность стяжания не приняли таких уродливых, циничных форм, как в

Лионе, этом крупнейшем торгово-промышленном центре Старые и новые богачи, коммерсанты, финансисты и маклеры — все были охвачены спекулятивной горячкой. Вакханалия ажиотажа, связанного с ожесточенной конкуренцией, частыми банкротствами и прямыми мошенническими проделками, приняла там такие размеры, что повергла в испуг даже местные власти, которые громко сетовали по поводу недопустимых «спекуляций свободной торговли».

Все эти «низкие спекуляции» молодой Фурье наблюдал не в качестве постороннего зрителя. Как торговому агенту, ему приходилось не только на практике знакомиться со всеми «жульническими махинациями торговцев», но иногда и самому принимать в них невольное участие. «Я видел своими глазами гнусности торговли и не описываю их по наслышке», — с полным основанием заявлял он впоследствии.

Особенно сильное впечатление произвел на него такой, например, случай, о котором Фурье вспоминал много лет спустя. В начале 1799 г. в Марселе он, по поручению своих хозяев, был вынужден тайно бросить в море большой груз риса, припрятанного в голодный год его патронами в ожидании повышения цен и в конце концов сгнившего.

Подобные факты должны были производить тем большее впечатление на молодого человека, что они наглядно демонстрировали все хищнические свойства капиталистической наживы, весь грабительский характер «торговли», при которой кучка торговцев обогащалась на народной нищете и голоде. Такой чуткий, отзывчивый человек, как Фурье, в груди которого с юношеских лет горело благородное негодование против общественных несправедливостей, не мог относиться равнодушно к страданиям народных масс.

Лион, где снова и надолго обосновался Фурье, являлся не только торговым, но и крупнейшим индустриальным городом, центром знаменитой шелкоткацкой промышленности Франции. Ни в каком другом французском городе той эпохи не было такого высокого процента рабочего населения, занятого в подавляющем большинстве в одной отрасли промышленности и непосредственно трудившегося на кучку капиталистов.

Конечно, и в Лионе машинная индустрия еще тогда не существовала, следовательно, не было и фабричного пролетариата. Шелкоткацкая промышленность представляла не только в ту эпоху, но и в первой половине XIX века типичный образец капиталистической мануфактуры с производством, распыленным по мелким мастерским, работавшим на скупщиков. Но социальные противоречия между трудом и капиталом нигде во Франции не проявлялись так ярко, как в этом рабочем городе. Трудящееся население систематически недоедало, жило скученно в мрачных домах-казематах, работало по 18 часов и хорошо знало, особенно в условиях пореволюционного промышленного кризиса, все ужасы безработицы. Широко был распространен более дешевый женский и детский труд. Подлинным бичом в рабочей среде были алкоголизм и проституция. Словом, все, что так характерно для индустриальных центров первой половины XIX века, можно было видеть в Лионе уже в конце XVIII столетия.

Именно о лионском труженике писал один из современников Фурье аббат Бертолон: «Всегда он встает раньше восхода и продолжает свою работу до поздней ночи, дабы ее длительностью компенсировать незначительность оплаты. В течение трех четвертей дня он пригвожден к станку, работать у которого в тысячу раз тяжелее из-за положения тела, чем при какой-либо другой профессии. Поэтому никогда он не достигает глубокой старости; уверяют даже, что никогда рабочий не является сыном или внуком рабочего. Самое ничтожное пропитание поддерживает их существование, и можно сказать, что они едят скорее не для того, чтобы жить, а для того, чтобы не умереть. Кто-то сказал, что нигде нельзя было бы учредить такие мануфактуры, как в Лионе, так как необходимо было бы найти и в других местах людей, которые столь же недоедали бы и недосыпали. Вся семья проживает или, вернее, стиснута в узком помещении, воздух коего неизбежно насыщен миазмами; отсюда целый ряд болезней, часто вынуждающих их идти в госпитали, стремясь найти там скорее не помощь, а быстрое средство избавиться от грустного и тяжелого существования».

Живя в переломный пореволюционный период в лионской среде, питаюсь непосредственными впечатлениями резких социальных противоречий этого индустриального

города, сталкиваясь с нуждой и лишениями рабочего населения, видя несоответствие между трудом и доходами, наблюдая оргии наживы и спекуляции «свободной торговли», молодой Фурье проникался критическим отношением к новому буржуазному обществу. В нем росло чувство неудовлетворенности существующим. Он все более отчетливо сознавал, что крушение феодально-абсолютистского строя привело лишь к вящему торжеству «меркантильного духа», к ограблению масс в пользу кучки дармоедов-паразитов. Фурье видел, что провозглашенные революцией равенство и братство существовали лишь на бумаге и не обеспечивали лионским труженикам прожиточного минимума и элементарного удовлетворения человеческих потребностей. Неприглядная действительность побуждала его к поискам чего-то нового, какой-то более разумной и справедливой общественной организации, при которой не было бы ни «гнусностей торговли», ни нищеты и страданий трудящихся масс. В этих поисках Фурье пришел постепенно к идее «ассоциации» — наилучшей, по его убеждению, гарантии всеобщего благосостояния и благополучия.

II

Во второй половине XVIII столетия во французской литературе появился целый ряд проектов «ассоциаций».

Впервые такой проект был опубликован в 1755 г. на страницах «Экономического журнала» и вскоре, без существенных изменений, воспроизведен в знаменитой «Энциклопедии» — в статье Фегэ об общинах моравских братьев. В статье подчеркивалось, что все, кто жили сообща, находились в гораздо большем довольстве, чем те, кто вели хозяйство раздельно. Исходя из этого принципа выдвигался план организации «общины» или «ассоциации» на следующих началах. Члены ассоциации объединяются добровольно, внося каждый определенный пай, который можно получить обратно, покидая товарищество. Все занимаются различными профессиями, искусствами или ремеслами сообразно своему вкусу, своим знаниям, своему таланту, живя в общем доме. Женщинам, детям и нетрудоспособным оказывается поддержка за общий счет.

Этот проект вызвал многочисленные подражания. Накануне революции, в семидесятых-восемидесятых годах, выдвигалось много планов ассоциаций: или производительно-потребительских, т. е. объединений отдельных групп лиц для совместного труда и совместной жизни, или только потребительских, т. е. для совместного ведения домашнего хозяйства. В литературе стали появляться и довольно подробные описания домов, в которых должны были проживать члены подобных ассоциаций — жилых помещений, общих залов и т. п.

В этой связи следует особо отметить многочисленные проекты плодovitого писателя Ретифа де ля Бретонна, который выдвигал планы сельских и городских потребительских и производительных ассоциаций, вплоть до кооперативного объединения типографских рабочих, к числу которых он сам одно время принадлежал. В произведении «Андрограф» Ретиф мечтал даже об объединении всех граждан, правда, по профессионально-классовому признаку, в подобные производительно-потребительские товарищества.

Появление во французской литературе второй половины XVIII века такого рода идей не было случайным. По указанию самих авторов проектов, их идеал «ассоциации» был обусловлен стремлением избавиться от нужды и горестей или хотя бы от забот и тревог «малоимущих», людей «со скромными средствами», чувствовавших себя «изолированными в толпе», опасавшихся как «отсутствия занятий», так и «зависимого положения». Развитие товарно-денежного хозяйства и капиталистических отношений в городе и деревне побуждало некоторых представителей мелкобуржуазно-демократической интеллигенции выдвигать, еще накануне революции, планы различного рода коллективных товариществ. Но все эти товарищества мыслились лишь как маленькие объединения, организуемые в условиях существующего общественного строя и ставящие перед собой ограниченную задачу улучшения материального положения горсточки «ассоциированных» путем взаимной поддержки и совместного сопротивления конкуренции со стороны крупных собственников.

Идея «ассоциации», как таковая, не была, следовательно, новой во французской литературе в ту эпоху, когда молодой Фурье формировался как мыслитель. Ряд косвен-

ных данных дает основание предполагать, что он был знаком с некоторыми из современных ему планов ассоциаций, в частности с некоторыми работами Ретифа и статьей Фегэ в «Энциклопедии».

Статья Фегэ «Моравы», в которой излагался план производительно-потребительского товарищества, была специально посвящена существовавшим в XVIII столетии так называемым «моравским» или, точнее, гернгутерским общинам¹. Об этих общинах Фурье мог иметь сведения не только из литературных источников. Весьма вероятно, что он лично ознакомился с ними во время своих путешествий в 1791—1792 гг. по Германии и Нидерландам. Во всяком случае, в его произведениях и рукописях неоднократно упоминается о гернгутерских общинах. А последние представляли собой как бы наглядный пример ассоциаций. Они делились, сообразно возрасту, полу и семейному положению их членов, на отдельные группы, называвшиеся «хорами». Некоторые из «хоров», например «хоры» холостых «братьев», незамужних «сестер», вдовцов и вдов, проживали совместно в общих домах. Что представлял собой такой дом, вроде, скажем, дома «братьев» в самом Гернгуте, известно из описаний современников. Это было обширное помещение с жилыми комнатами, галереями, общей столовой, различными мастерскими, где совместно работали члены «хора». Помимо пекарни и кухни, имелись бойня и прачечная. При доме находился маленький сад и огород. На Фурье эти гернгутерские «ассоциации» и особенно дома-общества несомненно должны были произвести глубокое впечатление. Как бы то ни было, в планах своих фаланг он воспроизводит и подразделение на «хоры», и даже такие характерные для гернгутерских общин детали, как столы трех категорий в разную цену.

По возвращении из заграничных поездок Фурье, как уже говорилось, оказался в разгар революции в Лионе, где атмосфера в то время была крайне напряженной. Среди других вопросов все большее значение здесь, как и во всей Франции, приобретал продовольственный вопрос. Предлагались различные средства и выдвигались различ-

---

¹ По названию первого поселения Гернгут, основанного в 1722 г. в Саксонии.

ные проекты для его разрешения. В Лионе, в частности, мировой судья и бывший член муниципалитета Ланж вел в это время агитацию за организацию на каждые сто семейств кооперативных «амбаров изобилия». Объединенные в одну монопольную «компанию», они должны были бы снабжать обслуживаемые ими семейства хлебом и другими товарами, предоставляя в то же время кредит земледельцам и получая затем всю их продукцию. Реформа, которую предлагал Ланж, преследовала непосредственную цель борьбы со спекуляцией и по существу предусматривала лишь замену частной торговли кооперативной. Но и подобного рода «ассоциативные» идеи, относившиеся к сфере обмена, могли заинтересовать Фурье.

Все практические образцы и планы «ассоциаций», с которыми тем или иным путем ознакомился молодой Фурье, воспринимались им в момент, когда он начинал все больше тяготиться неприглядной действительностью. Все эти примеры и идеи, соответствующим образом им переработанные и интерпретированные, представляли поэтому богатый материал для его творческой мысли.

III

Творческая фантазия проявлялась у Фурье с юных лет. Уже в ранней молодости он разрабатывал различные планы, предлагал разного рода нововведения. Об этом имеются лишь случайные и отрывочные сведения, но и они достаточно характерны.

В одном из своих произведений Фурье впоследствии рассказывал, что еще в 18-летнем возрасте, во время первой прогулки по парижским бульварам у него возникла идея «унитарной архитектуры», т. е. постройки зданий нового усовершенствованного типа. Он уверял даже, что этим «открытием» был обязан «двум маленьким особнякам между улицами Акация и Н. Плюме». В другой работе Фурье вспоминал, что в начале девяностых годов под влиянием впечатления, произведенного уродством городов Руана и Труа, у него возник «план города весьма отличного от наших».

То, что эти заявления и утверждения не являлись сознательными или бессознательными позднейшими измышлениями, подтверждается письмами Фурье к матери

в конце 1789 г., в которых он действительно восторгался Парижем и противопоставлял этот «прекрасный город» «уродству Руана». Поэтому можно верить, что о чем-то новом, о каком-то светлом и прекрасном городе будущего Фурье грезил еще юношей.

Вскоре он стал разрабатывать проекты перестройки старой цеховой организации. Вопрос этот в начале девяностых годов был как нельзя более актуальным. Учредительное собрание только что, в 1791 г., ликвидировало цехи, вокруг которых велась борьба в течение всей второй половины XVIII столетия. Цеховую организацию защищали и идеализировали не только реакционеры, приверженцы «старого режима», которые видели в ней один из устоев сложившихся порядков. В ее защиту выступали и многие идейные представители мелкобуржуазных и пролетаризирующихся слоев. В цеховых началах они видели оплот против капиталистической конкуренции. Неудивительно, что в дни своей молодости и Фурье не склонен был приветствовать полную ликвидацию цехов (об этом акте Учредительного собрания он отзывался неприязненно и в дальнейшем), а мечтал о своеобразном их возрождении, но в преобразованном и улучшенном виде.

В юные годы Фурье, по-видимому, увлекался не только проектами различных общественных реформ, но и фантазировал на самые различные темы. Впоследствии он утверждал, что чуть ли не первый придумал систему передвижения по железным рельсам. Он занимался даже реформой нотописания.

Первые дошедшие до нас документальные свидетельства о проектах и планах Фурье относятся к эпохе Директории. Это два письма, отправленные им правительству. Поступок был необычайно характерен и типичен для Фурье. Двадцатипятилетний, никому неведомый мелкий торговый служащий, нимало не смущаясь, обращался к Директории со своими предложениями и наставлениями по важным политическим вопросам. Дело в том, что фантазирование и «проектирование» не являлось для него самоцелью; еще в ранней молодости он считал себя «изобретателем», чьи предложения могли облагодетельствовать общество. Поэтому с юношеского возраста вплоть до своей смерти, в течение сорока лет, он настойчиво предлагал свои планы вниманию правительства. Это не являлось

ни бесцеремонностью, ни стремлением из эгоистических побуждений обратить на себя внимание. То была глубочайшая, искренняя уверенность в себе и вера в громадное общественное значение своих идей.

Одно из упомянутых писем было отправлено 3-го мессидора IV года (21 июня 1796 г.), вскоре после оставления им военной службы. В нем Фурье, как видно из ответа, подписанного Карно, предлагал вниманию Директории способы ускорения передвижения республиканских войск от Рейна к Альпам и обратно¹. Второе письмо было послано им 5-го флореаля V года (24 апреля 1797 г.) на имя министра иностранных дел. В архиве сохранился ответ «гражданину Фурье» от 19-го флореаля. Судя по ответу, Фурье развивал какие-то планы относительно «обмена и компенсаций», которые считал необходимым предусмотреть в мирных договорах, заключаемых Французской республикой с враждебными державами.

По-видимому, эти факты не были единичными. Свое длительное пребывание в Париже в том же 1797 г. Фурье, очевидно, использовал для настойчивых обращений со своими предложениями не только непосредственно к правительству, но и ко многим более или менее влиятельным лицам². Во всяком случае, сохранилось письмо одного депутата, члена совета пятисот, в котором тот указывал Фурье, что его проекты слишком уклоняются от общепринятых идей и установленных порядков и что поэтому они могут быть осуществлены лишь в отдаленном будущем. Каковы же были эти проекты, к сожалению, неизвестно.

О том, что в эпоху Директории молодой Фурье неоднократно обращался к правительству с различного рода предложениями и поучениями, впоследствии упоминал он сам. «Много раз,— писал он в 1804 г.,— я посылал правительству политические записки; я получал в ответ лестные письма, подписанные Карно, Талейраном и другими лицами, которые, я надеюсь разумеют кое-что в политике».

---

¹ Карно от имени Директории благодарил Фурье за высказанные им соображения. По свидетельству одного из друзей, Фурье, кроме того, подготовил проекты, которые касались всей системы организации армии и ее снабжения.

² Есть сведения, что в Париж он отправился специально для представления своих проектов.

Непрестанно проектируя реформы и нововведения, разрабатывая различные планы, Фурье постепенно приходил к мысли о необходимости полной реорганизации общества на новых началах. Так он дошел до своего знаменитого «открытия». В дальнейшем, во всех своих произведениях Фурье неоднократно указывал, что он сделал свое «открытие» не то в 1798 г., не то в 1799 г.

В одной из рукописей он даже довольно подробно рассказывает об обстоятельствах этого, по его мнению, всемирно-исторического события. «Для меня, как и для Ньютона, компасом расчета явилось одно яблоко. За это яблоко, достойное знаменитости, было заплачено 14 су одним путешественником, обедавшим со мною в ресторане Феврье в Париже. Я тогда прибыл из области, где такие же яблоки, и даже лучшие по качеству и величине, продавались по пол-лиара, т. е. более ста штук за 14 су. Я был так поражен этой разницей в цене в областях одного и того же климатического пояса, что начал подозревать наличие фундаментальной неисправности в индустриальном механизме, и отсюда начались поиски, которые через четыре года привели меня к открытию серий индустриальных групп и в результате — законов мирового движения, упущенных Ньютоном».

Истории с этим яблоком, приводимой по аналогии с знаменитым яблоком Ньютона, Фурье, конечно, необоснованно придавал чрезвычайное значение. Ведь произведенное им тогда наблюдение над разницей в цене на один и тот же товар никак не было для него, торгового коммивояжера, какой-то неожиданной новостью. В лучшем случае это наблюдение, если вообще оно имело место как определенный конкретный факт, могло явиться лишь своеобразным толчком для суммирования всего накопленного опыта. Сам Фурье в другой рукописи, говоря о своем «открытии», указывает, что оно только «до некоторой степени» обязано случаю.

Как бы то ни было, несомненно, что в конце девятых годов, после целого ряда разрозненных реформаторских замыслов, у Фурье зародилась мысль о коренном преобразовании существующей экономической и социальной структуры, современного «индустриального механизма», путем организации производительно-потребительских товариществ или «ассоциаций».

Новые общественные идеалы Фурье сложились, однако, не сразу. Даже в рассказе о своем «достойном знаменитости» яблоке он признает, что разработка «теории» потребовала целых четырех лет. Первоначально Фурье мыслил организацию лишь маленьких потребительских товариществ, т. е. объединений домашних хозяйств ряда семейств, проживающих в одном и том же доме-общечитии. Возможно, что под влиянием планов Ланжа он задумывался также и над торгово-кредитной реформой. Но вскоре чисто потребительские общины превратились у него в производительно-потребительские ассоциации. В начальных вариантах то были маленькие, «простые» товарищества, сельские и городские. Постепенно, расширяя состав и усложняя внутреннюю структуру этих товариществ, Фурье дошел до идеи полной ликвидации существующих общественных порядков и их замены новым «гармоническим» строем, основанным на объединении всего человечества в «сложных» сельскохозяйственно-промышленных ассоциациях, впоследствии названных им фалангами.

Это, несомненно, явилось решающим этапом в формировании общественных идеалов Фурье, так как тем самым он перешагнул грань, резко отделившую его от прочих авторов проектов и планов ассоциаций второй половины XVIII века, мечтавших лишь о различного рода кооперативных объединениях в условиях существующей действительности. Именно в связи с возникновением идеи гармонического общества начали также постепенно оформляться и прочие элементы системы Фурье: теория страстей, использованная им для обоснования превосходства нового общественного строя, социологические воззрения, доказывающие его историческую неизбежность, космогонические идеи, причудливо сплетающиеся с общественными идеалами. Так, по его выражению, «скромный расчет» ассоциации привел к открытию всей «теории судеб».

Когда все это произошло, точно сказать трудно. Сам Фурье впоследствии связывал свою поездку в Париж в 1800 г. с разработкой своей системы. В Париже, по его свидетельству, он усиленно занимался, но из-за материальной необеспеченности вынужден был через восемь-девять месяцев покинуть столицу и отправиться в Лион, чтобы зарабатывать себе на жизнь. В другом месте Фурье

писал, что уже с 1799 г. занимался «сложной ассоциацией». В одной из рукописей он указывал, что теория «большой ассоциации» была ему известна с 1800 г. В рассказе о яблоке он заявляет, что дошел до открытия «серий индустриальных групп» примерно к 1802 г.

Бесспорно одно, что основной процесс формирования его системы приходится на 1798—1803 гг. В 1803 г. Фурье выступил уже с первым публичным изложением «открытия». Убежденный в величии своей цели, он — «скромный приказчик» — смело бросился в бой против царящего зла и общественных несправедливостей, как самоотверженный борец за светлое будущее, как провозвестник грядущего счастья человечества.

Глава четвертая

БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ

I

В сутолоке повседневной жизни Фурье не переставал мечтать о публицистической деятельности.

Еще в августе 1800 г. он вместе с Мартенвилем, будущим редактором крайней монархической газеты «Белое знамя», обратился к властям с просьбой разрешить выпуск в Лионе новой газеты под названием «Газета Лиона и департамента Роны».

Обстановка для издания нового периодического органа была крайне неблагоприятная. За девять месяцев до этого, в результате переворота 18—19 брюмера, Наполеон стал диктатором Франции. А «гражданин Бонапарт» и в ранний период своей государственной деятельности, когда он еще драпировался в тогу первого консула Французской республики, не скрывал своего враждебного отношения к прессе, которую одновременно и презирал за чрезмерную лесть, и опасался. На заре консульства дело, правда, еще не дошло до того идеального, с полицейской точки зрения, положения, которое сложилось в последние годы империи, когда правительство само назначало редакторов газет, превратившихся в официальные правительственные органы. Но уже и тогда, сразу после переворота, Наполеон одним декретом закрыл 60 из 73 парижских газет. Как бы ни был строг контроль над прессой, первый консул вообще смотрел на нее как на зло, которое нужно терпеть лишь постольку, поскольку оно неизбежно. Таковы были принципы новой правительственной политики, направленной к тому, чтобы не только полностью нивелировать

прессу, вытравить малейшие проявления оппозиционного духа, но и елико возможно сократить ее численно. Усердными чиновниками на местах эта политика проводилась с еще большей непреклонностью и жесткостью.

Поэтому, несмотря на то, что в заявлении Фурье и Мартенвиля специально подчеркивалось их намерение руководствоваться «любовью к порядку и уважением к правительству», выпускать газету им не разрешили. Потеряв надежду основать собственный печатный орган, Фурье начал сотрудничать в периодических изданиях, которые тогда имелись в Лионе.

Лионская пресса той эпохи была рассчитана на обслуживаемое ею общество — дельцов и провинциальной мелкой буржуазии. О политике, за исключением официальных хвалебных реляций, в прессе того времени писать вообще не полагалось. Вопросами философии, науки, литературы, искусства и прочими высокими материями, которым в тот период отводили большое место парижские газеты и журналы, лионское общество не интересовалось, а если и интересовалось, то предпочитало выписывать столичные издания. Лионские газеты, кроме повседневной информации и столь необходимых для дельцов коммерческих новостей, ограничивались описанием местных событий, а также публикацией различного рода од, сатир и эпиграмм на местные темы, в которых городские поэты соревновались в грубо фривольном остроумии.

В дальнейшем в своих произведениях Фурье весьма язвительно высмеивал затхлую атмосферу и ограниченный круг интересов провинциального общества, рабское преклонение перед всем парижским. Но начинал он свою литературную деятельность именно в этих условиях, и его первые произведения всецело гармонировали с общим тоном и духом лионской прессы того времени.

Фурье выступил вначале в «Газете Лиона и юга», а потом в «Лионском бюллетене» с довольно шутивными стихами на местные темы. Так, весной 1803 г. он написал «Пастораль на прекрасные праздники на острове Варвары». В том же году в «Лионском бюллетене» была опубликована его «Сатира, посланная М. А. Ж. по поводу его загадки... и по поводу ответа на эту загадку дамы за подписью А. Ф.». В этом стихотворном произведении Фурье галантно острил по поводу столь многочисленных в Лионе

дам-поэтесс, его соперниц на литературном поприще. «Сатира» послужила поводом для оживленного турнира на страницах «Лионского бюллетеня» между Фурье и местными поклонницами муз. Некая Клотильда Д. немедленно выступила в защиту лионских дам и их поэтических талантов; за ней последовали другие. Фурье не скупился на шутливо-фривольные ответы, напечатав последовательно: «Возражения Клотильде Д.», «Оду г-же А. Ф., узнанной», «Стансы лионкам по поводу посредственности их поборников, взявших на себя их защиту».

Но молодой поэт-сатирик, из-под пера которого, по заявлению одной из его литературных соперниц, ежедневно выходили желчные письма, сатиры и куплеты, являлся одновременно «изобретателем нового мира». Он уносился в мечтах в прекрасную даль будущего и разрабатывал после будничного трудового дня, в тиши ночей, свое «открытие». Те, кто его знали, чувствовали в нем нечто оригинальное и глубокое, что отличало его от сверстников. Неизвестная поэтесса, которая упрекала Фурье за желчность, называла его в то же время «серьезным мыслителем, универсальным гением» и делала прямо-таки пророческое предсказание, что, «отклонясь от обычного пути, он разрушит алтарь предрассудков». Слишком своеобразна была личность молодого торгового служащего. Люди, приходившие с ним в соприкосновение, даже кокетливые девицы и дамы, увлеченные стремлением блеснуть своим тонким вкусом и остроумием, проникались к нему невольным уважением.

По-видимому, к тому времени Фурье уже не хранил молчания о своем «открытии». Очевидно, в кругу друзей он делился своими идеями насчет будущего общества. Во всяком случае одна из его противниц в стихотворном турнире неожиданно обратилась к нему на страницах «Лионского бюллетеня» со следующими словами: «Гармония! По поводу этого слова я поставлю вам в упрек вашу небрежность, я потребую от вас отчета о ваших работах, посвященных социальной гармонии, которая должна прийти на смену цивилизации». Это обращение побудило молодого «изобретателя» перейти от частных разговоров к публичному изложению своего «открытия», что, возможно, он предполагал сделать несколько позже.

В том же «Лионском бюллетене» в номере 11 фримера

XII года (3 декабря 1803 г.) он опубликовал статью под названием «Всемирная гармония». Статья является первым письменным изложением новых общественных идеалов Фурье и бесспорно свидетельствует, что к этому времени сложились и оформились все основные элементы его учения. Констатируя царящий «социальный хаос» и говоря об «ужасном сне, сне цивилизации», который не может быть вечным, автор противопоставлял «цивилизации», т. е. современному порочному обществу, новый строй, строй «гармонии», основанный на «аналитическом и синтетическом расчете страстного притяжения» и сулящий человечеству изобилие, единство, вечный мир.

Статья заканчивалась следующими знаменательными словами: «Слепые ученые, посмотрите на ваши города, усеянные нищими, на ваших граждан, борющихся с голодом, на ваши поля битв и все ваши общественные гнусности. Будете ли вы после этого верить, что цивилизация является предназначением человеческого рода, или признаете, что был прав Руссо, говоря цивилизованным: Это не люди, здесь есть какое-то ниспровержение, причины которого мы не умеем распознать».

Таким образом, начало было положено, об «открытии» громогласно заявлено, и Фурье больше не хотел терять время. Во «Всемирной гармонии» содержался явственный намек, что «главе Франции», т. е. Наполеону, не мешало бы, пока не поздно, взять на себя честь стать освободителем земного шара и основателем гармонии. Через три недели в том же «Лионском бюллетене», в номере от 4-го нивоза XII года (26 декабря 1803 г.), Фурье опубликовал открытое письмо, непосредственно обращенное к правительству. В этом письме он торжественно извещал, что подготавливается событие величайшей важности, а именно наступление всемирной социальной гармонии и падение трех существующих общественных порядков — цивилизованных, варварских и диких. Фурье сообщал далее о своем «открытии» и объяснял, почему — в надежде разработать его еще более научно — он четыре года воздерживался от обнародования. Заявляя, что из опасения плагиата не может публично изложить все детали, он выражал, однако, готовность сообщить их правительству.

Это письмо Фурье переслал министру юстиции, прося показать его первому консулу, который «не сможет не

прийти в волнение от мысли вывести человеческий род из социального хаоса, искоренить навеки на всей земле нищету и преступления и стать рукою божества, ведущей человеческий род к его предназначению». Он также просил оказать содействие опубликованию в парижской прессе ряда статей о «гармонии».

Свое послание Фурье счел нужным отправить именно «великому судье», т. е. министру юстиции, выполнявшему в то время и функции министра полиции, так как только что имел неприятности с полицией в связи с другой статьей, написанной им на чисто политическую тему. Она была опубликована за несколько дней до этого — 25-го фримера (17 декабря 1803 г.) в «Лионском бюллетене» под названием «Континентальный триумвират». В ней Фурье давал следующую оценку международного положения. На европейском континенте имеются лишь четыре крупные державы — Пруссия, Австрия, Франция и Россия. Пруссия, как наиболее слабая, будет завоевана и расчленена; далее наступит очередь Австрии — ее поделят Франция и Россия, после чего начнется борьба за европейское первенство между этими двумя государствами. Та держава, которая выйдет в этом состязании победительницей, станет владычицей всего мира, так как Англию нельзя принимать в расчет: Англия — торговое государство и будет раздавлена, стоит только отнять у нее Индию, а также закрыть все порты Азии и Европы для английских товаров.

Если припомнить европейские события последовавших лет, то нельзя отказать автору статьи в некоторых прозорливых предвидениях. Действительно, в ближайшие же годы наполеоновская Франция низвела Австрию и Пруссию на роль второстепенных держав, установила континентальную блокаду и осталась на европейском континенте с глазу на глаз с Россией. Как бы то ни было, высказанные в «Континентальном триумвирате» мысли были в тот момент довольно оригинальны, и полиция не могла не заинтересоваться ими. Впоследствии ученики Фурье рассказывали, что на статью будто бы обратил внимание сам Наполеон, который заинтересовался личностью автора и распорядился навести о нем справки. Эти сведения были основаны на том, что бывший издатель «Лионского бюллетеня», впоследствии довольно известный философ-мистик Балланш, в одном из своих писем упоминал об

обращении начальника лионской полиции к нему, Балланшу, по поводу этой статьи. Но в письме вовсе не указывалось, что это было сделано по инициативе Наполеона. Сам Фурье в обращении к министру юстиции заявлял лишь, что по поводу упомянутой статьи имел беседу с комиссаром лионской полиции.

Кроме того, известно следующее. Когда через несколько дней в «Лионской газете» появилась другая статья — заметка Фурье с выпадами против его критиков, то этот номер был препровожден местными полицейскими властями в Париж со следующим отношением: «Почти каждый день в газетах содержится какое-нибудь новое безумие за подписью Фурье. Сегодня он насмехается над теми, которые имели глупость жаловаться по поводу его статьи «Триумvirат», о которой комиссары уже донесли правительству. Не следует ли запретить газетам помещать какие бы то ни было политические статьи этой личности?» На полях этого отношения, сохранившегося в архивных фондах, имеется приписка, гласящая: «Комиссару было отвечено, чтобы он следил, дабы в этой газете не помещали ничего неуместного. Прилагается другое свидетельство (!) безумия этого Фурье, адресованное им великому судье»¹.

Таким образом, Фурье действительно удалось привлечь своими литературными выступлениями внимание властей, но совершенно не в том плане, как он предполагал. Если его публичные пророчества и предсказания не имели для него еще худших последствий, то лишь потому, что полиция, наведя соответствующие справки и не обнаружив никаких данных, которые могли бы заставить усомниться в политической благонадежности Фурье, просто-напросто сочла его за ненормального.

Что же касается лионской публики, то она или вовсе не обратила внимания на общественно-политические высказывания молодого маклера-поэта, или отнеслась к ним с насмешкой. Об этом свидетельствует помещенная в «Лионской газете», в ответ на «Континентальный триумvirат»,

---

¹ Подлинник письма Фурье министру юстиции, перехваченный полицией и приложенный к трем номерам «Лионского бюллетеня» и «Лионской газеты» с его статьями Среди статей Фурье, не понравившихся полиции, имелась и опубликованная в «Лионской газете» статья с критическими замечаниями о дипломатии и дипломатах.

маленькая статейка за подписью «Захария Бредового». Автор явно издевался над Фурье, расточал притворные похвалы его «гениальным мыслям» и благодарил за то, что он, наконец, поставил на надлежащее место маленькую прусскую монархию, призрачная мощь которой опирается всего на двести тысяч штыков. Он просил вспомнить о нем, если политические труды Фурье будут вознаграждены по достоинству, а в случае неудачи обещал ему почетное место в особняке, где обитает сам вместе со своими товарищами, т. е. в сумасшедшем доме.

Фурье счел необходимым ответить на этот злой выпад. В своем открытом письме к «господину Бредовому» он, ссылаясь на отношение к Колумбу и Галилею, указывал, что гордецы всегда называли сумасшедшими людей, знавших больше их, и напоминал при этом поговорку: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Но издевки и возражения как по поводу его «Континентального триумвирата», так и «Социальной гармонии» не были единичны. Поэтому в статье о своих критиках, обратившей внимание полиции, Фурье снова обрушился на «господ, толкующих вкрявь и вкось о гармонии, еще не зная в точности, что она представляет». Он полагал, что все кривотолки и насмешки — результат недостаточной осведомленности. Более подробные сведения о блестящих перспективах «гармонии» должны были, по его мнению, оказаться убедительными даже для самых заядлых критиков.

II

С начала 1804 г. публицистическая деятельность Фурье замирает¹, что, по-видимому, стояло в непосредственной связи с вмешательством полиции, которая относилась с подозрением к статьям «этой личности». Внимание Фурье было поглощено теперь подготовкой работы, посвященной «открытию». Этому он уделял все свободное от служебных дел время крайне, по его словам, недостаточное, так как он был вынужден проводить свои дни, «обслуживая

---

¹ Он поместил в этот период в лионских газетах несколько статей. В одной из них он говорил о воздушном шаре, пролетающем безостановочно триста лье, в другой предлагал новую систему переводных векселей, облегчающую коммерческий кредит.

мошенничества торговцев и тупея от лживых и унижительных функций».

О том, насколько интенсивно Фурье разрабатывал свою систему, наглядно свидетельствуют его рукописи. После смерти он оставил их целую грудую. Значительная часть их была опубликована его учениками. Некоторые рукописи относятся именно к 1803—1807 гг. По ним можно проследить постепенное развитие его учения.

Не следует, однако, полагать, что в эти годы Фурье не делал никаких новых попыток пропаганды своих идей. Он сам упоминает о каких-то своих публичных лекциях, на которых много раз слышал возражения и давал пояснения. Очевидно, и в этот период он выступал в Лионе с изложением своих теорий. Продолжал он в эти годы обращаться и к правительственным властям с различного рода проектами и предложениями. Сохранилось письмо префекта департамента Роны, из которого явствует, что Фурье выдвигал план создания института транспортных маклеров — посредников. Но основное внимание и время он посвящал работе над своим «открытием».

Так продолжалось до конца 1807 г., когда терпению «изобретателя» наступил конец. Была уже исписана уйма бумаги, а труд находился так же далеко от завершения, как и раньше. Дело в том, что Фурье, как самоучка, не имел никаких навыков планомерной работы. Он не умел концентрировать внимание на определенной теме и ограничивать ее определенными рамками; уходя в детали, он все более отдалялся от главной цели. Об этом наглядно свидетельствуют подготовительные рукописи. Здесь речь идет то об антихристе и мессии, то о пагубных следствиях торговли, то о воспитании в эпоху гармонии и т. д. Фурье сам понимал, что при таких методах работы невозможно в ближайшем будущем исчерпать весь накопленный материал, но в то же время не хотел откладывать на долгие годы обнародование своего «открытия». Наконец, он принял решение: познакомить с «открытием» публику еще до окончания всех «расчетов», тем более, что основной «расчет страстного механизма», был, по его словам, завершен им в 1806 г.

В конце 1807 г. или в начале 1808 г. Фурье опубликовал в Лионе маленькую брошюру о «коммерческих шарлатанствах».

THÉORIE
DES QUATRE MOUVEMENS
ET
DES DESTINÉES GÉNÉRALES.

PROSPECTUS
ET ANNONCE DE LA DÉCOUVERTE.

Mais quelle épaisse nuit voile encor la nature !
VOLTAIRE.

A LEIPZIG.

1808.

Вслед за ней, в том же 1808 г., появилось в свет его первое крупное произведение под интригующим названием — «Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и объявление об открытии».

Как видно из заглавия, это объемистое произведение, по мысли Фурье, было всего лишь предварительным «проспектом». Данный том вместе с последующим должен был служить своего рода предисловием к шести другим, в которых Фурье намеревался дать более систематическое изложение своего учения.

Однако эта книга меньше всего могла отвечать той цели, которую ставил перед собой ее автор. «Теория четырех движений» — одно из самых путаных произведений Фурье. Его же собственные ученики вполне справедливо полагали, что «проспект» следует, вообще говоря, читать лишь после ознакомления с остальными сочинениями.

Публикуя первую книгу, Фурье не имел еще серьезного литературного опыта, если не считать мелких журнальных и газетных статей. Он сам называл себя простым «приказчиком», не умеющим писать подобно литераторам-профессионалам, и извинялся перед читателями за «стиль».

Но если этим объясняются частые в книге длинноты, повторения, неправильные фразы, то хаотичность структуры самой работы следует в известной степени отнести за счет другого обстоятельства. По мысли Фурье, его первая книга имела своей непосредственной целью заинтриговать читателя, заставить заинтересоваться «открытием». Поэтому Фурье сознательно не дает последовательного и полного изложения, а ограничивается отдельными деталями, приоткрывающими, но не раскрывающими главную тему. Все произведение разбито на три части. В первой он касается некоторых общих философских и социологических проблем, делая предсказания о «будущих творениях» и прочих «чудесах», которые произойдут на земле и во всей вселенной после перехода к «гармонии»; во второй говорит о «некоторых частностях» грядущей общественной организации; в третьей подвергает критике существующие общественные порядки. Но все это Фурье излагает отрывочно, уделяет внимание отдельным подробностям и не дает в то же время связного изложения своего учения. Это особенно относится к описанию будущего общества. Здесь

подробно рассказывается, какими яствами смогут улаждать себя «гармонийцы», повествуется о любовных утехах, доступных любителям в эпоху гармонии, но общей картины гармонического общества так и не дано. Фурье, по-видимому, стремился лишь заинтриговать многочисленных среди зажиточных слоев гастрономов и ловеласов, заставить их заинтересоваться его проектами и способами их осуществления.

Книга была издана анонимно. В конце было упомянуто, что заинтересованным надлежит обращаться к автору — «Шарлю в Лионе». Это тоже должно было, по мысли Фурье, возбудить любопытство читателей.

Фурье возлагал на «Теорию четырех движений» самые радужные надежды. В своей книге он даже давал советы, что делать и чего не делать, дабы в связи с предстоящей в ближайшем будущем «социальной метаморфозой» не просчитаться и не попасть впросак. Особые надежды он возлагал на всесильного Наполеона, которого называл новым Геркулесом.

Фурье сделал все от него зависящее, чтобы продвинуть к читателю свою работу. Он связался не только с французскими, но и с иностранными книготорговцами и организовал отправку своей книги (изданной, надо полагать, за собственный счет) в Женеву, Брюссель, Франкфурт, Милан, Амстердам и другие города. Он принял все меры, чтобы она попала в руки влиятельных писателей и журналистов. Так, он специально переслал женевским книготорговцам два экземпляра: для редактора распространенного журнала на французском языке «Британская библиотека» и для знаменитой г-жи Сталь.

Все старания Фурье оказались напрасными. Продажа книги шла из рук вон плохо. Об этом сообщали все книготорговцы, отказываясь от дальнейшей комиссии. Даже в Париже книга лежала месяцами в магазине без движения. Большая часть экземпляров оставалась нераспроданной и двадцать лет спустя.

Произведение это, столь необычное по своему характеру, прошло по существу незамеченным. Никто им не заинтересовался и не пожелал его рекламировать. Редактор «Британской библиотеки» поблагодарил Фурье за присылку книги, но наотрез отказался что-либо о ней написать. Г-жа Сталь вежливо ответила на его письмо, но

сделала вид, что самой книги не получила и поэтому не могла быть ему чем-либо полезной. Видимо, так же поступили и другие, к кому обращался Фурье.

Газеты и журналы хранили молчание. Исключение составили лишь «Публицист» и «Газета Франции». «Газета Франции» поместила о «Теории четырех движений» целых четыре статьи-фельетона, выдержанных в полуироническом, полупрезрительном тоне. Автор статей, не дав себе, по-видимому, труда подробно ознакомиться с рецензируемым произведением, недвусмысленно намекал на ненормальность «г-на Шарля» и зубоскалил по поводу его анонимности: «Надлежит обращаться прямо к г-ну Шарлю в Лионе. Последний не сообщает ни названия улицы, ни номера дома, в котором обитает; но писали же прямо «Вольтеру в Европе». Почему же нельзя писать прямо г-ну Шарлю в Лионе?»

Таким образом, надежды Фурье на немедленное признание и скорое осуществление «социальной метаморфозы» оказались тщетными. Он был огорчен и разочарован, но не обескуражен, сделав для себя вывод, что надо еще более упорно разрабатывать «открытие» и дать не проспект, а подробное, «математически точное» обоснование нового общественного строя.

В 1811 г. в «Лионском журнале» было опубликовано письмо одного местного врача, который в связи с появлением кометы выражал удивление: как это автор «Теории четырех движений» не воспользовался таким случаем, чтобы напомнить о своих «смелых концепциях». На это, скорее полуироническое, обращение Фурье не замедлил ответить статьей, в которой торжественно заявлял, что хотя действительно только он один мог бы рассказывать о кометах много нового и удивительного, но не желает преждевременно разоблачать свои тайны. Кроме того, он сообщал, что ввиду неблагожелательного приема, оказанного его первой книге, он принял решение — года на четыре замолчать, чтобы за это время люди достаточно убедились в «благах» цивилизации и пожалели, что не последовали его советам. Но в будущем году он опубликует свое новое произведение — «Трактат о страстной механике».

«Трактат» этот появился, однако, не так скоро, как предполагал его автор.

III

О повседневной жизни Фурье в эти годы известно очень мало. Он продолжал жить в Лионе и заниматься той профессией, которую сам характеризовал следующим образом: «маклер, это человек, который разносит чужую ложь, прибавляя к ней свою собственную». По иронии судьбы человек, глубоко ненавидевший «торговлю», вынужден был зарабатывать себе на жизнь именно этой профессией «лжи и обмана». Иногда ему приходилось уезжать из города. Так, например, в 1809 г. он совершил путешествие в Швейцарию. Вскоре префект департамента Роны назначил его экспертом по приемке сукна на лионские военные склады.

В 1812 г. произошло событие, которое оказало известное влияние на дальнейшую судьбу Фурье: в Безансоне умерла его мать. В последние годы своей жизни она крайне беспокоилась о своем сыне. До нее все чаще доходили слухи о том, что он занимается сочинительством. Весть об опубликовании им какой-то книги — о чем она узнала даже не от него самого, а от посторонних лиц — повергла ее в полное смущение и причинила искреннее огорчение. Мать стала смотреть на своего Шарля как на неудачника, уroda в семье, совсем неприспособленного к жизни. Поэтому она побоялась оставить в распоряжении сына какую-либо крупную сумму. Не желая в то же время лишать его наследства, мать завещала, чтобы три ее дочери ежегодно выплачивали ему 900 франков.

Таким образом, после смерти матери Фурье стал своеобразным рантье с обеспеченным небольшим годовым доходом. Это, по-видимому, и создало, наконец, возможность освободиться на несколько лет от столь тягостных для него торговых дел и всецело посвятить себя своему «открытию». Произошло это, однако, не сразу. В тревожные годы крушения наполеоновской империи Фурье продолжал работать. В период «ста дней» он даже на время превратился в чиновника. Его дальний свойственник, знаменитый математик барон Фурье, новый префект департамента Роны, поставил его во главе бюро статистики префектуры. Но длилось это недолго. После второй реставрации Шарль Фурье не только прекратил свою административную карьеру, но и вообще отошел от всех дел. Как он

сам указывал впоследствии, последней причиной, побудившей его окончательно забросить «торговлю», явилась экономическая депрессия, вызванная событиями 1814—1815 гг.

Зимой 1815—1816 гг. Фурье покинул Лион и обосновался в деревне, в департаменте Эн, у детей своей сестры Рюба. Часто наезжал он и в близлежащий городок Беллей, где проживала другая его сестра. Вскоре, рассорившись с семьей Рюба, он и совсем туда переселился.

Только в Беллее, в спокойствии и уединении, не отвлекаемый никакими суетными делами, Фурье смог приступить вплотную к своему «трактату». Впрочем, в это время он уже не был духовно одинок. Появился человек, с которым он мог делиться своими мыслями и планами, своими чаяниями и надеждами.

IV

Скучно протекала жизнь безансонского чиновника Жюста Мюирона. Монотонны были будни маленького города с его провинциальными нравами, прозаическими интересами, мелкими сплетнями. Кроме того, в результате перенесенной в детстве болезни Мюирон полностью лишился слуха. Глухота довершала его моральное одиночество. А человек он был не совсем заурядный. Он не мог, подобно другим, мириться со скукой и мелкими интересами провинциальной жизни. У него были более высокие интеллектуальные запросы и потребности. Он к чему-то стремился, что-то искал, сам точно не сознавая, что именно. Мюирон поглощал самые различные книги, но они оставляли его неудовлетворенным. И вот однажды — это было в 1814 г. — в его руки случайно попало какое-то странное произведение, озаглавленное «Теория четырех движений». Он начал просматривать книгу и сразу почувствовал себя зачарованным. Новый мир открылся перед его глазами. Из своего маленького городка, из надоевшего мирка кривых улиц и мелких домишек он сразу был перенесен в роскошные дворцы гармонии, в сверкающие чертоги счастья и радости.

Огромное, неизгладимое впечатление произвела на него книга Фурье. Мюирон сразу же с величайшей энергией принялся разыскивать ее автора. А сделать это было

не так легко. В «Теории четырех движений» ведь только упоминалось о некоем «Шарле из Лиона». Но настойчивые поиски Мюирона в конце концов увенчались успехом. Ему удалось выяснить имя автора и узнать его адрес. В 1816 г. Мюирон обратился к Фурье с письмом, в котором сообщал о глубоком впечатлении, произведенном на него «Теорией четырех движений», и спрашивал автора о его дальнейших намерениях.

Это письмо, несомненно, явилось для Фурье приятнейшим сюрпризом. Наконец нашелся человек, который признал «открытие» и стал страстным поклонником его идей. Фурье не замедлил отправить ответ. Так между ним и его первым учеником завязалась оживленная переписка. Фурье стал делиться с Мюироном всеми своими творческими планами и замыслами. Изо дня в день сообщал ему о ходе своей работы над «трактатом» и о проблемах, над разрешением которых трудился.

Необходимо сказать, что именно тогда, в процессе подготовки «трактата», и происходило окончательное оформление системы Фурье. Хотя основные его идеи сложились к 1803 г., хотя в ранних статьях, в рукописях и в «Теории четырех движений» уже было дано все самое существенное, от космогонических пророчеств до принципов построения будущего общества,— некоторые детали были им окончательно разработаны лишь в этот период.

Впоследствии Фурье даже заявлял, что «главный прогресс теории» имел место между 1814 и 1817 гг. Это, конечно, неверно с точки зрения оценки основных элементов его учения. Разумеется, не столь уж важно, вопреки его собственному убеждению, что, например, «17-го ноября 1814 г.» он узнал о неизбежном возвращении к земле четырех лун, путешествующих в настоящее время где-то во вселенной. Но сам Фурье придавал большое значение «всеобщей клавиатуре творений», «теории стержней», «теории гармонического селадонизма» и другим фантастическим деталям своей системы и поэтому старался в дальнейшем предать забвению свое первое произведение, где все эти «теории» еще отсутствовали.

В «Теории четырех движений» еще не было, впрочем, и таких характерных терминов (для обозначения производительно-потребительской ассоциации и ее дворца-общества), как фаланга и фаланстер. В период 1814—1817 гг.

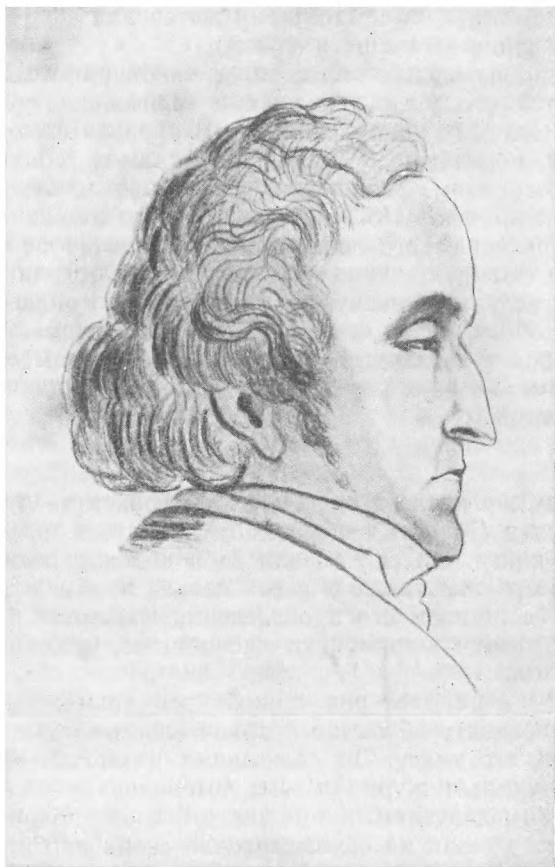
Фурье завершил и разработку своей оригинальной терминологии. Наконец, тогда же он окончательно определил численность отдельной ассоциации. В первых своих рукописях Фурье говорил лишь о 800, в «Теории четырех движений» о 1000 человек, а теперь им была определена «идеальная» численность фаланги в 1620 человек.

В 1818 г. Мюиرون, который давно стремился лично познакомиться с Фурье, приехал в Беллей, где провел несколько месяцев. Там он продолжал торопить своего учителя поскорее закончить «трактат», обещая с помощью своих друзей (а он и сам имел кое-какие средства) обеспечить опубликование этой работы.

Дело, однако, не двигалось так быстро, как того желал Мюиرون. Фурье, по собственному признанию, потерял целый год на неудачный вариант, запутался по своему обыкновению в бесчисленных рукописях и непрестанно отвлекался различными частными «расчетами». Требовалось время, чтобы свести все в единое целое. Лишь в конце декабря 1820 г. он приехал на три недели в Безансон, чтобы договориться с Мюироном об опубликовании «трактата». Кстати, у Фурье было там еще и другое дело — он должен был продать дом, который принадлежал ему совместно с сестрами.

Мюирон приложил все старания, чтобы сделать пребывание в Безансоне приятным для своего учителя: познакомил с местным обществом и даже водил на балы, которые Фурье всегда любил, так как, говорил он, они ласкают взор. Но основная тема бесед учителя и ученика посвящалась, естественно, «трактату», перспективам его опубликования и продвижения к читательским массам. Впрочем, при встречах они не беседовали в полном смысле этого слова. Из-за глухоты Мюирона обмен мнений между ними, даже когда они находились вместе, происходил при помощи записок. Некоторые из них сохранились. Благодаря этому известно, например, что Мюирон, всячески торопя своего учителя, отговорил его от намеченной было поездки в Базель и Женеву.

По возвращении в Беллей Фурье принялся за переписку своих черновиков. В середине апреля следующего года он смог привезти готовую объемистую рукопись в Безансон, где под его непосредственным наблюдением приступили к набору. Процесс издания книги занял много

Фурье в зрелом возрасте
Портрет работы художника Вэйрон

времени и был завершен лишь во второй половине 1822 г. Наконец, «Трактат о домашне-сельскохозяйственной ассоциации» вышел в свет в двух больших томах¹. По объяснению самого Фурье, такое заглавие своей работе он дал из скромности,— по-настоящему же ее надо было бы назвать «Теория всемирного единства».

Это произведение является основной работой Фурье, в которой его учение изложено если и не достаточно систематично, то наиболее полно. В «Трактате» есть части и главы, посвященные его философским и социологическим воззрениям. Значительное внимание уделено общественной критике. Но наибольшее место отведено описанию гармонического общества. В противоположность «Теории четырех движений» Фурье не ограничивался здесь отдельными экскурсами, а подробно описывал фаланги и образ жизни «гармонийцев». Одновременно он сообщал более детальные сведения о «гарантизме» и «социантизме» — двух переходных периодах от цивилизации к гармонии.

V

Сразу же после выхода в свет «Трактата» Фурье направился в Париж, чтобы самому заняться распространением книги. Он считал для себя необходимым пребывание в столице также и с той целью, чтобы лица, которые под влиянием его произведения возымели бы желание организовать «пробную» ассоциацию, могли легко его разыскать.

Фурье и на этот раз принял все возможные меры, чтобы заставить общество и правительство обратить внимание на его книгу. Он сам лично разослал «Трактат» многим видным журналистам, литераторам, ученым, политическим деятелям, в том числе и главе правительства Виллелю, уповая на осуществление своих проектов с помощью стоявших у власти ультрароялистов. Впрочем, одновременно, в самом «Трактате» он обращался и к либералам, некоторым выдающимся представителям которых намеревался послать свое сочинение вместе с запиской «о плохом положении либеральной партии и открытом перед ней пути к спасению». Узнав из прессы об

---

¹ За ними по плану Фурье должны были следовать еще четыре

«опытах» Оуэна, который предпринял в 1824 г. организацию коммунистической колонии в Америке, Фурье послал «Трактат» и ему, дабы наставить на правильный путь и предложить свои услуги. Он отправил свою работу и географическому обществу, и обществу христианской морали, и даже американскому консулу в Париже, обращая его внимание на особые выгоды фаланг для молодой республики Соединенных Штатов. Поступая так, Фурье исходил, как писал Мюйрону, из следующего: «если это ничему и не послужит, то во всяком случае и не повредит».

Не довольствуясь распространением книги, он начал печатать целую серию мелких рекламных брошюр, а затем выпустил и краткое изложение своего «Трактата». Все эти материалы, по его собственному свидетельству, распространялись им по домам, т. е. рассылались всем сколько-нибудь выдающимся лицам. Так, в письме к консулу США он просил сообщить ему адреса видных американцев, проживающих в Париже, для рассылки им резюме «Трактата». Есть также сведения, что в это время Фурье выступал в Париже и с какими-то докладами, очевидно тоже с пропагандистскими целями.

Но все усилия Фурье снова оказались тщетными. Продажа книги шла туго. Книготорговцы один за другим отказывались от ее распространения. Лица, которым она была послана, не откликались на призывы Фурье и если, подобно известному буржуазному либералу Бенжамену Констану, отвечали, то лишь в форме вежливого отказа от какого-либо содействия. Оуэн прислал через своего секретаря ответ, содержащий лишь общие фразы о похвальной цели произведения. Американский же консул, на которого Фурье возлагал столь большие надежды, не только не стал разыскивать для него адреса богатых американцев, но в пометке на полях его письма прямо выразил сомнение, не являлась ли присланная ему книга продуктом больного мозга.

Больше повезло на этот раз с прессой. Того заговора молчания, которым была встречена «Теория четырех движений», теперь не наблюдалось. Появилось много рецензий, в том числе даже несколько более или менее благожелательных, в которых отмечалась оригинальность идей Фурье и интересная общественная критика. Впрочем, автора не удовлетворяли даже такие отзывы. Он хотел

безусловного признания своего «открытия». Поэтому Фурье писал ответы и возражения, которые газеты не печатали. Однажды он проделал следующее: попросил знакомого перевести на английский язык свой ответ на рецензию «Энциклопедического обозрения» и послал в редакцию под видом статьи, присланной из Англии. Но и эта «военная хитрость» оказалась тщетной.

Таким образом, опубликование «Трактата» не дало того результата, на который надеялся Фурье: не внушило сильным мира сего желания взяться за немедленное осуществление его общественных проектов, не привлекло на его сторону ни ультрароялистов, ни либералов, ни богачей, ни светил науки и искусства. Но его произведение оказалось способным не только заинтересовать, но и увлечь и пленить некоторых читателей, особенно из среды мелкобуржуазно-демократической интеллигенции. Это объяснялось не только тем, что «Трактат», при всей запутанности структуры, давал все же более полное и систематическое изложение воззрений Фурье, чем «проспект». Главная причина заключалась в социально-экономической обстановке двадцатых годов, благоприятствовавшей известному распространению его идей.

Глава пятая

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

I

Политические перемены, происшедшие во Франции с начала столетия, не могли ликвидировать социально-экономические результаты революции, которые определяли общественное развитие страны на ближайший исторический период. Реставрация Бурбонов несомненно означала усиление политической реакции. Но последняя оказалась бессильной подорвать экономические основы нового буржуазного общества.

Несмотря на все усилия Бурбонов и их сторонников, восстановить крупное дворянское землевладение не удалось. Даже знаменитый «миллиард», подаренный бывшим эмигрантам на основе закона 1825 г., не привел, за весьма малыми исключениями, к восстановлению прежних аристократических поместий. Во Франции происходил в эти годы рост крупной земельной собственности, но уже как буржуазного землевладения. Крупное землевладение развивалось на сравнительно высокой технической базе: все более широко применялись различные сельскохозяйственные машины. Одновременно шел и процесс дальнейшего парцеллирования, т. е. дробления на мелкие участки крестьянской земельной собственности.

Крестьянин в эпоху революции освободился от феодальных пут и приобрел земельную собственность, но не стал, однако, тем свободным и счастливым землепашцем, о котором мечтали передовые мыслители XVIII века. Крестьяне все более запутывались в долгах (чему особенно содействовал характерный для эпохи затяжной сельскохозяйственный кризис) и в результате подвергались все

большей эксплуатации со стороны ростовщического капитала. Ипотечная задолженность крестьянства, т. е. задолженность по ссудам, полученным под залог земли и недвижимого имущества, неуклонно возрастала. Скупщики хлеба и крупные виноторговцы также наживались на труде земледельца и при помощи различных авансов и предварительных закупок урожая держали его в полной зависимости. Одновременно усиливалось расслоение внутри самого крестьянства. Батрацкий труд получал все большее распространение.

Еще в годы наполеоновской империи французская промышленность сделала заметные успехи. Известно, что внутренняя и внешняя политика Наполеона ставила своей задачей развитие промышленности «старых департаментов». Покровительственная таможенная политика, захват рынков зависимых европейских стран, правительственные заказы и субсидии промышленникам, премии за технические изобретения и усовершенствования — все это способствовало быстрому подъему и техническому прогрессу французской промышленности. Континентальная блокада должна была окончательно обеспечить французским товарам монопольное положение на европейских рынках и уберечь их от английской конкуренции. В результате некоторые отрасли промышленности — металлургическая, шерстяная и другие — добились еще в наполеоновский период значительных успехов. В промышленности происходило все более широкое внедрение машин. Прядильные машины, например, насчитывались уже тысячами. Но в то же время постоянные войны Наполеона и особенно борьба с Англией не создавали нормальных экономических условий для развития производства. Та же континентальная блокада, наряду с положительными сторонами, имела и отрицательные. Некоторые отрасли французской промышленности были лишены необходимого им сырья, в частности хлопка и красящих веществ. Франция оказалась отрезанной от заморских рынков. Континентальная блокада еще больше разоряла европейские страны, которые и без того страдали от бесконечных войн, и суживала тем самым рынки сбыта для французских товаров.

После 1815 г., в благоприятных условиях мирной обстановки, французская промышленность получила воз-

можность более нормального развития. С 1818 по 1828 г. производство чугуна возросло в два раза, добыча каменного угля с 1814 по 1825 г. — в полтора раза. Потребление хлопка увеличилось с 1812 по 1827 г. в три раза. Особые успехи были достигнуты в механизации производства. Правда, распространение машин и внедрение новой техники происходило не так уж быстро. Достаточно сказать, что в конце двадцатых годов на всех предприятиях страны насчитывалось лишь несколько сот паровых машин, на минеральном топливе выплавлялось всего около трети чугуна, в знаменитом лионском шелкопрядильном производстве не более 20% станков были механизированными жаккардовыми станками. Но все же машины уже внедрялись в самых различных отраслях промышленности, начиная с текстильной и металлообрабатывающей, кончая бумажной и типографской, а сфера их применения все более расширялась. Начинало нарождаться даже собственное машиностроение. Во Франции появились текстильные фабрики с тысячами механических веретен, крупные металлообрабатывающие предприятия.

Параллельно с ростом производства увеличивался товарооборот, развивалась внутренняя и внешняя торговля. Французский банк, основанный Наполеоном, учитывал в 1830 г. в три раза больше векселей, чем в 1815 г. Росла и общая сумма денежного обращения. Все большую роль приобретала биржа, где снова начали котироваться иностранные ценности. Об огромном росте биржевой спекуляции наглядно свидетельствовало хотя бы то, что маклерские доходы увеличились в три раза. Тема «ажитожа» не сходила со страниц печати. Образ «биржевого спекулянта» появился на театральной сцене.

В условиях расцвета капиталистической наживы наблюдался рост богатства господствующих классов. Об этом свидетельствовали не только доходы общественной верхушки, но и такие характерные данные, как увеличение сбыта предметов роскоши. Одни лишь золотых дел мастера перерабатывали в 1825 г. в два с половиной раза больше золота и в два раза больше серебра, чем в 1818 г. Биржевики, промышленники, банкиры и коммерсанты, вкупе с представителями старой и новой аристократии и высшей бюрократии, еще больше сорили деньгами и поражали современников крикливой роскошью и беспутством.

Но жизненный уровень мелкой буржуазии и народных масс не только не повысился, а, наоборот, понизился. Крестьяне, которых нещадно эксплуатировали ростовщики, спекулянты и перекупщики, стонали под тяжестью налогов. Массовое обнищание деревенского населения отмечалось всеми современниками. На больших дорогах вновь появились «легионы бедных детей» и толпы нищих, число которых сократилось было после революции. Городская мелкая буржуазия все больше страдала от крупнокапиталистической конкуренции. Ремесленники-хозяева, владельцы мелких мастерских — и те, кто всецело зависел от скупщиков, и те, кто работал непосредственно на потребителя, — были вынуждены идти на снижение расценок своих изделий, а иногда и прямо разорялись. Мелкие коммерсанты и лавочники становились жертвами биржевой спекуляции и злостных банкротств. Потребность в кредите прочно приковывала их к колеснице крупного капитала.

Особенно тяжелым было положение наемных рабочих, среди которых заметную роль начинал играть зарождавшийся индустриальный пролетариат. В течение первых десятилетий XIX века происходило систематическое и неуклонное снижение реальной заработной платы. Оно являлось следствием не только роста цен, но зачастую и прямого снижения заработной платы в результате внедрения машинного производства и распространения более низко оплачиваемого женского и детского труда. Продолжительность рабочего дня не только не сократилась, но в общем даже увеличилась и составляла в среднем от 13 до 15 часов. Двенадцатичасовой рабочий день являлся исключением. Не только рабочие фабрик и крупных предприятий, но и мелкие кустари и ремесленные рабочие, вследствие неуклонного снижения расценок скупщиками-предпринимателями, были вынуждены работать в своей каморке или в мастерской хозяина более интенсивно и более продолжительно. С развитием промышленного капитализма стала обычным явлением армия безработных, которая особенно вырастала во время экономических депрессий.

Трудящееся население ютилось в сырых подвалах, на чердаках, в убогих лачугах. Ужасная теснота и антисанитарные условия способствовали быстрому распро-

странению в кварталах бедноты эпидемических заболеваний. В ту эпоху лишь треть французов потребляла мясо. К числу невольных вегетарианцев принадлежали в первую очередь наемные труженики. Многие, особенно в периоды безработицы, не могли обеспечивать свою семью даже хлебом и картофелем. С каждым годом увеличивалось число «незаконнорожденных» детей и подкидышей.

Тяжелое положение рабочего класса толкало его на борьбу за свои жизненные интересы, против невыносимых условий труда. Правда, в рабочем движении не было еще сознательности и организованности, сильное влияние имела цеховщина. Особенно это было характерно для ремесленного пролетариата. Отдельные ремесленные «компаньонажи» враждовали друг с другом, устраивали взаимные побоища. Частыми были и выступления против машин. Но одновременно, несмотря на репрессии властей, развивалась и стачечная борьба, которая нередко переходила в кровавые столкновения с полицией и войсками.

Все эти новые явления общественной жизни и обострение социальных противоречий, естественно, производили самое глубокое впечатление на современников. Новое поколение выросло в условиях буржуазного общества и не знало «старого режима». Это молодое поколение не находилось во власти идеалов своих отцов, все помыслы которых были направлены на борьбу против феодально-абсолютистских порядков; оно жило новыми интересами, имело новые стремления, начинало задумываться над новыми общественными проблемами. Его представителей интересовали не только политические вопросы, но и социальные. Разочарование результатами буржуазной революции, разочарование в «философских» идеалах XVIII века принимало всеобщий характер. Многие приходили к убеждению, что революция оказалась способной разрушить старое, но не построить новое, так как не хотели признавать разумным и нормальным строем возникшее после революции буржуазное общество с его индивидуализмом, культом наживы, преклонением перед золотым тельцом, социальными несправедливостями. «Больше не хотят статус кво,— писал один корреспондент Фурье,— что нужно, это — что-то другое». Это «что-то другое»

искали всюду — в литературе и искусстве, где поднимался романтический бунт против всех «классических» традиций, в морали и в религиозном обновлении.

В атмосфере борьбы за новые идеалы появлялись люди, особенно среди низовой интеллигенции и учащейся молодежи, которые критически относились к самой социально-экономической основе современного им общества и искренно сочувствовали невзгодам и страданиям трудящихся масс. Язвы и противоречия нового буржуазного общества, подмеченные отдельными провидцами еще в момент его становления, в период революции и наполеоновской империи, были теперь настолько очевидны, что их не могли не видеть и люди обычного уровня.

Этим объясняется, что в двадцатых годах XIX столетия в числе других новых учений и теорий, которых в то время было множество, во Франции начинали распространяться и идеи утопического социализма. Именно тогда стали находить все более широкий отклик призывы Сен-Симона к построению нового общества, целью которого являлось бы «улучшение морального и физического положения наиболее бедного класса». Именно тогда некоторые люди, главным образом из среды провинциальной интеллигенции, начинали зачитываться критикой «меркантильного духа» в произведениях Фурье и переноситься на крыльях фантазии в светлое и прекрасное царство «гармонии».

II

Еще в те годы, когда Жюст Мюрион был единственным учеником Фурье, отдельные лица проявляли интерес к его учению. Племянник Фурье, сын его старшей сестры, Изидор Рюба пытался даже в 1816 г. добиться опубликования нескольких статей своего дяди в местной газете. В 1818 г. вступил в переписку с Фурье некий Бернар из Нанта. Это были скорее пассивные последователи — люди, интересовавшиеся его идеями, но не боровшиеся за их осуществление. Рюба писал в дальнейшем, что он изучал произведения Фурье и фурьеристскую литературу из любопытства.

С течением времени, однако, у Фурье начали появляться и активные приверженцы. В числе первых была его зем-

лячка Кларисса Вигуре, «первая женщина, понявшая слово Фурье», как писал о ней впоследствии фурьеристский журнал. Ее «обращение» являлось заслугой Мюирона. Женщина увлекающаяся и восторженная, Вигуре настолько пленилась перспективами «гармонии», что до конца своих дней всецело жила пропагандой фурьеристского учения, не щадя для этой цели ни сил, ни средств. Вместе с Мюироном она составила в Безансоне основу первой фурьеристской группы.

К 1825 г. последователей Фурье насчитывалось с десятков. Среди них были Греа из Роталье (который в противоположность другим стал сторонником «социэтарной теории» еще до опубликования «Трактата» и даже сам содействовал его появлению в свет), мировой судья Годен, землевладелец Габэ. Наконец, со всем пылом юности увлекся идеями Фурье семнадцатилетний Виктор Консидеран, который в то время готовился поступить в Политехническую школу. Одаренный юноша превратился впоследствии в выдающегося и талантливого популяризатора фурьеристского учения.

Ученики Фурье, хотя и немногочисленные, горячо принялись за распространение его идей. Каждый в своем городе и в своем кругу вел усиленную пропаганду, старался завербовать новых приверженцев. Габэ писал Фурье в 1825 г. из Дижона: «Не считая вас самих, быть может нет никого во Франции, кто настолько бы интересовался вашей возвышенной целью, как я. Она составляет единственный предмет моих размышлений, моих разговоров. Я говорю об этом решительно со всеми, я становлюсь утомительным для тех, которые не имеют моего энтузиазма, а никто не может иметь такой». И другие ученики проявляли не меньшую восторженность и не меньшее рвение. Их деятельность не ограничивалась устной пропагандой. Первым занялся письменной популяризацией «социэтарной теории» старейший ученик Фурье, Мюирон. В 1824 г. в Безансоне вышла его небольшая книжка под названием «Краткое обозрение индустриальных методов». В первой части своего произведения Мюирон подвергал критике существующие экономические порядки, во второй говорил о гарантизме, в третьей описывал кратко гармоническое общество.

Но даже наиболее ревностные последователи Фурье, признавая на словах все его учение в целом, с самого

начала придавали существенное значение только его общественной критике и идее ассоциации. Ко всей же космогонии, «всеобщей аналогии» и тому подобным «открытиям» своего учителя они относились более чем сдержанно. Так, Габэ, например, прямо писал ему, что космогонические экскурсы «Трактата», а также причудливый язык и надуманные словообразования мешают пониманию его общественных идеалов. Габэ критиковал смесь «физики, морали, цифр, музыки, животных, цветов и т. п.», которую можно найти на страницах книги Фурье, и сетовал, что вследствие этого «Трактат» не желают читать даже лица, сочувствующие его идеям. Такого же мнения были и другие ученики. Поэтому они усиленно советовали «метру» — как они стали называть Фурье — вновь изложить свои идеи в более стройном по своей структуре и популярно написанном произведении, посвященном исключительно его планам «индустриальной реформы», т. е. его проектам общественного переустройства.

III

Фурье пробыл до начала 1825 г. в Париже, неутомимо распространяя «Трактат», рассылая письма, споря с критиками и все надеясь на скорое осуществление своих проектов с помощью соответствующего «кандидата». «Кандидатами» он называл влиятельных политических деятелей и богатых людей, словом, тех, кто имел возможность финансировать организацию первой «пробной» фаланги, которая должна была бы наглядно доказать преимущества ассоциации. Фурье даже вел своеобразный учет возможных «кандидатов», начиная с русских князей и английских лордов и кончая выдающимися общественными деятелями и банкирами Франции. Однажды ему показалось, что подходящий «кандидат» наконец найден. Это был владелец поместья в Турени, англичанин, который, очевидно, прислал Фурье более или менее вежливый ответ на его обращение. Простодушный «метр» был настолько воодушевлен этим, что поделился своей радостью с учениками. Габэ поздравил его с предстоящей реализацией вблизи Парижа «системы ассоциации», советуя в своем письме сразу же организовать не «простую», а «сложную» фалангу. Но эта иллюзорная надежда скоро рассеялась.

В последний период своего пребывания в столице Фурье, по-видимому, испытывал нужду. Судя по изданной им в 1824 г. брошюре, посвященной «способу изучить за немного уроков географию, статистику и политику», Фурье пытался обеспечить себе заработок частными уроками географии. Он снова занялся маклерством, но жаловался в своих письмах на отсутствие клиентуры.

Надо сказать, что в этом вопросе имеется неясность. Как известно, по завещанию матери Фурье должен был ежегодно получать от своих сестер 900 франков — сумму вполне достаточную при его скромном образе жизни. Можно предположить, что сестры перестали выплачивать регулярно эту сумму и поэтому Фурье был вынужден воспользоваться материальной помощью своих друзей, в первую очередь Мюирона. Видимо, этим объясняется тот факт, что материальные невзгоды Мюирона отразились на Фурье. А дело обстояло именно так. В результате чистки административного аппарата, проводившейся в то время ультрароялистским правительством, Мюирон лишился места, а следовательно, и заработка, что явилось не последней причиной, заставившей Фурье в марте 1825 г. покинуть Париж. Он переехал в Лион и снова поступил на службу в один из торговых домов кассиром с окладом 1200 франков в год.

Еще до этого, в 1824 г., Греа обращался к «метру» с предложением изложить свою теорию ассоциации в одном томе, обещая достать необходимые средства для издания книги. Греа ставил перед Фурье одно условие: показать ему свою рукопись до сдачи в печать. Это говорит о том, насколько ученики опасались, чтобы их уважаемый «метр» не разукрасил свою книгу «двусложным бессмертием душ», «совокуплением планет» и т. п. Фурье согласился дать сокращенное и общедоступное изложение «социэтарной организации», не касаясь при этом других вопросов. С болью в сердце он даже примирился с мыслью не излагать в этом произведении своего мнения о «состоянии наук».

Греа, желая создать Фурье условия для спокойной работы, пригласил его в свое маленькое поместье Роталье. Скромный и застенчивый по натуре, Фурье долго отнекивался, боясь стеснить семью своего ученика. В письмах к Греа он ссылаясь и на то, что, будучи торговым служа-

щим, не может подобно чиновнику брать отпуск на определенный срок, что если он временно покинет свое место, то потеряет его совсем, так как сразу появятся десятки претендентов. Греа советовал Фурье откровенно сказать хозяину, что отпуск ему необходим для работы над своей книгой. В ответном письме «метра» содержалось горькое признание: «Вы, писал он, не знаете, что в торговом доме себя дискредитируешь, ставишь в смешное положение, если производишь впечатление человека, пишущего книгу».

В конце концов вопрос об отпуске как-то удалось уладить, и осенью 1825 г. Фурье отправился в Роталье, где пробыл около шести недель. Там, на лоне природы, он провел прекрасные дни, окруженный вниманием и заботой всей семьи Греа. Но просьбу своего ученика Фурье так и не выполнил; никакой рукописи не представил, а показал лишь оглавление своего будущего произведения.

После возвращения в Лион Фурье продолжал работать на прежней службе. Но пребывание в Лионе его тяготило. Он стремился в столицу, так как, несмотря на свои предыдущие неудачи, надеялся найти там «кандидата» для организации фаланги. Поэтому, выехав в конце декабря того же года по делам своих хозяев в Париж, Фурье воспользовался длительным пребыванием в столице, чтобы найти себе новое место. Ему удалось поступить на службу в контору склада американской торговой фирмы Куртиса и Лемба. На этой работе он находился с мая 1826 г. до октября 1827 г., когда, по неизвестным причинам, покинул ее и стал подрабатывать, выполняя от случая к случаю различные торговые поручения.

В течение двух лет все свободное время Фурье отдавал своей новой книге, над которой работал очень тщательно, по нескольку раз переделывая отдельные главы. Ученики всячески торопили «метра», но одновременно убеждали не применять в книге причудливых выражений и необычных слов, не нападать слишком резко на общепринятые понятия, не позволять себе насмешек над «кроткой и чистой моралью», «совершенствующейся цивилизацией» и т. п. Но с Фурье ладить было трудно. В лучшем случае он соглашался не повторять по нескольку раз то или иное выражение, но категорически отказывался что-либо менять по существу. Вопреки своим обещаниям ограничиться

LE NOUVEAU MONDE
INDUSTRIEL ET SOCIÉTAIRE,
OU
INVENTION DU PROCÉDÉ
D'INDUSTRIE ATTRAYANTE ET NATURELLE
DISTRIBUÉE
EN SÉRIES PASSIONNÉES.

PAR CH. FOURIER.

Ce sont des aveugles qui conduisent
des aveugles. ÉVANGILE.

Ce ne sont pas là des hommes ; il y a
quelque bouleversement dont nous
ne savons pas pénétrer la cause.

J.-J. ROUSSEAU.

PRIX 7 FRANCS.

PARIS,
BOSSANGE PÈRE, RUE DE RICHELIEU , N.º 60.
P. MONGIE AINÉ, BOULEVART ITALIEN , N.º 10.

1829.

Титульный лист первого издания книги
«Новый мир, индустриальный и социетарный»

исключительно «ассоциацией», Фурье не удержался и изложил в конце книги «общий синтез движения», коснулся и «всеобщей аналогии» и «переселения душ». Некоторые советы учеников были разумными, но и Фурье был прав, отказываясь смягчать свою критику современного ему общества и заявляя, что не может и не хочет льстить всему свету. Тем, кто советовал подражать слогу тех или иных известных писателей и публицистов, Фурье с раздражением отвечал, что каждый пишет по-своему и что его стиль — стиль «изобретателя».

Работая над своим новым произведением, неутомимый «изобретатель» одновременно вел активную пропаганду своих идей. Он пользовался для этого любым подходящим и неподходящим случаем. Стоило, например, морскому министру выступить в палате депутатов по вопросу о рабстве в колониях, как Фурье немедленно написал ему письмо о способах ликвидировать это рабство, не затрагивая ничьих интересов,— подобное чудо, разумеется, было возможно лишь путем организации фаланг. Но все старания Фурье не приносили никаких результатов. Он приписывал это своему характеру и скромному общественному положению. «Чтобы интриговать в Париже,— писал он,— необходима карета, много денег, а также низость: всего этого у меня не имеется».

12 февраля 1828 г. рукопись новой работы Фурье была готова к печати. Ему очень хотелось на этот раз опубликовать книгу в Париже. Но это было не так просто. Все издатели, к которым он обращался, отвечали отказом. Фурье с горечью писал Мюирону, что они интересуются не произведением, а громким именем: если бы Шатобриан стал доказывать, что дважды два пять, то все издатели захотели бы печатать его труд. В конце концов Фурье вынужден был последовать совету своих друзей и снова отправиться в Безансон, где в свое время был опубликован его «Трактат».

В Безансон Фурье прибыл в середине июля и остановился в доме своей ревностной последовательницы Клариссы Вигуре. Он предполагал задержаться там два-три месяца. Но в Безансоне ему пришлось пробыть до весны следующего года, так как печатание его работы, средства на издание которой достал Греа, заняло много времени.

Наконец, в начале 1829 г. книга Фурье вышла из печати. Она называлась: «Новый мир, индустриальный и

социэтарный». Заглавие, как полагал Фурье, было самым точным и подходящим для обозначения грядущего гармонического общества.

«Новый мир» выгодно отличался от других сочинений Фурье. Из всех написанных им произведений это безусловно наиболее стройное, логичное по своей структуре, наиболее доступное по языку и форме изложения. Книга посвящена, за исключением заключительных глав, вопросу организации фаланг и гармонического общества, причем этот вопрос разработан с достаточной — во всяком случае не совсем обычной для Фурье — последовательностью и систематичностью. Хотя он и в этой работе широко пользуется изобретенными им новыми терминами, но в целом его изложение менее причудливо, более просто и понятно. «Новый мир» — наиболее легко читаемое из всех произведений Фурье.

Эта книга интересна также и в другом отношении. Написанная во второй половине двадцатых годов XIX века, она отражала общественные сдвиги, ставшие особенно заметными и ощутимыми во Франции за предшествующее десятилетие. В «Новом мире» критике общественного строя отведено сравнительно не столь много места. Но в этой работе содержатся новые, чрезвычайно важные наблюдения Фурье, поднимающие его социальную критику по сравнению с предыдущими сочинениями на более высокую ступень. Именно в «Новом мире» есть сведения об экономических кризисах, изложенные на примере кризиса 1825 г. Именно в «Новом мире» описано тяжелое положение наемных рабочих и даны замечательные ссылки на ужасающее положение пролетариата в передовой, индустриальной Англии.

«Новый мир» завершал цикл основных работ Фурье, где его идеи нашли наиболее полное и яркое изложение. Ознакомление с этими работами дает возможность составить достаточно отчетливое представление об учении Фурье, которое привлекало все больше и больше последователей.

Глава шестая

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ГАРМОНИЯ

I

Учение Фурье — стройная система. Ее отдельные части тесно спаяны друг с другом. Свои общественные идеалы, вплоть до малейших подробностей организации фаланг, Фурье стремился увязать со своими философскими представлениями и социологическими воззрениями.

В своей философии, которой он придавал большое значение и отводил в сочинениях значительное место, Фурье исходил из следующих основных представлений. Природа, или вселенная, состоит из трех вечных, несотворенных и неразрушимых начал: 1) бог или дух — начало активное и движущее, 2) материя — начало пассивное и движимое, 3) справедливость, или математика — начало нейтральное. Бог Фурье, следовательно, не отождествляется им с материальным миром — это есть начало нематериальное, духовное. Бог движет и видоизменяет материю, согласовывая, однако, свои действия с независимой от него естественной, достоверной справедливостью — с математикой, правилам которой он подчиняется и которые не может изменить. Другими словами, бог Фурье в своем творчестве руководствуется математической закономерностью. Наблюдаемая во всех явлениях вселенной закономерность является закономерностью целесообразной, телеологической, предназначенной осуществлять поставленные богом цели. Это относится, в частности, к человеческому обществу. Богом заранее поставлены цели, которыми определяется все развитие человечества. Таким образом, осуществление идеального общественного строя Фурье непосред-

ственно связывает с провиденциальным планом бога. Это крайне характерно для Фурье как утописта, который не мог обнаружить внутренние законы общественного развития и прибегал поэтому для обоснования своих идеалов к ссылкам на божественное предопределение. Именно этим и объясняется, что в его произведениях, по выражению Энгельса, «нет недостатка в мистицизме, и даже подчас крайне сумасбродном»¹.

Обнаружить цели, поставленные богом в какой бы то ни было области мироздания, возможно, по мнению Фурье, благодаря лежащей в основе структуры вселенной всеобщей аналогии. Этому закону всеобщей аналогии, почерпнутому из мистико-теософских учений второй половины XVIII столетия, Фурье придает большое значение. Изучая известное, можно, по его убеждению, руководствуясь аналогией, познать и неизвестное, так как бог вовсе не хотел скрыть от человека систему природы. Точно так же как Ньютон открыл законы, которым подчиняется материальный мир, можно открыть и законы, установленные богом для человеческого общества, познать некий составленный богом «социальный кодекс». Если в основе материального мира лежит закон притяжения, то по аналогии следует заключить, что в основе «социального кодекса» лежит закон «страстного притяжения». Познать «социальный кодекс» можно лишь путем внимательного изучения человеческих страстей. Человеческим страстям, «природе человека» Фурье придает столь же большое значение, как и французские материалисты XVIII столетия. Имея в виду именно это, Маркс указывал, что Фурье непосредственно исходит из их учения². Фурье детально классифицирует страсти, подробно описывая каждую их группу. Это имеет, с его точки зрения, непосредственно практическое значение. Если «страстное притяжение» — ключ к раскрытию «социального кодекса», то, следовательно, идеальным общественным строем будет такой, при котором человеческие страсти получают возможность наиболее полного и всестороннего удовлетворения.

Всю историю человечества Фурье делит на отдельные периоды. Первый — «эденизм», период детства челове-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 395.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 160.

ства, когда люди чисто инстинктивно повиновались своим страстям и поэтому, хотя и жили в примитивных условиях, были все же счастливы. Но первобытный «эденизм» не мог сразу и непосредственно развиваться в совершенное гармоническое общество. Для того чтобы достигнуть «гармонии», человечеству суждено было пройти через целую историческую эпоху «дисгармонии». Периодами «дисгармонии» и явились последующие периоды — дикости, патриархата, варварства и цивилизации.

При объяснении причин последовательной смены одних периодов другими Фурье, не нарушая своей общей телеологической концепции, пользовался в известной мере материалистическими аргументами и диалектическим методом.

Подобно Руссо, он объяснял необходимость каждой новой ступени в развитии человеческого общества несоответствием между выросшими потребностями размножившегося человечества и невозможностью их удовлетворения при современных общественных условиях. Диалектическое противоречие между потребностями и ресурсами движет общество вперед. Каждый период, который вначале соответствует потребностям человечества, характеризуется на первом этапе «восходящим движением», которое, однако, после «апогея» сменяется движением «нисходящим», что приводит к разложению общественного строя этого периода и замене его новым. Эти элементы диалектики в учении Фурье высоко ценил Энгельс¹.

Так развивалось общество от «эденизма» до пятого периода — «периода цивилизации», который начался с эпохи древней Греции. Каждый период Фурье подразделяет в свою очередь на четыре фазы. Общественный строй современной ему Европы² он характеризует как «третью фазу цивилизации», т. е. фазу упадка, возникновение которой относит к середине XVIII столетия. Самые яркие страницы его произведений посвящены едкой критике этой «третьей фазы цивилизации».

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 264.

² Фурье говорил о Европе, потому что в других частях света царили, по его мнению, еще более примитивные порядки, соответствующие периодам дикости и варварства.

II

Для современного общества, по мнению Фурье, характерно всеобщее противоречие интересов. Личные интересы находятся в непримиримом противоречии с коллективными интересами всего общества. Интересы отдельных людей и групп граждан противоречат интересам их ближних — счастье одних основано на несчастье других. Все классы — общественные низы, люди среднего достатка, буржуазия, аристократия — взаимно ненавидят и презирают друг друга. То же относится и к представителям отдельных профессий: адвокаты мечтают, чтобы совершалось больше преступлений и было больше доходных для них процессов, врачи — чтобы было больше болезней, архитекторы — чтобы пожар уничтожил большую часть зданий, портные и сапожники — чтобы платье и обувь поскорее изнашивались. Таким образом, царит всеобщий эгоизм и взаимная ненависть. Особенно резко проявляется противоречие интересов бедных и богатых. В результате общество постоянно пребывает в состоянии кризиса, и опасность революций и социальных потрясений непрерывно возрастает.

Две трети людей вообще не занимаются общественно-полезным трудом, потому что или вовсе не работают или работают, по существу, непроизводительно. К ним относится большинство женщин и детей, военные, чиновники, половина промышленников, девять десятых торговцев, рантье, безработные, домашняя прислуга, преступники. Все они являются паразитами, так как не участвуют — большей частью не по своей воле, а в силу порочного характера современной общественной структуры — в производительном труде и, следовательно, живут за счет труда остальных.

Сама система производства в корне порочна и нерациональна. С одной стороны, это мелкое, раздробленное производство, особенно характерное для сельского хозяйства, препятствующее какому-либо техническому прогрессу, отличающееся крайне низкой производительностью и нецелесообразной затратой труда. Так, например, крестьяне на своих маленьких огороженных клочках земли стремятся, не считаясь с условиями почвы, выращивать все сельскохозяйственные культуры, перерабатывать само-

стоятельно сельскохозяйственную продукцию. Из-за этого они затрачивают большое количество труда неразумно и непродуктивно, не имеют возможности применять технические усовершенствования и удобрения.

С другой стороны, существует и более крупное производство как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Но оно целиком основано на системе наемного труда, «наемничестве», что находится в вопиющем противоречии с естественными потребностями и склонностями человека. Наемные рабочие работают из-под палки, ненавидят тяжелый и однообразный труд, которым занимаются лишь для того, чтобы не умереть с голоду, и плодами которого не пользуются. Рабочие поэтому не заинтересованы в повышении производительности труда, от чего страдают и сами хозяева, принужденные, кроме того, постоянно следить за своими рабочими и опасаться их. Система наемного труда низводит рабочих до положения зависимых рабов, а конкуренция, являющаяся основным законом всей хозяйственной жизни, снижая заработную плату, доводит их до нищеты. В результате, хотя общественное богатство все возрастает, жизненный уровень трудящихся масс непрерывно понижается. Таким образом, в современном обществе «из самого изобилия рождается бедность». Самым ярким примером в этом отношении является как раз наиболее индустриально развитая страна, Англия. «Английские рабочие не могут спастись от нищеты и в буквальном смысле слова умирают с голода в стране, где имеется избыток продуктов питания».

При всем своем резко отрицательном отношении к порочной организации производства Фурье, однако, не в этом находил первопричину всех общественных бедствий. Он не был способен научно исследовать капиталистический способ производства. Фурье видел лишь внешнюю сторону экономических явлений и не умел проникнуть в их суть. Поэтому решающее значение он придавал не капиталистическому производству, а системе обмена — «лживой» и «анархической» торговле.

Для третьей фазы цивилизации характерно, по мнению Фурье, господство «меркантильного духа». Все общество эксплуатируется непроизводительными и паразитическими агентами обращения — торговцами, количество которых беспрерывно увеличивается, особенно после 1789 г.

Все основные слои общества — собственники, земледельцы, промышленники, попадают в подчинение к торговцам, которые вместо того, чтобы быть зависимыми от них агентами, на деле управляют обращением по своему усмотрению. Торговцы, используя свою функцию посредников, взимают двойную дань как с производителей, так и с потребителей. Это «индустриальные корсары», вампиры, которые, ничего не производя, снимают сливки производства, без всякого права заставляют законных хозяев делиться с ними доходами, присваивая себе львиную долю. Таким образом, паразиты-торговцы эксплуатируют и «мануфактуристов», и земледельцев, и всех потребителей. При этом современная торговля отнюдь не имеет организованного характера. Наоборот, для нее характерна анархическая конкуренция — та самая свободная конкуренция, которую столь превозносят «экономисты». Торговцы не только высасывают все соки из производителей и потребителей, но одновременно ведут самую дикую войну друг с другом, стремясь обогатиться за чужой счет и разорить своих конкурентов. Они не останавливаются перед низостями, гнусностями и мошенническими проделками. Торговля вносит расстройство в весь современный «индустриальный механизм». Даже периодические промышленные кризисы, являющиеся настоящими общественными бедствиями, происходят, по мнению Фурье, в результате анархической торговой конкуренции.

Критике «торгового паразитизма» Фурье посвящает самые блестящие страницы своих произведений. Особенно подробно останавливается он на отдельных «характерных чертах» торговли (всего он насчитывает их 72), которые как бы концентрируют все ее злоупотребления, все ее грабительские свойства.

Одной из основных «характерных черт» торговли Фурье считает ростовщичество. К ростовщическому капиталу он относится не менее враждебно, чем к собственно торговому, специально подчеркивая власть ростовщичества в деревне.

Особенно подробно и красочно описывает Фурье скупку, спекуляции и банкротства. Со всей силой своего обличительного таланта он обрушивается на скупку, на это «самое одиозное из коммерческих преступлений», на спекуляцию хлебом, доводящую народ до голодной смерти,

и на спекуляцию сырьем, губительную для промышленности. Он ожесточенно нападает и на «родного брата скупки» — на ажиотаж, биржевую спекуляцию, которая расстраивает всю экономическую жизнь, ставит на карту судьбы целых государств.

Детальнее всего Фурье останавливается на банкротствах. Банкротство, наряду с супружеской неверностью, является, по его убеждению, самой большой общественной гнусностью. Банкротство — это самое искусное и самое бесстыдное мошенничество, воровство гораздо более опасное, чем грабеж на большой дороге. Банкротство — неизбежное следствие авантюристических спекуляций торговцев, распоряжающихся по своему усмотрению доверенными им деньгами. Бесчисленны и разнообразны способы, при помощи которых банкроты грабят людей. Ярko и образно описывает Фурье обычные приемы осуществления «честного банкротства» — как банкроты выступают в роли жертв несчастных обстоятельств, какие способы они употребляют, чтобы при посредстве своих нотариусов соответствующим образом воздействовать на кредиторов, как убеждают последних согласиться на потерю большей части своих денег и как, закончив эту операцию, живут припеваючи, пользуясь всеобщим уважением и почетом, исподволь подготавливая очередное банкротство.

До середины XVIII века, указывает Фурье, торговлю презирали, к торговцам относились пренебрежительно. Но после революции все изменилось. Все начали славословить «коммерцию». Торговцы стали новым кумиром общества. «Меркантильный дух» всецело властвует над политикой. Правительство все больше попадает в подчинение к торговцам. Ученые и «философы», ослепленные золотом, поют им дифирамбы. Особенно усердствует новая «секта экономистов», воспевающая прелести свободной конкуренции. Современное государство служит лишь интересам богачей. С помощью небольшого числа вооруженных рабов оно держит в повиновении безоружных бедняков. Последние фактически совершенно лишены политической и общественной свободы; для них не существует даже справедливого правосудия.

«Меркантильный дух» накладывает свой отпечаток не только на политику и идеологию эпохи, — им пропитана вся современная общественная мораль. Брак — не что

иное, как своеобразная торговая сделка, вроде повседневных сделок на товарной бирже. В результате одним из обыденных в то же время самых гнусных явлений современного общества является супружеская измена. Не менее распространена и продажная любовь, ничем, по существу, не отличающаяся от проституции, узаконенной брачными узами. Отсюда — большое количество внебрачных детей, брошенных на произвол судьбы. Рожденные же от «законных» браков дети мечтают лишь о преждевременной смерти родителей, дабы поскорее завладеть наследством.

III

Таков неприглядный облик «третьей фазы цивилизации». И экономика, и политика, и мораль современного общества находятся в вопиющем противоречии со всеми велениями природы, со всеми предначертаниями божества. Этот общественный строй не дает людям возможности нормально, ко всеобщему благу, удовлетворять свои страсти. Начиная со строя производства с его системой подневольного и однообразного наемного труда и кончая брачными отношениями,— все в современном обществе противоречит естественным влечениям и склонностям человека. Это заставляет людей подавлять свои страсти или удовлетворять их в извращенном виде, в ущерб своим ближним.

Каким же образом возможно осуществить в человеческом обществе «страстное притяжение»? Иными словами, как можно создать предопределенный богом идеальный общественный строй, который обеспечивал бы условия для свободного и нормального удовлетворения естественных человеческих страстей, и не в ущерб, а на пользу всему обществу? Это возможно, отвечает Фурье, лишь в том случае, если интересы отдельных лиц не будут противоречить друг другу и если индивидуальные интересы совпадут с коллективными, т. е. с общественными, в результате объединения людей для совместной работы и совместной жизни. В современном обществе люди выступают как отдельные разобщенные индивидуумы, ведущие непрерывную борьбу друг с другом. Вместо этой «дисассоциации» при гармоническом общественном строе должна

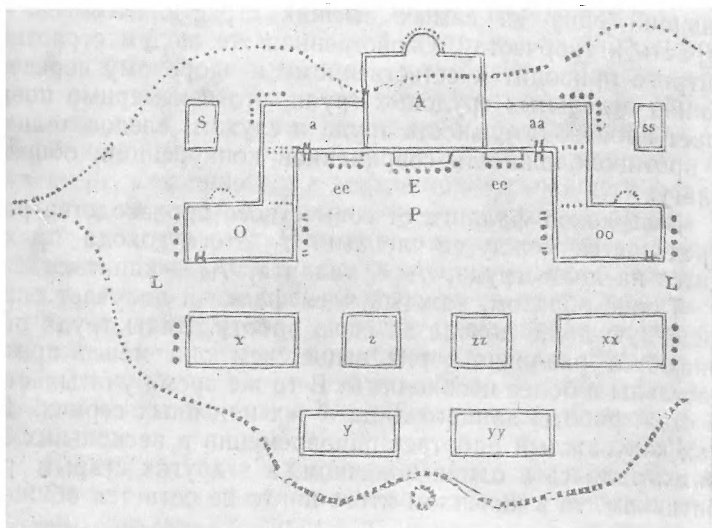

быть «всеобщая ассоциация». Гармоническое общество, в противоположность современному, не сумма отдельных лиц, а сумма ассоциаций, то есть производительно-потребительских товариществ — фаланг.

Фаланга — основная ячейка гармонического общества. Это — ассоциация, объединяющая от 1600 до 2000 человек, причем идеальным числом является 1620 — по двойному количеству человеческих характеров, определяемых Фурье в 810. Фаланга организуется как акционерное предприятие, путем продажи акций. На собранный паевой капитал приобретаются соответствующий земельный участок и инвентарь, а также возводятся необходимые постройки. Подобная «сельскохозяйственно-промышленная ассоциация» является производительно-потребительским товариществом, занимающимся в первую очередь сельским хозяйством и одновременно различными отраслями промышленности. Следует заметить, что, говоря о сельском хозяйстве, Фурье меньше всего имеет в виду зерновые культуры. Наоборот, он считает, что в будущем потребление хлеба сведется к минимуму за счет увеличения потребления овощей, фруктов, мяса и других более питательных продуктов, что неизбежно отразится на характере сельского хозяйства.

Для различного рода работ фаланга организует ряд «серий». Каждым отдельным видом труда, как сельскохозяйственным, так и промышленным, занимается соответствующая серия: садовников, огородников, скотников, плотников, ткачей и т. п. Все работающие в данной серии, руководствуясь взаимными симпатиями, разбиваются в свою очередь на «группы» — примерно по семи человек.

Не следует представлять себе дело так, что каждый член фаланги работает лишь в определенной серии и в определенной группе. Наоборот, одной из основных страстей человека является стремление к разнообразию, и гармонический строй, удовлетворяя все человеческие страсти, должен принимать в расчет и эту страсть. Поэтому в фалангах каждый может не только совершенно свободно выбирать те или иные серии, сообразно своим личным склонностям к тому или иному виду труда, но и состоять членом нескольких серий, до тридцати-сорока, работая в каждой из них лишь минимальное время — час-полтора, не больше. Член фаланги, в противоположность трудящимся

План фаланстера
Собственноручный набросок Фурье

эпохи цивилизации, не должен всю жизнь заниматься однообразным, оупляющим трудом. В результате труд из мучения превращается в труд-наслаждение, удовлетворяющий одну из самых высших страстей человека — страсть к творчеству. Свойственная же людям страсть к интриге приводит к естественному и здоровому соревнованию отдельных трудовых групп, что неизмеримо повышает производительность труда и служит, следовательно, в противоположность современной конкуренции, общему благу.

Весь доход фаланги от совместного производства распределяется между ее членами. $\frac{5}{12}$ этого дохода приходится на долю труда, $\frac{3}{12}$ — таланта, $\frac{4}{12}$ — капитала.

Таким образом, каждый член фаланги получает определенную долю дохода за свою работу. Виды труда оцениваются различно — тем выше, чем они менее притягательны и более необходимы. В то же время учитывается и стаж работы данного лица в тех или иных сериях. Но так как каждый работает одновременно в нескольких сериях, являясь в одних новичком, а в других старым работником, то в конечном итоге никто не остается обиженным.

Физический труд в фалангах не является, однако, обязательным. Талантливые люди — писатели, художники и другие — могут жить на доход от своих произведений или от своего творчества, причем этот доход поступает к ним не только от той фаланги, где они проживают, но и от других, — в зависимости от значимости их творчества и распространенности их произведений.

Богатые люди, при желании, живут лишь на доход от своего капитала, т. е. на дивиденд от приобретенных ими акций фаланги. По убеждению Фурье, в результате целесообразной системы производства и высокой производительности труда доход фаланг будет столь значительным, что на акции будет выплачиваться дивиденд, превосходящий прибыль, приносимую капиталом в «цивилизованном» обществе. Это должно заинтересовать богачей в организации фаланг и приобретении их акций.

Члены фаланги не обязательно имеют лишь один из трех видов дохода. Владелец акций, одновременно работающий в тех или иных сериях, получает как доход от капитала, так и доход от труда; писатель, занимающийся

физическим трудом, получает доход и от таланта и от труда. Некоторые лица могут иметь одновременно все три вида дохода.

Поскольку не одинаковы доходы отдельных лиц, различен и их уровень жизни. В фаланге нет частного домашнего хозяйства, нет частного потребления. Все потребление, так же как и производство, организовано на коллективных началах, но без какой-либо уравнительности.

Члены фаланги проживают в обширном здании — фаланстере, находящемся в центре принадлежащего фаланге земельного участка. Фаланстер — роскошный дворец. По своей кубатуре он превосходит все современные здания и состоит из центральной части и двух крыльев, соединенных крытыми ходами. В фаланстере расположены как мастерские, столовые, залы общего пользования, театр, библиотека, так и жилые помещения, которые сдаются членам фаланги за определенную плату. Каждый занимает в фаланстере то или иное помещение сообразно своим средствам.

На тех же началах организовано и питание. Все члены фаланги питаются совместно в общих столовых, но получают различную пищу в зависимости от своих личных средств. В этом отношении фаланстер напоминает скорее гостиницу, где имеются номера в разную цену и ресторан с разнообразным меню. Разница в том, что в фаланстере нет системы наличного денежного расчета. Каждому своему члену фаланга открывает, исходя из его предполагаемых доходов, определенный кредит, в счет которого он получает все необходимое. Окончательный расчет производится раз в год при распределении доходов.

Женщины в фалангах пользуются теми же правами, что и мужчины. В фалангах нет семьи в обычном смысле этого слова: существуют лишь более или менее длительные брачные союзы, основанные исключительно на взаимном влечении. Отсутствию семьи способствует система общественного воспитания детей. Говоря об этом, Фурье высказывает ряд интересных мыслей о трудовом воспитании ребенка. Уже с самого раннего возраста ребенок в фаланге приучается к труду, при этом без малейшего принуждения. В связи с трудовыми процессами, руководствуясь собственной любознательностью, дети приобретают необходимые теоретические познания. Дети приносят фаланге

вполне реальную пользу, выполняя работы, которые не могут быть привлекательны для взрослых, но которые соответствуют естественным влечениям ребенка.

В ассоциации, по мнению Фурье, нет места как для противоречий личных интересов, так и для классового антагонизма. Каждый член фаланги заинтересован в процветании всего товарищества в целом, так как только в этом случае растут его личные доходы и повышается собственный уровень жизни. Вследствие отсутствия системы наемного труда бедный смотрит на богатого как на сотоварища, благосостояние которого тесно связано с его собственным благосостоянием. В ассоциации не может быть нищенства и нужды, как не может быть и безработицы. Даже самому бедному обеспечено право на труд и гарантируется известный прожиточный минимум. Благодаря высокой производительности этот минимум будет значительно превышать уровень жизни современных богатей. Богатые же, живя в еще лучших условиях, не опасаясь ни банкротств, ни грабежей, ни революций, перестанут относиться к бедным с недоверием.

Фурье, однако, мечтал не только о примирении интересов бедных и богатых; он считал возможным, в условиях ассоциации, постепенное слияние этих двух «крайних классов». Фурье был твердо убежден, что богачи не смогут, живя в фалангах, оставаться равнодушными зрителями разнообразного, интересного труда — труда-наслаждения. Они непременно захотят стать членами тех или иных серий и заняться какой-нибудь, хотя бы и легкой работой. Вовлечение богатей в процесс труда будет иметь неизбежным следствием все большее их сближение с работающими с ними бок о бок бедняками. Будучи заинтересованными, из чувства соревнования, в успехах своей группы, они станут отказываться в пользу бедняков от своей доли дохода от труда, что будет пробуждать в них чувство благодарности. Так богачи постепенно превратятся в трудящихся. Одновременно будет происходить и обратный процесс. Уровень дохода в ассоциации высок даже для самых бедных ее членов. Неудивительно, что последние смогут делать сбережения и приобретать акции фаланги. Но, приобретая хотя бы $\frac{1}{20}$ часть акции, бедный становится акционером и начинает получать доход не только от труда, но и от капитала. В своих последних

произведениях Фурье предусматривает различный размер дохода на капитал в обратной зависимости от размера пая, с целью обеспечить преимущество мелким держателям. Не следует также забывать, что хотя в фалангах и остается право наследования, но отсутствие семьи ведет к распылению капитала богачей-основателей.

В этих мечтах Фурье о превращении богачей в трудящихся, а трудящихся в капиталистов наиболее ярко сказываются его мелкобуржуазные иллюзии о возможности мирного разрешения социальных противоречий.

Так, по убеждению Фурье, ассоциация ликвидирует все общественные противоречия и устанавливает всеобщую гармонию. Новый общественный строй, основанный на подобного рода производительно-потребительских товариществах, Фурье называет поэтому строем гармоническим.

При гармоническом строе все население — не только одной страны, а и всего земного шара — объединено в фалангах и проживает в фаланстерах. Этим ликвидируется противоположность между городом и деревней. Фактически не существует и какой-либо государственной власти. Правда, в каждой фаланге есть свой орган общего руководства делами — «ареопаг», но его функции имеют больше совещательный, чем административный характер. Имеются также различные титулованные лица, вплоть до монархов различных степеней и «омниарха» — главы земного шара, но эти титулы чисто почетные. Предусматривая все эти титулы, Фурье преследовал лишь цель сделать гармонический строй привлекательным для современных ему правителей.

Отдельные фаланги не изолированы друг от друга, а, наоборот, поддерживают между собой постоянную связь. Они обмениваются продуктами своего производства и выполняют совместно крупные общественные работы, создавая специальные «производительные армии» для прорытия каналов через Суэцкий и Панамский перешейки и для других аналогичных предприятий.

Подобные «производительные армии» должны изменить лицо земного шара. Впрочем, по убеждению Фурье, это произойдет и независимо от людской деятельности. Во время пребывания человечества в хаотических периодах дикости, патриархата, варварства и цивилизации физиче-

ское состояние земли, по аналогии, также представляет плачевное зрелище. Но после перехода к гармонии на земле произойдут поистине изумительные события. Земля воспроизведет свою «северную корону» и приобретет пять новых спутников, в результате чего будут иметь место новые творения во всех трех царствах. Появятся чрезвычайно полезные для человека «контробразцы» всех существующих в настоящее время опасных и вредных представителей животного мира: анти-львы, анти-крокодилы, вплоть до анти-крыс и анти-клопов. Столь же благоприятными для человечества окажутся и новые творения растительного и минерального царств. Появится множество вкусных и целительных лекарств, даже вода морей приобретет вкус лимонада. Благодаря «северной короне» не только будут растоплены полярные льды и вся земля станет обитаемой, но и повсеместно улучшится климат. Ночи станут столь же светлыми и прекрасными, как и дни.

Все подобные представления Фурье кажутся комичными и всегда служили мишенью для насмешек. Но и эти представления не имеют в его системе случайного характера. Они логически вытекают из лежащего в основе его философских воззрений закона всеобщей аналогии, обуславливающего взаимозависимость между общественным строем и физическим состоянием земли и всей вселенной.

IV

Так, в своих произведениях Фурье бичует «третью фазу цивилизации», т. е. современное ему капиталистическое общество, и противопоставляет этому порочному строю общество гармоническое, где не существует частного производства и частной торговли, где нет ни паразитизма, ни нищеты, где нет классовых антагонизмов, где каждому обеспечены право на труд и прожиточный минимум, а сам коллективный труд является для людей наслаждением.

Создать подобное общество Фурье предполагал отнюдь не путем революций и общественных переворотов. Наоборот, после эпохи французской буржуазной революции у него на всю жизнь сохранилось неприязненное отношение ко всем революционным «эксцессам». По его твердому убеждению, осуществление гармонии произойдет в результате мирного общественного преобразования. Правда, человечество не могло сразу прийти к гармонии. Для этого

индустрия должна была достигнуть известного уровня развития. Но уже со времен древней Греции эта предпосылка была создана, и, следовательно, с тех пор люди могли организовать ассоциации. Требовалось лишь открыть «социальный кодекс», предусмотренный богом для человечества, что и осуществил он, Фурье. Теперь, когда это сделано, весь вопрос сводится к пропаганде «открытия». Лучшим видом пропаганды является организация «пробной» фаланги, пример которой будет заразительным. Фурье не сомневался, что организация одной фаланги, пусть даже в пределах «одной деревушки», в самом непродолжительном времени, в течение ближайших же четырех-пяти лет, приведет к добровольному объединению в подобных ассоциациях населения не только одной страны, но и всего земного шара.

Фурье считал, что учредить «пробную» фалангу будет не так уж трудно. Остановка ведь за «малым» — за финансовыми средствами для приобретения земельного участка, постройки фаланстера, открытия кредита неимущим. Получить же необходимые средства возможно или от богатых людей, или от правителей: их, следовательно, и нужно убедить в материальных выгодах и преимуществах ассоциации. Этим Фурье с величайшим усердием занимался в течение всей своей жизни.

Таким образом, по глубокому убеждению Фурье, его «открытие» создало возможность для человечества непосредственно и безболезненно перейти к гармонии. Но ведь это «открытие» имеет исторически более или менее случайный характер. Люди могли раскрыть содержание «социального кодекса» еще во времена древней Греции. Однако ни тогда, ни в последующем не нашлось никого, кто смог это сделать. Следовательно, вполне допустимо предположение, что не будь его, Фурье, не был бы открыт «социальный кодекс» и позднее. Каковы бы в таком случае были судьбы человеческого общества?

Фурье отвечает и на этот вопрос: человечество все равно дошло бы до гармонии, но только постепенно, пройдя через ряд переходных этапов. Дело в том, что с точки зрения исторической закономерности «цивилизация» является пятым периодом общественного развития, а «гармония» — не шестым, а восьмым периодом. Между цивилизацией и гармонией лежат два переходных периода:

шестой — «гарантизм» и седьмой — «социантизм», которые человечество должно было бы пройти, если бы не «открытие» Фурье, создавшее предпосылки для непосредственного перехода к гармонии.

В своих опубликованных произведениях и особенно в рукописях Фурье разработал детальную, но довольно-таки запутанную схему переходной эпохи. Основные ее черты заключаются в том, что гарантизм является периодом «полуассоциации», а социантизм — периодом «простых ассоциаций». Говоря о социантизме, Фурье описывает «простые», примитивные, малочисленные и однородные ассоциации, как сельские, так и городские, которые, по собственному признанию, являлись его первоначальными проектами производительно-потребительских товариществ, впоследствии превратившиеся в сельскохозяйственно-промышленные фаланги. Что касается гарантизма, то и при описании этого «полуассоциативного» периода Фурье большей частью использует свои первоначальные реформаторские замыслы, соответственно их видоизменяя и развивая. Он останавливается на различных организационных формах этого ближайшего к цивилизации переходного периода не только из теоретических, но и из практических соображений, допуская возможность, что люди, по своей косности, не решатся сразу организовать фаланги. В таком случае следует убедить их ввести предварительно хотя бы «полуассоциативные» учреждения эпохи гарантизма.

Одной из наиболее характерных организаций этого периода, как представлял его Фурье, являются так называемые «коммунальные конторы». Они должны создаваться во всех районах страны, по одной в среднем на 1500 жителей. Функции этих контор многообразны. Они прежде всего берут на себя хранение и сбыт урожая. Крестьяне сдают свое зерно и вино в амбары и погреба конторы, получая в виде аванса ссуду в размере двух третей предполагаемой стоимости. Конторе крестьяне должны платить из расчета 6% годовых. Тем самым крестьяне избавляются от необходимости продавать свой урожай по низким ценам сразу же после уборки и платить ростовщикам 12% годовых. Это имеет для бедных земледельцев и ту выгоду, что контора не только предоставляет перевозочные средства и тару, но и облегчает их труд по хранению и сбыту урожая, открывает им кредит и доставляет

по низким ценам необходимые товары, что избавляет крестьян от алчного посредничества торговцев и спекулянтов.

Поскольку Фурье полагал, что последует превращение этих контор в зародыш фаланг, он предусматривал также организацию ими собственного сельскохозяйственного производства и коммунальных «мануфактур». Это должно было, по его мысли, уничтожить нужду в деревне, так как бедные были бы обеспечены разнообразными занятиями на сельскохозяйственных и промышленных предприятиях. Однако основными функциями коммунальных контор являются функции не производительных, а сбытовых, кредитных и потребительских товариществ.

Подобные идеи сбытовой, потребительской и кредитной кооперации Фурье излагал, описывая и другие аналогичные учреждения периода гарнизизма, вроде «сельскохозяйственных банков» и «казенных ферм». Но сам он всегда твердо надеялся, что основание «пробной» фаланги и непосредственный переход к гармонии сделают излишними все эти «полуассоциативные» организации.

V

Хотя система Фурье по своему внутреннему содержанию имеет очень стройный характер, этого никак нельзя сказать о внешней структуре его произведений.

Свои книги Фурье делил на части и главы. Он обращал особое внимание на эти подразделения, придумывая для отдельных разделов самые причудливые названия. Так, в «Теории четырех движений» встречаются различного рода «аргументы», «демонстрации» и «эпilogи»; в «Трактате» — «пролегомены», «секции», «прелюды», «трансприложения», «прямые стержни», «обратные стержни» и т. п. Но в этих разделах и главах Фурье излагал свои идеи не в последовательном порядке, а подчас в виде самого хаотического нагромождения. То он описывает организацию фаланг, то начинает говорить о своих натурфилософских представлениях, то анализирует человеческие страсти, то трактует о периодах развития общества. Между критикой торговли и описанием положения ученых и артистов в эпоху цивилизации он вдруг помещает «тезис о двусложном бессмертии душ», между «приклад-

ной космогонией» и «теорией страстных групп» «выноску» о гарантлизме.

Произведения Фурье становятся еще более трудными для усвоения из-за употребляемых им в изобилии новых слов и терминов собственного изобретения. Он объяснял это тем, что всякая новая наука требует новых терминов, и тем более нуждается в них его «открытие», которое имеет решающее значение для судеб человечества. Поэтому в его работах много самых разнообразных изобретенных им слов, связанных с различными сторонами его учения,— унитаризм, гармонический селадонизм, гастрозофия и т. п. Он употреблял и различного рода условные знаки, придавая им характер таинственности. В его книгах встречаются перевернутые y и k ($\Delta\Delta$), боковые x — ($\times$).

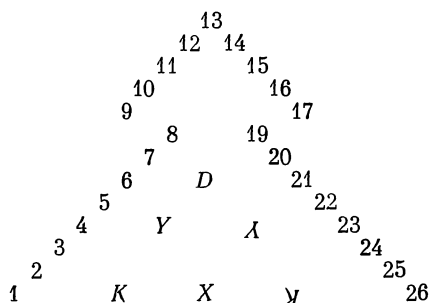
Использование условных знаков и новых терминов в значительной мере обуславливалось страстью Фурье к систематизации. Он необычайно любит все перечислять по пунктам. Говоря о «социэтарной конкуренции», он тотчас в шести пунктах перечисляет ее благие следствия; описывая серии, немедленно приводит перечень условий, необходимых для их успешной организации, и т. д. Он классифицирует буквально все — свойства бога, человеческие страсти, вкусы детей, пороки цивилизации, характерные черты торговли, делая это необычайно детально и кропотливо, насчитывая, например, 36 видов одних банкротств. В своих произведениях Фурье приводит также много различных таблиц по самым разнообразным вопросам, начиная со структуры фаланги и кончая судьбами человеческого общества и будущими творениями.

Подобная систематизация объяснялась стремлением Фурье придать своим произведениям научный характер, доказать, что его «открытие» не сумма произвольных предположений, а подлинная наука, основанная на точном «расчете». Поэтому он придавал огромное значение цифрам, постоянно ими оперировал и, адресуясь к тем, кто сомневался, заявлял: «Все будет арифметически доказано».

Как Фурье производил свои «расчеты», известно, например, из его письма к Мюйрону, в котором он сообщал, что в «день св. пятницы» открыл «равновесие» маленькой ассоциации, названной им «серижерми». «Я целых два

дня терпел неудачу на числе 100 и, испытав его на целой массе функций, вынужден был подняться до 120 как минимума для слегка гармонизированной серижерми». Другими словами, целых два дня Фурье пытался разделить число 100 на потребное количество групп и когда это ему не удалось, взял как более удобное число 120.

В результате подобных «расчетов», его произведения крайне насыщены цифрами. Иногда даже они даны в отрыве от текста и вместе с различного рода условными знаками образуют самые причудливые комбинации. Вот, например, «расчет» одной «страстной серии» из 32 групп:

Подобным образом Фурье придавал своим произведениям внешне «научкообразный» вид. Перелистывая его работы, можно получить впечатление, что они являются строго научными и даже несколько сухими трактатами, заполненными математическими выкладками. Но при более внимательном ознакомлении с их содержанием становится очевидной произвольность отправных цифровых данных. Характерно и то, что, хотя Фурье вообще любит цифры, он приводит их в большинстве случаев в описаниях не настоящего, а будущего. Произвольно беря какие-либо исходные цифры, он производит «расчеты», относящиеся к будущему гармоническому обществу, ничем по существу не отличающиеся от его «исследований» о происхождении и судьбах вселенной, о будущих творениях, фантастичность которых не нуждается в доказательствах. Он, например, определяет идеальную численность фаланги в 1620 человек — по двойному количеству человеческих характеров. Но почему число характеров именно 810, а, скажем, не 820,— остается его личной тайной.

Говоря о современности, Фурье также не прочь подчас опираться на цифры. Но они меньше всего имеют характер точных статистических данных. Это почти всегда округленные цифры, являющиеся или смутным воспоминанием о чем-либо им прочитанном, или же продуктом его собственной фантазии. Например, ему нужно доказать пагубность «коммерческого паразитизма». Фурье тотчас приводит такие цифровые данные: в Испании имеется 500 000 монахов, которые могли бы производить продукты для пропитания 2 000 000 человек; во Франции имеется 1 000 000 людей, занятых коммерцией, и следовательно, Франция теряет ежегодно пропитание для 4 000 000 жителей. Но откуда взята цифра 1 000 000 и почему он берет такую пропорцию, этого, разумеется, он не сообщает — читатель должен верить ему на слово.

Глубокий и проницательный наблюдатель, Фурье мог видеть и ярко описывать язвы капиталистического общества, но не был в состоянии научно их анализировать. Он мог с гениальной прозорливостью подметить основной парадокс современного ему общества, где рост богатства сопровождался ростом нужды, где из самого изобилия рождалась бедность, но не был в состоянии, опираясь на соответствующие точные данные, научно исследовать это явление и раскрыть механизм капиталистического способа производства.

Не обладая, вопреки собственному мнению, качествами ученого, Фурье был в то же время наделен богатым воображением и незаурядным сатирическим дарованием. Его творческая фантазия, служившая мишенью для насмешек обывателей, рисовала ему не только образы антильвов и анти-крокодилов, но и чудесные картины гармонического общества. Критикуя же существующий общественный строй, он умело пользовался оружием подлинной сатиры.

Если Фурье и был относительно начитан, то прежде всего в области художественной литературы. В своих работах он любит вставлять в текст, даже в середину той или иной фразы, выдержки из художественных произведений, главным образом стихотворных, цитируя и Вольтера, и Лафонтена, и Корнеля, и Расина, и Делиля, и Делавиня. Делает он это не случайно. Ему близко и понятно художественное слово.

Несмотря на свое стремление говорить хладнокровно и спокойно, как подобает «изобретателю», он часто оказывается не в состоянии сдерживать себя, особенно когда дело касается общественной критики, и доходит до подлинного пафоса. «Муза, поведай нам подвиги отважных новаторов, сразивших древнюю философию», так начинает он в «Теории четырех движений» критику торговли. В подобном, приподнятом тоне он набрасывает широкими мазками яркую картину жульничества и плутней коммерсантов.

В своих произведениях Фурье не скупится на образные эпитеты и сравнения. Он зло высмеивает плутов торговли и социальных эскулапов. Он сравнивает современных моралистов и философов, «грабящих на большой научной дороге», с остатками разбитой армии, образующими банды мародеров. Такого рода сравнения и метафоры встречаются у него неоднократно.

Особенно любит Фурье приводить примеры. Даже говоря о будущем, он поясняет свои выводы примерами о неких Мондорах, Лазарях и других вымышленных обитателях фаланстеров. Но подобные иллюстрации часто превращаются в настоящие повествования, когда он начинает критиковать современное общество.

Фурье стремится, скажем, разоблачить также зло, как банкротство. Но будучи неспособен ограничиться рассуждениями общего характера или бессодержательными декламациями, он сразу же переходит к повествованию. «Банкир Дорант, обладатель двух миллионов, хочет какими бы то ни было путями быстро увеличить свое состояние до четырех или пяти миллионов», так начинается описание мошенничества, связанных с банкротствами. «Искариот прибывает во Францию с капиталом в 100 000 ливров, который он приобрел в результате своего первого банкротства; он поселяется в одном городе, где имеет в качестве соперников шесть внушающих доверие и почетных торговых домов» — таково начало другого повествования, посвященного той же теме.

Повествования эти зачастую имеют столь конкретный характер, что диалоги приводятся в кавычках. Иногда их даже можно было бы выделить из текста и разработать в самостоятельные очерки и рассказы.

Повествовательные тенденции ярко проявляются, на-

пример, при описании Фурье различных видов супружеской неверности, тем более что этому благоприятствует сама тема. В одной из своих рукописей он довольно пространно изложил 75 разновидностей супружеских измен. Это фактически если не миниатюрные новеллы, то во всяком случае схемы новелл в стиле «Декамерона».

Не теоретически отвлеченные рассуждения, не логически рассудочный анализ, а живое, образное повествование было могущественнейшим оружием Фурье в критике современного ему общества. Именно благодаря этому критик-обличитель Фурье являлся и блестящим сатириком.

Характерно то, что ему свойствен не юмор, а язвительный сарказм. Мягкий, добродушный, незлобивый юмор был настолько органически чужд Фурье, что он не мог им пользоваться, даже когда сознательно стремился к этому. А ведь порой Фурье вполне серьезно имел такие намерения. Он, например, считал весьма полезным, исходя из интересов скорейшей реализации своего «открытия», привлечь на свою сторону представителей науки и искусства. Он стремился доказать им всю предпочтительность ассоциации, мягко пожурив за неразумную приверженность к существующим общественным порядкам. С этой целью он хотел в юмористических тонах (именно в добродушно-юмористических тонах) изобразить неприглядное их положение в эпоху «цивилизации». Хотел так, а получалось иначе. Фурье подбирает соответствующие заголовки («ученые и артисты, обманутые цивилизацией», «критическое положение ученых и артистов»), он делает все, чтобы доказать, что он им сочувствует и думает об их же интересах, что он стремится только раскрыть им глаза на комичность их положения, отнюдь по этому поводу не злорадствуя. А на деле получается злая и язвительная сатира на тех же самых «ученых и артистов», являющихся «нижайшими лакеями торговцев», усиленно воспевающих «совершенство совершенной цивилизации», норовящих поскорей усесться в академическое кресло и карабкающихся на Парнас лишь в погоне за чистоганом.

Фурье несомненно обладал большим сатирическим талантом. Ему не хватало литературного дарования и культуры пера. Его неровный, тяжеловесный стиль отличается однообразием лексикона и подчас не совсем правильным построением фраз. Но, несмотря на это, обличи-

тельный сарказм Фурье дает право поставить его имя рядом с именами величайших представителей мировой сатирической литературы. По справедливому определению Энгельса, «Фурье является не только критиком, но и сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен»¹.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. XIV, стр 263.

Глава седьмая

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ

I

В марте 1829 г., сразу после выхода в свет «Нового мира», Фурье вернулся в Париж. Он стал рассылать новое произведение, так же как до этого «Трактат», всем, кто, по его мнению, мог бы, движимый тщеславием или благотворительностью, содействовать организации «пробной» фаланги. Фурье не просто посылал книгу, а прилагал длиннейшие письма — пояснения в двадцать, тридцать, сорок страниц, специально адресованные данному лицу и разъясняющие, какие личные выгоды принесет ему участие в этом деле. Узнав, что у кормила власти стал Полиньяк, Фурье тотчас послал ему свою работу. Услышав, что леди Байрон женщина великодушная и склонная к благотворительности, он отправил ей в Англию, через знакомого, экземпляр «Нового мира», конечно, вместе с соответствующим посланием. Не были оставлены без внимания ни Шатобриан, ни Деказ, ни ученые общества, ни литературные круги. Как и после опубликования «Трактата», Фурье издал специальную брошюру-рекламу, которую сам распространял по домам. Наконец, он снова стал выступать с докладами.

Особое внимание на этот раз Фурье обратил на прессу. «Распространение книг,— писал он Мюйрону,— превратилось в монополию, которой завладели журналисты; необходимо пройти через их «либеральные руки». Несмотря на все старания, удалось добиться благосклонного отношения только со стороны двух-трех деятелей прессы, в том числе основателя «Парижского обозрения» Пишо.

Но их содействие выразилось скорее в предотвращении опубликования критических статей, чем в помещении положительных отзывов.

Газеты и журналы или вовсе замалчивали книгу Фурье, или помещали рецензии неблагожелательные, а то и вовсе издевательские. Так, например, орган Гизо «Французское обозрение», снисходительно одобряя автора за добрые намерения, высмеивал его мысль, что можно преобразовать общество «на манер монастырей», заявляя, что «невозможно нагромоздить больше причудливых вещей в гротескном стиле», чем это сделано на шестистах страницах его книги. Фурье, где только мог, резко возражал против подобных оценок и в своей брошюре-рекламе дал остроумную отповедь на эту рецензию, обращаясь непосредственно к Гизо, которого считал за нее ответственным. Отвечая на восторги критика по поводу «больших общественных перемен» и «великих новшеств», Фурье писал: «Являются ли этим английские фабрики, где работают из-под кнута? Какое прекрасное чудо эти муравейники бедняков — порождение химеры индустриализма, — которые нам преподносят как великие новшества, отвлекающие умы от химерических систем!».

Лишь в журнале «Меркурий» была помещена статья, которая, хотя и с некоторыми оговорками, давала высокую оценку идеям Фурье, особенно его «превосходной критике». В последующих номерах журнала была перепечатана брошюра Фурье о преподавании географии, с редакционным примечанием, в котором говорилось, что ее автор — «один из наиболее выдающихся ученых эпохи». По-видимому, это следовало отнести за счет того обстоятельства, что фурьеристы имели в редакции журнала какие-то связи. Во всяком случае «Меркурий» вскоре поместил и написанный Консидераном пространный отзыв о «Новом мире» пропагандистского характера, с критикой других систем, в частности сен-симонизма.

Вообще, рассеянные по провинции ученики Фурье старались всячески содействовать успеху «Нового мира», опубликование которого несомненно оживило фурьеристскую пропаганду. Так, Габэ не только поместил рецензию в местной дижонской газете, но и организовал ряд собраний, на которых выступил с докладами.

Мюирон к этому времени основал в Безансоне газету «Беспристрастный», в которой намеревался пропагандировать по возможности фурьеристские идеи. Он предложил сотрудничать в газете самому Фурье. Тот стал посылать статьи как общеполитического характера, так и на местные темы своего родного города. Но большинство его статей редакция умеренно либеральной по своему направлению газеты не пропускала или публиковала в сокращенном и переработанном виде. Фурье неоднократно жаловался на это своему ученику. Мюирон, однако, или не мог идти против мнения всей редакции, или сам не считал возможным и целесообразным опубликование некоторых статей Фурье. Как бы то ни было, протесты «метра» оставались без последствий.

Тем временем Фурье снова проникся самыми радужными надеждами. Ему удалось найти какого-то банкира, который будто бы пришел в такой восторг от его проектов, что готов был отпустить необходимые средства на постройку первого фаланстера. Более того, когда в мае 1830 г. было организовано министерство общественных работ во главе с бароном Капель, Фурье обратился и к нему, доказывая, что самым подходящим делом для нового министерства является организация фаланг. Вежливое письмо барона, помеченное 24 июля, привело Фурье в такой восторг, что он не сомневался в успехе. Хотя впоследствии Капель — заядлый реакционер, угодливый прислужник Бурбонов, ставленник Полиньяка — клятвенно заверял учеников Фурье, что никогда и в мыслях не имел намерения основать «пробную» фалангу, старый мечтатель был в этом непоколебимо уверен. Он наивно полагал, что дело сорвалось лишь из-за неожиданной и непредвиденной помехи: через два дня после получения письма барона разразилась июльская революция.

II

Июльская революция всколыхнула всю страну. Она низвергла династию Бурбонов с их засильем дворян и прелатов, с их «союзом трона и алтаря» и со всем их старорежимным мусором. Во Франции, которая превратилась в типичную буржуазную монархию, буржуазный политический режим торжествовал свою победу. Борьба

с реакционными попытками восстановления старых порядков, осложнявшая в период реставрации политическую обстановку в стране, снималась с порядка дня. Самим ходом событий на первый план выдвигались теперь новые общественно-политические проблемы. Больше не было надобности воевать со старыми призраками и обосновывать историческую неизбежность победы буржуазии, чему в эпоху реставрации отдавал дань даже Сен-Симон. Идеологи и знаменосцы буржуазии увидели в июльской монархии, выражаясь словами Огюстена Тьерри, «провиденциальное завершение» всей предшествующей истории Франции и поставили на этом точку. Но многочисленные представители демократических кругов, особенно из среды молодежи, стали в условиях нового «царства банкиров» еще более пристально вглядываться в будущее.

Ниспровержение старого политического режима оживило надежды не только революционеров, но и различных реформаторов. Казалось, что наконец наступило время перейти от слов к делу, что наступил подходящий момент для общественного переустройства. Период после июльских дней характерен оживлением деятельности самых различных социально-политических течений, в том числе и социалистических. В дальнейшем в рядах республиканской оппозиции начали распространяться идеи революционного бабуизма. Но непосредственно после революции значительный общественный отклик получили идеи «мирных» социалистических школ — сен-симонизма и фурьеризма.

На первых порах успех выпал на долю сен-симонизма. Еще до июльской революции сен-симонисты, в противоположность последователям Фурье, представляли вполне организационно сложившуюся школу, которая развернула деятельную пропаганду. В 1825—1826 гг. сен-симонисты издавали собственный журнал «Производитель», а затем стали выступать с публичными лекциями. В 1829—1830 гг. появилось знаменитое «Изложение учения Сен-Симона» — цикл лекций, прочитанных Базаром и коллективно отредактированных. В противоположность ученикам Фурье, лишь популяризовавшим и пересказывавшим мысли «метра», сен-симонисты шли дальше своего учителя и творчески развивали его идеи в социалистиче-

ском духе. Их проповедь находила живой отклик у всех, кто искал новых общественных идеалов, у всех недовольных существующей действительностью, особенно среди учащейся молодежи — студентов Политехнической школы и других учебных заведений.

Сен-симонисты приветствовали июльские события, видя в них благоприятную предпосылку для построения «нового социального порядка». Они расклеили на улицах Парижа афиши с изложением своего учения и составили, за подписью Анфантена, циркуляр, предлагавший всем их сторонникам бороться за свободу культов, печати и преподавания, чтобы иметь возможность широко пропагандировать свои идеи. Непосредственно после революции пропаганда сен-симонистов приняла огромные размеры. С декабря 1830 г. известная либеральная газета «Земной шар» превратилась в их орган, который не только повседневно излагал конечные цели сен-симонизма, но и откликался на события дня, освещал различные вопросы и пропагандировал в качестве ближайших мероприятий учреждение кредитных банков, уничтожение пошлин, организацию крупных общественных работ. Одновременно печатались и бесплатно рассылались многочисленные брошюры и агитационные материалы. Сен-симонисты организовывали как в Париже, так и в провинции — в Монпелье, Тулузе, Меце, Бордо, Лионе и других городах различные курсы и публичные собрания, которые привлекали большую аудиторию. Они даже пытались проникнуть в рабочую среду, создавая во всех округах Парижа особые организации для рабочих, а также учреждая для них общественные дома и мастерские. Число приверженцев сен-симонистов насчитывалось уже сотнями. Сен-симонизм на время оказался в центре общественного внимания. О нем много говорили и писали. Им интересовались не только во Франции, но и за границей.

Расцвет сен-симонизма был, однако, весьма кратковременным. Это в значительной мере обуславливалось внутренней эволюцией самой школы. Уже во второй половине двадцатых годов, в самом процессе своего формирования, сен-симонизм — это «новое христианство» — стал принимать характер религиозной секты, превратился в «церковь» во главе с двумя верховными «апостолами», Анфантеном и Базаром. После июльской революции эта

пагубная для сен-симонистской школы эволюция не только не прекратилась, но, наоборот, еще более усугубилась. Сен-симонизм все больше становился религиозным культом, с соответствующим ритуалом, проповедями, пением гимнов, взаимными исповедями «братьев и сестер в Сен-Симоне» и т. п. Все это, естественно, не могло содействовать дальнейшему усилению влияния этого учения. Сен-симонисты не сумели использовать благоприятный для них момент. Вместо того чтобы не на словах, а на деле принять активное участие в общественной жизни, они превратились в замкнутую секту, интересы которой все больше концентрировались на «моральных», а не на социально-политических проблемах.

Подобная эволюция сен-симонизма дискредитировала их учение в глазах передовой интеллигенции и оттолкнула даже тех, кто одно время искренно увлекался их критикой существующих порядков и планами будущего. От сен-симонизма начали быстро отходить все попутчики. Даже в среде убежденных «верующих» возникли разногласия. В ноябре 1831 г. произошел раскол сен-симонистской «церкви», которую покинули Базар и многие его сторонники. Приверженцы Анфантена, полностью завладевшие сен-симонистской организацией, окончательно превратили ее в религиозную общину, сделав даже попытку учредить для «верующих» своеобразный монастырь, куда удалился Анфантен с сорока последователями. С конца 1831 г. сен-симонизм быстро теряет свое общественное значение. Сен-симонистские организации распадаются одна за другой. С апреля 1832 г. прекращается из-за отсутствия средств выход «Земного шара». Процесс и приговор над Анфантеном и его сторонниками по обвинению в создании незаконного общества и оскорблении общественной морали лишь ускорили распад сен-симонистской школы.

III

Июльская революция внушила новые надежды и многочисленным последователям Фурье. Даже сам «метр» поддался на этот раз общему настроению. Утром 30 июля он прибежал взволнованный и радостный к своему старому лионскому приятелю доктору Амару и поделился с ним

своей уверенностью, что поскольку вне ассоциации не может быть счастья для людей, то новые правители, захватив власть в результате народной победы, будут вынуждены воплотить в жизнь его, Фурье, идеи. Тотчас, забыв о бароне Капеле и своих недавних надеждах, он обратил свои взоры на новых министров и влиятельных лиц. Он стал посылать агитационные письма всем выдающимся деятелям нового режима, в том числе Казимиру Перье и Лаффиту, представил докладную записку на 70 страницах промышленному комитету палаты депутатов. В конце 1830 г. ему снова показалось, что в лице некоего богатого капиталиста он нашел подходящего «кандидата» для организации первого фаланстера. Фурье не поленился составить от его имени памятную записку, которую тот должен был представить королю. В переписке с друзьями Фурье самым серьезным образом обсуждал вопрос о целесообразности посещения короля, чтобы иметь возможность лично дать необходимые пояснения.

Фурьеристы, считая обстановку благоприятной, также удвоили свои усилия. «Никогда,— писал Мюиرون,— не было более благоприятного момента для восприятия новых идей и большего стремления к ним». Разбросанные по разным концам Франции, фурьеристы активно пропагандировали свое учение и старались завербовать новых последователей. Особых успехов добился Консидеран, который в то время учился в школе военных инженеров в Меце. Он распространял среди своих товарищей произведения Фурье и даже составил маленький кружок, собиравшийся у него дважды в неделю для изучения «социэтарной теории». Но в своей индивидуальной агитации фурьеристы вначале повсеместно наталкивались на организованную пропаганду сен-симонистской школы, на стороне которой в то время были все симпатии. В своей переписке с Фурье его ученики неоднократно указывали на это обстоятельство.

Еще до этого Фурье знал о существовании сен-симонизма. С этим учением он, по своему обыкновению, ознакомился лишь по газетам и журналам. Его взгляды на эту школу были predetermined отношениям к самому Сен-Симону, которого он называл «экономистом» (а этому термину он придавал самое презрительное значение) и «ученым адвокатом торговцев». Но поскольку сен-симо-

нисты говорили об ассоциации, был период, когда Фурье надеялся использовать их, направив на истинный путь. После того как в мае 1829 г. один из знакомых повел его на сен-симонистскую лекцию, он решил «позондировать это общество». На следующий же день Фурье отправил Анфантену экземпляр «Нового мира» вместе с препроводительным письмом, в котором предлагал сен-симонистам признать его «открытие». В своем вежливом, но холодном ответе Анфантен дал ясно понять, что отнюдь не намерен менять знамя, отказался от предложенного личного свидания и, в свою очередь, переслал Фурье произведения Сен-Симона. Для каждого подобный ответ был бы более чем понятен. Но Фурье был не таков, чтобы сразу сложить оружие: через несколько дней он вновь отправил Анфантену длинейшее послание, в котором критиковал учение Сен-Симона. Анфантен и на этот раз ответил в вежливо-ироническом тоне, опровергая нападки на сен-симонизм.

Фурье был и раздосадован, и изумлен отказом, искренне считая — как откровенно писал своим ученикам — что предлагал сен-симонистам выгодную для них сделку. Ведь он великодушно, предав забвению свои личные интересы, предоставлял в их распоряжение свое открытие, которое спасло бы сен-симонистов от гибельного пути и принесло бы им славу.

Оскорбленный и разочарованный Фурье с тех пор говорил об «этой секте» с явным озлоблением. Особенное раздражение вызывала позиция, занятая его же собственными последователями, которые в условиях расцвета сен-симонизма отнюдь не стремились обострять борьбу с представителями этого учения. В своих письмах к «метру» его ученики, расписывая успехи сен-симонистов, советовали ему сблизиться с ними, признать положительную сторону их воззрений, открыто заявить, что «Сен-Симон вступил на путь истины». Его последователи пытались даже — к чему «метр» всегда относился наиболее нетерпимо — проводить аналогии между его «теорией» и учением этого «экономиста». Фурье отвечал на подобные высказывания письмами, полными желчи, в которых в раздраженном тоне обрушивался на сен-симонистов, отвергая возможность какого-либо соглашения с ними и в то же время обвиняя их в заимствовании у него ряда тезисов.

Наконец он решил, что наступило время выступить с критикой сен-симонизма публично. В 1831 г. появилась брошюра «Ловушки и шарлатанство двух сект: Сен-Симона и Оуэна, обещающих ассоциацию и прогресс», в которой Фурье заодно нападал и на учение Оуэна, тоже отвергнувшего в свое время его обращение. Эта брошюра, написанная в необычайно резком и даже грубом тоне, возымела скорее обратное действие, чем то, на которое рассчитывал Фурье. На это ему единодушно указывали его же ученики. Но Фурье невозможно было остановить. Прочтя в номере «Земного шара» от 31 августа 1831 г. обращение редакции с признанием тяжелого материального положения газеты, которую сен-симонисты не продавали, а распространяли безвозмездно, он написал длинейшее письмо, в котором проводил параллель между их теперешним положением и тем, в котором они находились бы, если бы вняли своевременно его советам и основали ассоциацию. Редакция газеты опубликовала это письмо с явной целью выставить Фурье в смешном виде.

Хотя выпады Фурье против сен-симонистской «секты» не давали того результата, на который он рассчитывал, но кадры фурьеристов все же начали постепенно пополняться перебежчиками из сен-симонистского лагеря. То чего не мог добиться Фурье своей враждебной критикой, сделало внутреннее разложение сен-симонистской школы. Это видно из того, что бывшие сен-симонисты так никогда и не примирились с «недостойными» и «возмутительными» выпадами Фурье против учения Сен-Симона. Однако все эти люди добровольно порвали с сен-симонизмом и открыто объявили себя учениками Фурье.

Многие из тех, кто покидал лоно сен-симонистской «церкви», вообще разочаровывались во всякого рода учениях и погружались в будни повседневной жизни; иные пытались создавать новые организации. Но были и такие, которые обращали свои взоры на другие, родственные по духу общественные течения. А фурьеризм не мог не иметь для них много привлекательных сторон. Он был свободен от той внешней формы религиозного культа, который отталкивал их от сен-симонистской «церкви». Столь же критически относясь к существующему общественному строю, фурьеризм имел гораздо более конкретный идеал — построение производительно-потребительских товари-

ществ — и сосредоточивал все свои усилия на этой непосредственно практической цели. Поэтому находилось немало людей, которые, порывая с сен-симонизмом, становились убежденными последователями «социэтарной теории». Этот переход облегчался тем обстоятельством, что само слово «ассоциация» было весьма привычным для сен-симонистов, которые тоже мечтали «ассоциировать» все человечество. Дело, таким образом, сводилось к признанию превосходства метода ассоциации Фурье и неспособности сен-симонизма осуществить ассоциацию на практике.

Первыми двумя перебежчиками из сен-симонистского лагеря явились Жюль Лешевалье и Абель Трансон. Лешевалье, молодой адвокат, человек энергичный и инициативный, с быстрым, острым умом, еще с юношеских лет жадно изучал научные и философские учения и системы. Он перебивал на трех факультетах: юридическом, филологическом и медицинском, прожил два года в Германии, где познакомился с немецкой философией. Ту «правду», которая, по признанию Лешевалье, составляла цель его жизни, он, как ему казалось, нашел в сен-симонизме. Поэтому он стал одним из активных деятелей этой школы. Но в то же время он читал фурьеристскую литературу и беседовал во время своих «миссионерских» поездок по Франции с отдельными фурьеристами — с Габэ в Дижоне, с Мюироном и Вигуре в Безансоне, с Консидераном в Меце. После раскола сен-симонистской «церкви», разочаровавшись в этой доктрине, Лешевалье решительно порвал с Анфантенем, объявив себя письмом от 16 января 1832 г., адресованном Фурье, приверженцем последнего. Через несколько дней к вновь обращенному фурьеристу присоединился его близкий товарищ — молодой инженер Трансон, человек чувствительный и неуравновешенный, страстный и восторженный романтик.

Лешевалье и Трансон сразу же после своего «обращения» стали одними из наиболее активных проповедников фурьеризма. С большой энергией и рвением они принялись «обращать» своих бывших «братьев в Сен-Симоне», организуя доклады и собеседования, выступая в печати. Поскольку обстановка была вполне благоприятная, дело быстро пошло на лад, хотя, конечно, не обходилось иногда без споров и колебаний. В течение 1832 г., особенно в

период с мая по август, многие сен-симонисты примкнули к «социэтарной школе».

Среди них был и доктор Пелларэн — первый биограф Фурье. Его «обращение» произошло при особенно романтических обстоятельствах. Молодой морской врач так было увлекся сен-симонизмом, что отказался от места, продал все свое унаследованное от матери имущество и вырученные 4000 франков с радостью пожертвовал сен-симонистскому «монастырю». Но однажды случайно ему попала в руки книга Фурье, и Пелларэну показалось, что он прозрел. Он покинул «монастырь», оказался на улице без гроша в кармане и чуть было не покончил самоубийством. Лишь встреча с одним знакомым заставила его изменить свое намерение. Вскоре Пелларэн стал правверным фурьеристом.

Такие видные сен-симонисты, как Амедей Паже и Ипполит Рено, тоже примкнули к фурьеристской школе.

Словом, фурьеристское течение получило за короткое время значительное подкрепление. Точнее, фурьеризм превратился в школу в результате раскола сен-симонизма. В широком смысле о «социэтарной школе» можно, конечно, говорить с момента появления у Фурье первых последователей. Но по существу фурьеристская школа организационно сложилась и оформилась только в начале 30-х годов.

IV

На первых порах фурьеристская школа не была особенно многочисленной. В конце 1832 г. она насчитывала лишь несколько десятков активных сторонников. Фурьеристские группы имелись в Париже, Безансоне, Дижоне, Нанси; в других местах были лишь отдельные последователи фурьеризма. Но школа уже проявляла большую активность. Ее объединяющим центром стал журнал «Фаланстер», который играл первостепенную роль в фурьеристской пропаганде.

Еще в 1831 г. старые фурьеристы — Габэ, Консидеран и другие проектировали издание собственного периодического органа. «Журнал нам необходим», писал Консидеран Фурье. С июня 1832 г. стал выходить еженедельный журнал, вначале под названием «Фаланстер», потом

PROSPECTUS GÉNÉRAL.

Le Phalanstère,

JOURNAL pour LA FONDATION

D'UNE

PHALANGE AGRICOLE ET MANUFACTURIÈRE

ASSOCIÉE EN TRAVAUX ET EN MÉNAGE.

DÉCOUVERTE DU PROCÉDÉ D'INDUSTRIE SOCIÉTAIRE.

L'Industrie SOCIÉTAIRE opère

1. Par les plus grandes réunions possibles dans chaque fonction;
2. Par séances de la plus courte durée et de la plus grande variété;
3. Par subdivision la plus détaillée, affectant un groupe de travailleurs à chaque manière de fonction;

Par l'ATTRACTION, le charme.

L'Industrie MORCELÉE opère

1. Par les plus petites réunions en travaux et en ménage;
2. Par les séances de la plus longue durée et de la plus grande monotonie;
3. Par complication la plus grande, affectant à un seul individu toutes les manières d'une fonction;

Par la CONTRAINTE, le besoin.

RÉSULTATS

De l'Industrie SOCIÉTAIRE.

Richesse générale et graduelle.
Vente pratique.
Liberté effective en toute relation.
PAIX constante.
Températures équilibrées.
Hygiène préventive.
Issue ouverte à tous progrès.

CONFIANCE GÉNÉRALE ET UNITÉ D'ACTION.

De l'Industrie MORCELÉE.

Indigence.
Fourberie.
Oppression.
Guerre.
Intempéries ouvrières.
Maladies protoyques: peste, typhus, choléra, fièvre jaune.
Cercle vicieux sans issue pour les perfectionnements.

MÉFIANCE GÉNÉRALE ET DUPLICITE D'ACTION.

Ce Journal paraît tous les quinze jours, à dater du 1er juin. — Le prix de l'abonnement est de 20 fr. par an ou, 10 fr. pour six mois. — On s'abonne au bureau du Phalanstère, rue Jodelin, n° 3, dans la Région, et chez Paulin, libraire, place de la Bourse. — S'adresser, pour toutes demandes, observations ou explications, au rédacteur du Phalanstère, tous les jours, de 5 heures à 6 heures. — Affranchir lettres et paquets.

INTRODUCTION.

Lorsque des hommes se présentent à leur siècle avec des prétentions nouvelles, il leur est bien difficile de trouver un nom qui résume nettement le but et les moyens de l'œuvre proposée. Plus que personne nous avons senti cette difficulté, et après avoir désespéré de la vain-

cre, force nous a été de l'échouer. En venant encore parler d'association, nous avions à craindre d'être confondus avec ceux qui l'ont prêchée sans la réaliser, et qui, faute de la bien comprendre eux-mêmes, n'ont pas su la faire comprendre à leurs contemporains. Plutôt que de donner lieu à confusion ou à méprise, nous avons mieux aimé paraître bizarres ou peu intelligibles. A la simple inspection du titre de cette feuille, chacun pourra dire que

Первая страница журнала „Фаланстер“

«Индустриальная реформа, или фаланстер». В нем, наряду с самим «метром», принимали участие как старые, так и новые фурьеристы. В первое время «Фаланстер» ограничивал свою задачу лишь изложением и разъяснением учения Фурье. Вскоре, однако, фурьеристы поняли, что в целях более успешной пропаганды необходимо откликаться на события дня и давать читателям ответы на животрепещущие вопросы. Поэтому с 1833 г. направление журнала несколько изменилось. Правда, редакция по-прежнему зарекалась касаться чисто политических вопросов, но выражала готовность освещать на страницах журнала вопросы «индустриальной политики». Под этим можно было понимать все что угодно. Действительно, журнал начал помещать статьи, посвященные современным общественным течениям, политическим партиям, экономическим проблемам, литературе, прессе и т. п. «Фаланстер» распространялся в количестве до тысячи экземпляров, не только в Париже, но и в провинции.

Наряду с изданием журнала «социэтарная школа» стала печатать отдельные агитационные книги и брошюры, многие из которых представляли запись различных лекций и других публичных выступлений. Устная же пропаганда школы приняла в 1832—1833 гг. самые широкие размеры. Она имела уже организованный и планомерный характер. Выдающиеся фурьеристы — Консидеран, Лешевалье, Трансон и другие — совершали по Франции специальные агитационные поездки. Они читали циклы лекций в различных городах — в Лионе, Марселе, Тулоне, Дижоне, Бордо, Руане, Нанте и многих других. Рядовые члены школы тоже не оставались бездеятельными. Каждый по мере своих сил и возможностей вел агитацию, устраивал собрания, собеседования, вербовал новых сторонников.

Все эти усилия дали свои плоды. К концу 1833 г. численность фурьеристской школы удвоилась. Она насчитывала уже до двухсот активных сторонников, в том числе нескольких за границей. Фурьеризмом начинали интересоваться в обществе. Пресса, особенно провинциальная, уделяла ему теперь значительное внимание, хотя бы в виде критики, а иногда даже предоставляла свои страницы сторонникам этого модного учения.

Приверженцы школы вербовались по-прежнему из представителей нового поколения интеллигенции: это были главным образом молодые инженеры, врачи, адвокаты, военные. Но постепенно фурьеризм стал проникать и в рабочую среду. В частности, это происходило в Лионе, в том рабочем городе, где сам «метр» прожил много лет и который оказал столь большое влияние на возникновение его учения. В 1832—1834 гг. фурьеристская пропаганда в Лионе достигла значительных размеров. Статьи, а иногда и серии статей этого направления появлялись в газетах, которые близко стояли к рабочей среде, — «Эко де ля фабрик», «Эко де травайер», «Здравый смысл». Сочувственно отзывалась о фурьеризме и революционно-демократическая газета «Глянез». Со статьями выступали не только фурьеристы-интеллигенты, но и такие лица, как некий «рабочий-часовщик» Беранже, который ссылался на личный опыт для доказательства справедливости мнения Фурье о тяжести и непривлекательности труда в условиях буржуазного общества.

Успехи пропаганды дали «социэтарной школе» возможность предпринять первую практическую попытку организации фаланги — то, о чем в течение тридцати лет мечтал Фурье. В 1832 г. довольно богатый человек, член палаты депутатов, Бодэ-Дюлари приобрел в местечке Конде, в департаменте Сены и Уазы, большой земельный надел, к которому были присоединены и два смежных участка соседнего землевладельца Девейи, тоже приверженца фурьеризма. Бодэ-Дюлари стал во главе акционерного общества, которое должно было заняться учреждением «социэтарной колонии». Капитал общества был предусмотрен в размере 1 200 000 франков. Фактически же удалось собрать от 48 акционеров 318 000 франков. На такую сумму нельзя было сделать многого, да и к тому же дело повели очень бестолково. В результате вместо роскошного фаланстера было сооружено нечто вроде обширной фермы с рядом пристроек. В колонии удалось поселить лишь человек сто пятьдесят, и то почти исключительно наемных рабочих. Уже к осени 1833 г. со всей очевидностью выяснилось, что попытка совершенно не удалась. Несомненно, что этот «опыт» и не мог дать тех результатов, о которых мечтали Фурье и его ученики. Но из-за ограниченности средств и организационных непола-

док не удалось учредить даже обыкновенную производительно-потребительскую кооперативную общину.

Неудача «опыта» и вызванное этим разочарование не могли не повлиять на фурьеристское движение. К началу 1834 г. «социэтарная школа» переживала кризис. Ее первоначальные успехи начали сводиться на нет, ее влияние пошло на убыль. В результате разногласий с Фурье от нее отошли Лешевалье и Трансон. Вместе с ними порвали со школой и многие другие бывшие сен-симонисты, увлечение которых фурьеризмом было только временным порывом. В конце февраля из-за отсутствия средств прекратил свое существование журнал «Фаланстер», который выходил в последний период только раз в месяц.

Но заминка в развитии «социэтарной школы» была кратковременной. В том же 1834 г. фурьеристы предприняли новые усилия, чтобы оживить свою пропаганду. Консидеран, чье влияние внутри школы возрастало с каждым годом, выпустил первый том своего капитального произведения «Социальная судьба». Тогда же и в последующие годы были опубликованы и другие фурьеристские работы. Новый подъем фурьеристской пропаганды дал возможность с июля 1836 г. возобновить издание журнала, названного «Фаланга». В том же году безансонская группа фурьеристов выдвинула проект организации «фаланстерского союза», отвергнутый, однако, Консидераном и его парижскими друзьями. В 1837 г. в результате внутренних разногласий от школы откололась группа недовольных. Но подавляющее большинство приверженцев «социэтарной теории» пошло за Консидераном, который был главным редактором «Фаланги».

V

Так росла и развивалась «социэтарная школа», общепризнанным основателем которой являлся Фурье. Сам он по мере сил старался содействовать ее успехам. «Метр» посещал в Париже фурьеристские собрания, на которых часто брал слово после выступлений своих учеников. В течение зимы 1833—1834 гг. он сам выступил с несколькими докладами. Фурье не был хорошим оратором, но сила убеждения, сквозившая в его словах, несомненно, производила большое впечатление.

Очень много пережил старый мечтатель в связи с провалом «опыта» в Конде. Ведь он питал самые розовые надежды в связи с долгожданной первой попыткой организации «опытной» фаланги. Спустя некоторое время Фурье решительно отмежевался от этой затеи, утверждая, что неудача произошла потому, что ни одно из его указаний не выполнили и самым грубым образом попрали все провозглашенные им принципы организации ассоциации. Особенно огорчали Фурье частые упоминания в прессе, что его система была испытана на практике и потерпела полный крах.

Разумеется, для Фурье было большой радостью, что школа стала выпускать собственный журнал. Наконец, появился периодический орган, где он мог помещать свои статьи. Об этом Фурье мечтал еще с 1803 г., когда собирался издавать собственную газету. Он постарался не упустить представившуюся возможность, стал писать и посылать в журнал многочисленные статьи, все более увеличивая их размеры. В результате последние номера «Фаланстера» оказались заполненными почти исключительно его работами.

Опубликованные Фурье в этот период статьи посвящены самой разнообразной тематике и большей частью являлись лишь повторением и пересказом отдельных положений и мыслей его основных работ. Много внимания Фурье уделял опять-таки вопросу организации первых фаланг, давал детали «пробной» ассоциации, вновь и вновь обращался к различного рода «кандидатам». Он опубликовал даже особую статью, озаглавленную «Обзор кандидатов». Некоторые статьи Фурье писал специально для воздействия на то или иное лицо. Так, по собственному признанию, он написал две статьи, специально предназначенные для Тьера, которого он надеялся склонить на свою сторону, заинтересовав налоговыми вопросами. Вообще вера Фурье в правительство и власти, несмотря на все предыдущие разочарования, была, по-видимому, неиссякаемой. После апрельских событий 1834 г. (восстаний в Лионе и Париже и волнений в других городах) он наивно писал Мюйрону, что наконец-то настал наиболее благоприятный момент для обращения к правительству.

Большинство статей Фурье, опубликованных в «Фаланстере», было статьями критическими. Наряду с эконо-

мической критикой и новыми выпадами против «лживой торговли», большое место уделялось критике различных современных общественных течений. Фурье обрушивался и на «слепой либерализм», и на «ложных друзей народа», и на бесплодных «филантропов» и «лжереформаторов», и на «парижских утопистов», и на различных «экономистов», «философов», «моралистов» — т. е. на все те модные социально-политические учения и теории, которым уделяли внимание газеты и журналы. Он яростно нападал также на тех, кто критиковал его «открытие» или подсмеивался над ним, — на всех подобных «хулителей», «клеветников» и «зоилов». Любопытно то, что среди его статей имелись и такие, которые были прямо направлены против его собственных учеников. Он писал о своих «опасных союзниках», о своих «авантюристических последователях», обвиняя их в искажении его идей, в частности в беспринципных попытках связать «открытие» с «гадательными науками», т. е. с другими учениями и системами, вроде сен-симонизма.

Следует несколько подробнее остановиться на взаимоотношениях Фурье и его учеников, на месте и роли «метра» в «социэтарной школе», родоначальником которой он являлся.

Внешне, безусловно, все обстояло благополучно. Приверженцы «социэтарной школы» официально признавали Фурье своим «метром», «создателем социэтарной теории». Они всюду и везде на людях говорили о своем учителе с величайшей почтительностью и в письмах к нему высказывали глубокое уважение, а подчас прямо пели ему дифирамбы. Они писали в честь Фурье стихи, называя его гигантом мысли, новым Галилеем и воспевая его «бессмертное дело». Официально он провозглашался провиденциальным человеком, познавшим судьбы общества, или, выражаясь словами Консидерана, «искупителем мира, Христофором Колумбом социального мира, человеком, открывшим закон мировых судеб».

Казалось бы, что при таком отношении Фурье надлежало быть не только духовным руководителем школы, но каким-то ниспосланным свыше вождем, пророком, каждое слово которого должно было бы восприниматься учениками как откровение и являться для них безусловным законом. На самом же деле, при всех внешних знаках

внимания «метру» не только не подчинялись беспрекословно, но часто с ним не очень считались. Конечно, всегда спрашивали его мнение и почтительно выслушивали советы, но поступали по-своему. Официально всем распоряжался Фурье — и журналом, и «экспериментом» в Конде, но руководство фактически было не в его руках. Все практические и организационные вопросы решались без него и даже вопреки ему. Ученики хотели бы, чтобы Фурье был наподобие микадо в Японии — своеобразным обоженным лицом, которое чтят, но которому не повинуются. Рядом с микадо в Японии имелся, как известно, сегун, который вершил земные дела. И таким «сегуном» при жизни «метра» стал Консидеран, против «диктатуры» которого метали гром и молнии отколовшиеся в 1837 г. оппозиционно настроенные фурьеристы. «Социэтарная школа» развивалась и росла возле Фурье, но отнюдь не под его руководством, хотя он и считался ее главой. Среди своих учеников, кстати сказать, большей частью молодых людей, старый «метр» продолжал оставаться одиноким. Чем многочисленнее становилась школа, тем больше нарастало у него чувство морального одиночества и непонимания. «Почему,— писала ему в 1832 г. Вигуре,— кажется вы грустным и несчастным в момент, когда имеются столь прекрасные надежды, когда за последний год дела шли лучше, чем можно было ожидать? Создается впечатление, что вы недовольны всеми вашими учениками?..».

Фурье чувствовал, что, вопреки словам и уверениям, последователи не были склонны слепо верить в него и часто относились к нему критически и сдержанно. Вместо того, чтобы дорожить каждым словом «метра», ученики спорили с ним по поводу характера его работ и «стиля», рекомендовали не касаться тех или иных вопросов, давали ему советы, что писать и как писать, осуждали слишком резкие по их мнению выступления против сен-симонизма и т. д.

Когда основали «Фаланстер», то начались разногласия о характере и направлении журнала. Фурье хотел, чтобы «Фаланстер» был исключительно теоретическим органом для опубликования преимущественно его собственных статей. А ученики стремились сделать журнал более злободневным и общедоступным. Они помещали статьи «метра», но явно тяготились этим. Предпочитали, чтобы Фурье

писал поменьше и не компрометировал себя и школу. «Пусть он будет вдохновителем журнала, но пишет меньше», заявлял по этому поводу в частном письме один из его последователей. Таково, несомненно, было настроение очень многих учеников Фурье, которые считали, что сам «метр» меньше всего способен популяризировать свое собственное учение. Подобного мнения придерживался даже его первый и верный последователь Мюирон. Многие, кроме того, обвиняли Фурье в несдержанности и отсутствии чувства меры, а иногда настолько стеснялись его «буффонад», что не показывали посторонним номера журнала с его статьями. Дело доходило до того, что некоторые ученики были намерены поднять открытый бунт и прямо заявить «метру», чтобы он прекратил свои литературные упражнения на страницах «Фаланстера». В конце концов Трансон от имени ряда сотрудников журнала отправил Фурье письмо, в котором не особенно любезно предлагал ему ограничиться в каждом номере четырьмя столбцами.

Все эти разногласия не выносились елико возможно за пределы школы. Но когда Фурье вздумал выступить со статьями, в которых содержались упреки по адресу отдельных учеников, редакция «Фаланстера» не только солидаризировалась с последними, но даже сочла необходимым публично — хотя и в очень вежливой форме — отмежеваться от «метра». При этом редакция заявила, что его последователи имеют полное право свободно выражать свое мнение, т. е., другими словами, самостоятельно толковать «социэтарную теорию».

Словом, между Фурье и его учениками дело не раз доходило до столкновений и конфликтов, чему способствовала раздражительность и придирчивость «метра» в мелочах.

Между учениками было, конечно, известное различие. Первые последователи Фурье искренно восторгались им как мыслителем и любили его как человека. Но у большинства из тех, кто примкнул к «социэтарной школе» в начале тридцатых годов, не было даже чувства личного уважения и личной близости к нему. Особенно бывшие сен-симонисты не думали скрывать критического отношения и к учению Фурье, и к его личности и порой резко проявляли свою неприязнь. Новые последователи «прини-

мали» лишь некоторые стороны его учения. В переписке между собой они высмеивали «всеобщую аналогию» и возмущались «гнусными нападками» Фурье на Сен-Симона, много идей которого считали возможным объединить с «социэтарной теорией». Они различали в Фурье «мудреца» и «чудака» и считали, что он дал все, что мог, а теперь приносит школе своей деятельностью только вред. Один из них, инженер Лемуан, писал Консидерану после смерти «метра»: «У меня еще глаза мокры от печального известия о смерти Фурье. Я, конечно, плачу не о нас, так как полагаю, что Фурье опубликовал уже почти все, что открыл существенного. Мне не хотелось бы сказать, что его характер и неуступчивость в отношении некоторых причудливых принципов вредили фаланстерскому делу, но совершенно несомненно, что Фурье не был больше полезен». А другой писал еще более откровенно, что смерть Фурье не явилась «ни непредвиденной случайностью, ни душевной скорбью, ни несчастьем для будущего его учения, успехам которого он скорее вредил, чем помогал». Многие в тайниках души были такого же мнения, хотя и не решались говорить об этом открыто.

VI

Почему же ученики Фурье, даже из числа лично ему преданных, относились столь критически к «создателю социэтарной теории»? Были ли они правы, утверждая, что его «причуды», резкость и «непрактичность» лишь мешали успеху пропаганды фурьеризма?

Конечно, ученики имели основания убеждать «метра» поменьше пророчествовать о будущих творениях, поменьше говорить об «антильвах» и «антиклопах», «совокуплениях планет» и всем том, что вредило земной цели,— организации ассоциации. Ученики были правы и тогда, когда указывали на структурную запутанность его произведений, возражали против стилистических причуд. рекомендовали писать более общедоступным и понятным языком. Но они не ограничивались только этим, а возражали и против его «резкостей», обвиняя его в нетерпимости. Они стремились примирить его теорию не только с сен-симонизмом, но и с господствующими «общепризнанными» идеями и представлениями.

В области общественной критики «социэтарная школа» на первых порах не сдавала, правда, своих позиций, а отдельные ее представители, вроде того же Консидерана, шли в некоторых отношениях, например в анализе положения пролетариата, даже дальше Фурье. Но и в этих вопросах уже в тридцатых годах возникали разногласия между отдельными учениками, и наблюдалась тенденция к примиренчеству и компромиссам. «Было бы желательно,— писал, например, в 1836 г. Консидерану Мюирон,— чтобы ваши нападки на известные господствующие предрассудки и такие, которые мир открыто или молча пока что уважает, носили более дипломатический характер».

Не социальная критика, однако, играла решающую роль в эволюции школы. Фурьеристы, продолжая критиковать цивилизацию, теоретически признавали в качестве своего конечного идеала гармоническое общество, но практически этот идеал постепенно все более отходил в неопределенную даль будущего. Официальной целью школы, не только в тридцатых, но и в сороковых годах, оставалась организация «пробных» фаланг. Но это из средства осуществления быстрого и коренного общественного переустройства, как о том мечтал Фурье, все более превращалось в некую самоцель. Для Фурье фаланга — неотъемлемая ячейка гармонического общества. «Пробная» фаланга должна была явиться лишь непосредственным началом социальной метаморфозы». В своих произведениях Фурье точно высчитывал сроки подобного преобразования общества, определяемые им в четыре-пять лет. Что касается учеников, то они не имели этого непоколебимого убеждения в неизбежности немедленного общественного переустройства; даже в своих правоверных теоретических работах они высказывались на этот счет с осторожностью. Тот же Консидеран, резкостью общественной критики которого были недовольны его сотоварищи, писал в «Социальной судьбе», что практическое влияние одной или нескольких образцовых ассоциаций «обусловит более или менее быстро эволюцию, которая приведет к замене разрушительных обществ обществом гармоническим». На практике это означало, что непосредственной целью для фурьеристов являлась организация отдельных производительно-потребительских товариществ в условиях современного общественного строя.

Одновременно ученики начинали уделять все больше внимания различным «переходным» организациям, которые Фурье всегда рассматривал лишь как средство для скорейшего достижения гармонии, а не как некую цель. Еще в 1824 г. первый ученик Фурье Мюирон в первом же своем произведении особо тщательно разработал устав «коммунальных контор», более приспособленных к условиям существующей действительности. В дальнейшем, после создания фурьеристской школы, на страницах «Фаланстера» и особенно «Фаланги» все чаще стали обсуждаться проекты различных частичных, постепенных преобразований. Уже в тридцатых годах, при жизни Фурье, находились люди, которые открыто высказывали мысль, что в сущности только этим и надлежало бы ограничиться. «Я прошу извинения перед изобретателем, который, быть может, слишком пребывает в созданном им самим мире, чтобы должным образом оценить наш,— писал в 1832 г. Изидор Рюба,— но мне кажется, что необходимо более внимательно отнестись к переходным ступеням, чем это сделано в его работе 1822 г.»; необходимо «подойти вплотную ко всем политическим и экономическим вопросам, стоящим в порядке дня, и указать на некоторые средства, позаимствованные из фазы гарантизма, как на способ избавления от нищеты, пожирающей массы».

Правда, лишь в шестидесятых годах последние приверженцы «социетарной школы», за исключением отдельных старомодных чудаков вроде Пелларена, отбросили разговоры о фаланстере и, открыто провозгласив своей целью гарантизм, стали заурядными пропагандистами кооперативного движения и участия рабочих в прибылях. Но эволюция школы в этом направлении происходила в течение многих лет. В середине сороковых годов Маркс и Энгельс уже указывали, что фурьеристы «при всем своем правоверии являются прямыми антиподами Фурье, буржуазными доктринарами»¹.

Проповедуя примирение классов и сея мелкобуржуазные иллюзии о постепенном, мирном преобразовании общества, фурьеристы, подобно сен-симонистам, играли уже в тридцатых и особенно в сороковых годах реакционную роль, так как не содействовали, а препятствовали

---

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 464.

росту классового самосознания рабочих. «Значение критически-утопического социализма и коммунизма,— писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»,— стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты»¹. Именно в такую реакционную мелкобуржуазную секту и превратилась вскоре «социэтарная школа».

При жизни Фурье все эти тенденции в развитии «школы» были уже налицо. В этом, по существу, и заключался корень противоречий между Фурье и его учениками. Старый мечтатель, который, при всех своих ошибках и иллюзиях, оставался непримиримым врагом капиталистического общества, не хотел и не мог примириться с приспособленческими и компромиссными настроениями, которые все чаще проявляли его последователи в отношении «общественных гнусностей» современности.

VII

Все разногласия и недоразумения между Фурье и его последователями не могли, однако, в этот период привести к разрыву. И Фурье, и ученики прекрасно понимали, что они друг другу необходимы. Для учеников имя Фурье было боевым знаменем, которое они не могли отбросить или публично опорочить, не компрометируя те идеи, за которые боролись сами. «Мы не можем, мы не должны действовать без Фурье, а Фурье часто нам вредит», писал тот самый Лемуан, который относился к личности «метра» с явной неприязнью. Поэтому ученики терпеливо сносили «чуждачества» Фурье и старались, по мере возможности, открыто ему не перечить. Конечно, не особенно приятно было им печатать в «Фаланстере» статьи «метра», в которых тот высказывал, например, соображения о «дополнительном органе» «соляриев», т. е. жителей солнца, что давало пищу бойким карикатуристам, которые изобра-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 456.

жали их самих с хвостами, наделенными на конце глазом. Но приходилось с этим мириться. Ученики знали, что Фурье не задумается поднять публичный скандал, если попробуют окончательно закрыть ему рот и запретят говорить о «будущих творениях». Поэтому фурьеристы лишь старались, чтобы все эти «чуждачества» проходили более или менее незаметно. Они или хранили дипломатическое молчание, или тактично отмежевывались от всех подобного рода пророчеств, говоря о космогонии Фурье как о любопытном предположении, несущественном для практических целей ассоциации, предлагая «отвлечься от планет», как писал Трансон в «Фаланстере».

Но и Фурье, поскольку дело не доходило до крайности, со своей стороны старался ладить с учениками. Он часто ругал и упрекал их, но не хотел отказаться от звания «главы социетарной школы». «Метр» видел, что они все же пропагандировали его учение, которое становилось известным все более широким кругам общества. Наконец, некоторые из первых учеников являлись его близкими и по существу единственными друзьями. А в друзьях он очень нуждался, особенно на склоне лет.

Глава восьмая
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

I

В начале тридцатых годов Фурье жил на улице Ришелье, в маленькой комнатке на пятом этаже. «К нему добираться,— рассказывал в 1832 г. в журнале «Литературная Франция» один из его посетителей,— по узкой, извилистой лестнице, рискуя раз двадцать упасть и сломать себе шею. Его находишь около убогого камина, в котором догорает несколько головешек. Вокруг него в комнате жалкая мебель и несколько там и сям разбросанных книг, а также груды рукописей, нагроможденных в углу и на столе и составляющих, очевидно, его самое большое богатство». Одевался Фурье чисто и опрятно, но несколько старомодно.

Став главой «социетарной школы», пользующимся известностью человеком, Фурье продолжал служить. Работу он бросил, лишь достигнув шестидесяти лет. По-видимому, у него были кое-какие сбережения. Несомненно, что существенную материальную поддержку «метру» оказывали друзья. После смерти Фурье в «Фаланге» было опубликовано сообщение о дальнейшем использовании сумм, поступавших на имя Клариссы Вигуре, которая непосредственно заботилась о «простых и скромных нуждах метра». Как бы то ни было, на старости лет он имел возможность всецело посвятить себя литературным трудам.

Фурье вставал очень рано. Уже в шесть или семь часов утра он сидел за письменным столом; после двухчасовой, максимум трехчасовой работы он совершал прогулку, а потом, через полчаса или час, снова брался за перо. Та-

кое чередование работы и прогулок обычно продолжалось до самого вечера.

Работал Фурье над своими книгами и статьями очень усидчиво. Он вел также обширнейшую корреспонденцию и ежедневно отправлял длиннейшие послания своим ученикам, знакомым и различным «кандидатам». Привычка писать настолько укоренилась, что ему ничего не стоило сразу, без подготовки, набросать статью. Фурье настолько не ценил свой труд, что никогда не задумывался посылать в различные газеты и журналы целые серии статей, хотя шансов на их опубликование почти не было. Он работал планомерно и даже точно знал, сколько страниц может написать в определенный промежуток времени. В этом ему помогала изумительная память. Фурье имел возможность не обращаться к каким-либо материалам и писал не отрываясь.

Если не считать общения с представителями «социетарной школы», с которыми его связывали идейные узы, то жил он очень уединенно. В тридцатых годах Фурье уже был своего рода знаменитостью, им интересовались в некоторых парижских салонах и часто звали на различные обеды и вечера. Но «метр» очень редко принимал подобные приглашения, инстинктивно чувствуя, что многие над ним подсмеиваются и хотят заполучить для показа гостям как своего рода «редкость». Когда же он случайно попадал в среду, где не чувствовал искреннего и доброжелательного отношения, то замыкался в себе и упорно молчал, уклоняясь от ответов даже на обыденные вопросы.

Фурье охотно бывал лишь у немногих друзей и знакомых, с которыми поддерживал близкие отношения. Так, в течение шести последних лет своей жизни он посещал дом своей соотечественницы Курвуазье, женщины приветливой и разумной, относившейся к «метру» с искренним участием и восхищением. Но такие друзья насчитывались единицами.

В театрах и других увеселительных местах Фурье не бывал, но очень любил военные парады и военную музыку. Завидев марширующих солдат, он, как ребенок, бежал за ними по улице. Ежедневно, по утрам он приходил наблюдать за сменой караула у Тюильрийского дворца. Так же регулярно посещал он публичную читальню в Пале Рояле, где просматривал газеты и журналы.

Но где бы он ни был, ровно в 12 часов дня он всегда возвращался домой. Дело в том, что Фурье неизменно извещал публику, что в это время бывает дома и готов принять любого «кандидата», который явится для переговоров об организации фаланги. Так долгие годы он ждал терпеливо прихода «отмеченного судьбой» богача, который согласился бы предоставить свои миллионы для основания «пробной» фаланги.

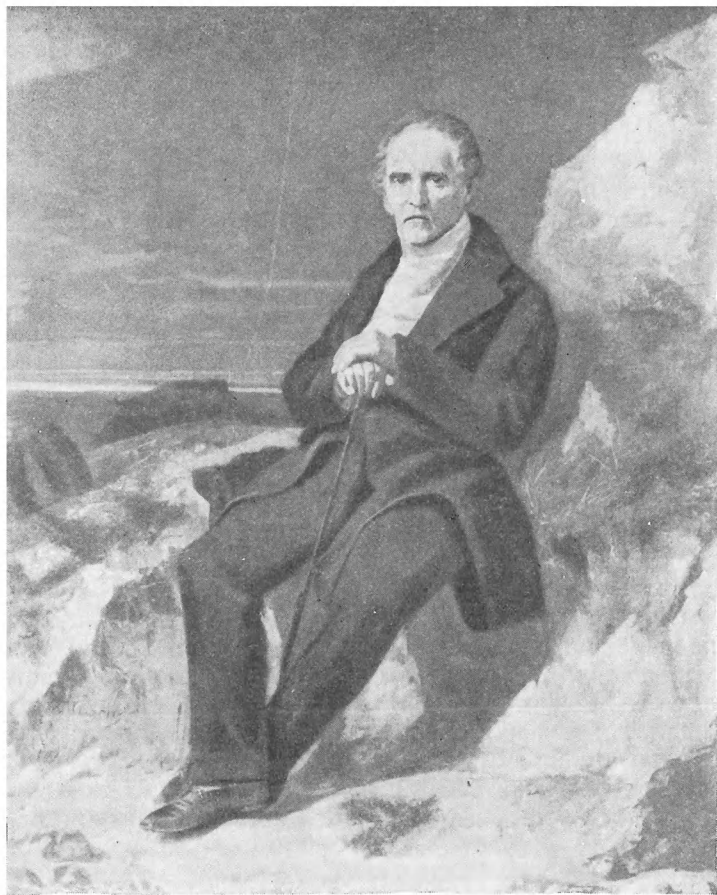
Единственно, чем старый «метр» всегда был не прочь себя побаловать, это хорошей едой. Даже в описаниях фаланстеров отводилось чрезвычайно большое место «гастрофгии», т. е. усовершенствованным тонкостям поварского искусства. Фурье не то чтобы имел пристрастие к различным изысканным блюдам. Наоборот, он предпочитал обыденную пищу, но только хорошо приготовленную, и в этом отношении угодить ему было довольно трудно. Особенно хорошо разбирался он в винах, был тонким их ценителем и никогда не отказывался сделать возлияние Бахусу, хотя всегда знал меру.

Сохранив с детства любовь к цветам, Фурье и на склоне лет уставлял ими всю свою комнату. Как многие старые холостяки, он очень любил кошек и неизменно заботился о них. Все объедки он тщательно собирал и кормил ими кошек чуть ли не всего квартала.

II

Многие из тех, кто общался с Фурье в последний период его жизни, оставили довольно детальные описания его внешности и характера. О нем писали и друзья и враги, и последователи и противники его учения. Но примечательно, что во всех этих характеристиках нет существенных противоречий. Конечно, друзья несколько идеализировали его положительные качества, а идейные противники подчеркивали странности и причуды. Но Фурье был личностью столь резко индивидуальной и столь своеобразной, что все добросовестные наблюдатели (а мы говорим именно о них, а не об авторах различных пасквилей, даже и не знавших его лично) были почти единодушны в своих оценках.

Фурье не имел представительной внешности. Это был маленький, худощавый старик с серебристо-белыми, слегка

Фурье в преклонном возрасте
Портрет работы художника Жигу

волнистыми волосами. У него был высокий, красивый лоб, орлиный нос, несколько согнутый в левую сторону, тонкие и обычно плотно сжатые губы, что придавало лицу выражение серьезности и даже некоторой горечи. Особенно поражал современников глубокий и пронизывающий взгляд больших голубых глаз. Они обычно были задумчивыми и печальными, но принимали суровое выражение и начинали метать молнии, когда Фурье вступал в спор, обличал своих врагов и осуждал их взгляды.

Почти никогда Фурье не смеялся и даже не улыбался. Несмотря на живость натуры и присущую ему наблюдательность, он иногда проявлял как бы полное безразличие к окружающим. Он был всегда поглощен своими мыслями, и это придавало ему задумчивый и мечтательный вид. Собеседникам часто казалось, что даже разговаривая с ними Фурье витает где-то далеко. Случалось и так, что среди разговора или во время прогулки он вдруг останавливался, доставал карандаш и клочок бумаги и что-то записывал. Когда его захватывала какая-нибудь идея, он размышлял над ней без устали, днем и ночью, не зная ни отдыха, ни покоя, пока не находил того или иного решения. По собственному признанию, в периоды такого духовного подъема ему случалось не спать шесть-семь ночей подряд.

Фурье обладал удивительной способностью внутренней концентрации, присущей гениальным людям. Но внешне это проявлялось в чрезвычайной рассеянности. В одном письме к Мюирону «метр» признавался, что обычно возвращался домой чуть ли не двадцать раз в день за забытым платком или бумагой. Подобная рассеянность была для него настолько обыденным явлением, что по этой причине он старался по возможности снимать комнату в нижнем этаже.

Фурье был необычайно высокого мнения о своей общественной роли и своем предназначении. Он считал себя личностью, ниспосланной свыше для познания мировых законов и разрешения всех мировых проблем. Его «открытие» означало, по его мнению, переворот не только в общественных отношениях на земле, но и преобразование всей вселенной. В написанной в начале тридцатых годов поэме Фурье горько сетовал на современников и предсказывал, что потомки перенесут в Пантеон его прах, «больше ове-

янный славой, чем Цезарь, чем Наполеон». Эта уверенность в предназначенной ему исторической миссии толкала его к прямой саморекламе. Он не стеснялся в печати и публичных выступлениях ставить себя выше всех современников и противопоставлять всей предшествующей науке и философии.

Но в то же время Фурье не был ни надменным, ни тщеславным. Вера в величие своего «открытия» сочеталась у него с необычайной личной скромностью и простотой. Он не только не был гордецом, а, наоборот, держал себя даже с чрезмерным простодушием. Так, например, когда Лешевалье впервые написал письмо с сочувственным отзывом об его учении, Фурье лично сам отнес ответ, в котором сообщал, что зайдет на следующий день дать необходимые пояснения. Ему даже не пришло в голову, что не он, пожилой человек, глава школы, должен был идти к Лешевалье, а тому следовало прийти к нему.

Всю жизнь Фурье был необычайно чуток и мягок в обращении с окружающими, если они не относились к идейным противникам. Он стеснялся пользоваться чьими-либо услугами и всегда боялся причинить посторонним малейшее беспокойство. Даже ближайшие ученики, вроде Греа и Клариссы Вигуре, с величайшим трудом могли уговорить его погостить у них. Фурье был очень щепетилен, особенно в денежных делах, считая личным долгом все суммы, израсходованные на издание написанных им работ. Сам же он был человеком добрым и отзывчивым, готовым оказать услугу ближним. Для своих друзей он всегда делал все, что только мог. Когда Мюирон лишился места, Фурье не жалея времени бегал по его делам и всячески хлопотал за него. Так он поступал всегда, когда кто-нибудь нуждался в помощи.

Курвуазье, с которой Фурье был столь дружен в последний период своей жизни, рассказала впоследствии на страницах «Фаланги» несколько эпизодов о его доброте и отзывчивости. Однажды Курвуазье сообщила «метру» о тяжелом положении совершенно неизвестной ему служанки: она не имела возможности дать о себе знать своей тетке, которая жила в предместье Сен-Мартен. Услышав историю этой девушки, старик сразу же схватил шляпу, зонтик и бросился, несмотря на дождь, отыскивать ее тетку. Поскольку та не проявила большого интереса к судьбе

своей племянницы, Фурье отправился на следующий день к знакомым и не успокоился, пока не устроил девушку на работу. В другом случае ему стало известно, что одна вдова — мать трех детей — вынуждена продать статуэтку Наполеона, очень для нее ценную. Фурье купил статуэтку за 70 франков и оставил ее у вдовы, хотя сам всегда был стеснен в средствах и выплаченная сумма была для него крупной.

Но доброта Фурье не была мягкотелостью. Он никогда не уступал в принципиальных вопросах, всегда умел настоять на своем, никогда не колебался высказать в лицо то, что считал правдой, сколь бы горькой и неприятной она ни была для собеседника. В этом отношении он был даже чересчур суров и резок и не умел себя сдерживать.

При всех своих положительных качествах Фурье был человеком нервным и неуравновешенным. Он впадал чуть ли не в истерику при виде гусеницы и был способен разбудить ночью целый дом, обнаружив около постели паука. Поглощенный своими мыслями, он часто громко разговаривал на улице сам с собой. Изложением своих теорий он увлекался так, что, говоря, например, об аналогии, подражал крикам различных животных и изображал их движения.

Если все это относилось к безобидным чудачествам, то очень тяжелой для окружающих и особенно для близких была его чрезмерная, болезненная подозрительность. Она проявлялась у Фурье еще с молодых лет и своеобразно сочеталась с детской доверчивостью (достаточно вспомнить, как охотно он верил добрым намерениям различных «кандидатов»). К старости его подозрительность развилась в настоящую манию. Фурье постоянно чудилось, что все кругом стремятся его обмануть, хотят причинить зло, нанести тот или иной ущерб. Ему казалось, что все хотят завладеть «открытием», присвоить себе его идеи. Именно с целью «уберечься от плагиата» Фурье часто коверкал свои произведения, не договаривал, пропускал целые разделы, запутывал структуру. К концу жизни «метр» стал опасаться даже близких людей, даже самых преданных учеников, которые никогда и не помышляли отнять у него лавры «творца социетарной теории». В период организации фаланги в Конде, справедливо крити-

кую неумелое ведение дела, он искренне считал себя жертвой тонкой интриги. В своих письмах к Мюйрону он разоблачал мнимый заговор, якобы затеянный для того, чтобы провалить это предприятие. В числе других он обвинял в злостном умысле и архитектора, потому что тот расположил окна столярной мастерской слишком высоко, а стены свинарника сделал слишком массивными.

Словом, в последний период жизни подозрительность «метра» не знала пределов и приняла поистине болезненный характер. Это, несомненно, в значительной мере было связано с жизненными неудачами и разочарованиями, особенно с неприязненным и насмешливым отношением к его учению, что, при нервной натуре Фурье, и вызвало такие печальные последствия.

III

До конца своих дней Фурье неутомимо трудился. После опубликования «Нового мира» он немедленно принялся за следующее произведение. От этой работы его несколько отвлекло издание «Фаланстера». Впрочем, его журнальные статьи почти не отличались от обычных глав книги. Поэтому Фурье широко использовал свои статьи, опубликованные в «Фаланстере», для своего последнего двухтомного произведения, которое появилось в свет в 1835—1836 гг. под названием «Ложная индустрия».

Это наиболее хаотичное по структуре произведение Фурье. Даже с внешней стороны «Ложная индустрия» чрезвычайно причудливая книга. Сам порядок нумерации какой-то случайный и непонятный. То страницы идут от *a* до *zz*, то нумерация ведется с цифры 13 до 348, а затем неожиданно перескакивает на страницу 433. Встречаются такие обозначения страниц, как *v7*, *e9* и т. п. Хаотичность работы усугубляется многочисленными повторениями, сделанными, по собственному признанию Фурье, вполне сознательно, так как «новую науку» нельзя уяснить с одного раза.

Среди беспорядочного нагромождения различных сюжетов в книге можно найти темы, посвященные анализу современной «ложной индустрии», организации будущего гармонического общества, а также критике различных модных учений и произведений вроде «Слов верующего»

Ламменэ. Значительное место занимают опровержения критических отзывов прессы, которая, не имея возможности замалчивать учение Фурье, продолжала, как правило, отзываться о нем или неприязненно, или снисходительно-иронически. В этой связи в книге излагался даже целый проект преобразования прессы путем введения системы денежных штрафов и создания объединения журналистов, чтобы обеспечить справедливые оценки и защиту прав «изобретателя».

Много внимания снова уделялось различным «кандидатам». В переписке с Мюироном Фурье оправдывал хаотичность своей работы тем, что так она скорее может заинтересовать «кандидатов»: им не нужно знакомиться со всей книгой, а достаточно прочитать лишь особо указанные страницы. А поскольку одним из главных «кандидатов» был сам король Франции Луи-Филипп, то Фурье и посвящает несколько страниц очередному покушению на его жизнь, доказывая, что в личных интересах короля поскорее организовать фаланги, которые положили бы конец всем заговорам. Неисправимый мечтатель искренно надеялся, что эта «статья в десять страниц» обязательно «будет сообщена и комментирована королем». Впрочем, по своему обыкновению, Фурье не забывал в своих расчетах и некоронованных особ. Он уделил немало внимания, в частности тому, чтобы привлечь к своему делу писательницу Жорж Санд, узнав, что та отозвалась о нем благоприятно.

В том же 1836 г., когда вышла вторая часть «Ложной индустрии», фурьеристы, как уже говорилось, предприняли издание нового журнала. В «Фаланге», однако, было напечатано всего лишь несколько статей Фурье, представляющих большей частью отрывки из уже опубликованных произведений. Очевидно, ученики не хотели повторять опыт с «Фаланстером», когда статьи «метра» заполняли чуть не целые номера журнала. Прямо отказать Фурье печатать его статьи они не могли и поэтому, чтобы отвлечь его внимание от публицистической деятельности, стали уговаривать его приступить к новой капитальной работе. «Было бы предпочтительнее,— писал по этому поводу Консидерану один из корреспондентов,— чтобы наш знаменитый Фурье изложил в отдельной работе все, что он имеет еще поведать своим последователям и человечеству,

вместо того, чтобы помещать все это в «Фаланге», где только его сторонники могли бы его понять».

Ученикам, по-видимому, удалось убедить Фурье не писать больше мелких разрозненных статей, а сконцентрировать все свое внимание на крупном произведении, которое соглашались опубликовать отдельными частями в «Фаланге». Они постарались также внушить «метру» тематику новой работы. Сами они все больше интересовались гаранризмом, и им удалось убедить Фурье заняться более «практичным» вопросом «коммерческой реформы». 10 февраля 1837 г. в «Фаланге» было опубликовано сообщение, что Фурье приступает к работе над «Трактатом о торговле», посвященном критике современной анархической торговли и описанию торговых систем переходных периодов — гараннизма и социаннизма. Но этому намерению не было суждено осуществиться. Дни неутомимого «изобретателя» были сочтены.

IV

Начиная с 1829 г. Фурье часто болел. Он жаловался в письмах, что целые дни, а иногда и недели не имел возможности работать. Такие приступы болезни были и в 1831 г., и в 1833 г. Но особенно резко состояние его здоровья ухудшилось в течение зимы 1836—1837 гг.

Несмотря на все настояния друзей, Фурье упорно отказывался от врачебной помощи, так как к медицине относился более чем скептически. Лишь в конце июня 1837 г. удалось привести к нему врача, который затем постоянно его посещал и после смерти Фурье опубликовал в «Фаланге» подробный отчет о ходе его болезни. Содержание этого документа свидетельствует о том, что критическое отношение старого «метра» к современным представителям медицины не было уж столь необоснованным. По существу, врач так и не установил болезнь, прийдя только к выводу, что у Фурье неладно в области желудка, а возможно, имеется и заболевание печени. Но, как показало вскрытие, для последнего предположения не было никаких оснований. По-видимому, наряду с желудочной болезнью, у Фурье был какой-то серьезный недуг мочевыводящих путей, так как перед смертью у него появились признаки уремии. Во всяком случае врач так ничего и не понял,

хотя и прописывал пациенту все новые и новые лекарства. Правда, и сам Фурье был трудным больным. Он не только отказывался от лекарств, но даже не давал себя осматривать, почти ничего не ел и все время пил ледяную воду или вино.

Летом положение больного как будто улучшилось, но с середины сентября он окончательно слег. Тщетно Кларисса Вигуре и другие друзья предлагали ему переехать к кому-либо из них, где ему был бы обеспечен надлежащий уход. Фурье решительно отказывался, заявляя, что ему и у себя хорошо, что он любит одиночество. Напрасны были и попытки поместить его в больницу. Фурье не позволял даже, чтобы кто-нибудь дежурил у его постели. С большим трудом удалось уговорить его согласиться, чтобы к нему наведывалась привратница.

8 октября Фурье почувствовал себя сравнительно лучше. 9 октября он долго беседовал с Вигуре и Консидераном, сохраняя полную ясность ума. В полночь к больному зашла привратница. Он, как обычно, попрощался с ней и пожелал доброй ночи. Когда привратница вновь поднялась к нему в пять часов утра, то увидела Фурье уже мертвым, в одежде, на коленях у постели.

Привратница сразу дала знать Консидерану и Вигуре, которые тотчас же пришли. Вигуре, первая и преданная ученица, собственноручно закрыла ему глаза. С лица Фурье была снята маска, а также сделан слепок мозга и внутренней части черепной коробки.

На следующий день, 11 октября, к двум часам дня на улице Сен-Пьер-Монмартр, где в последнее время жил «глава социэтарной школы», стали собираться многочисленные друзья и последователи покойного, чтобы отдать ему последний долг. В помещенном в «Фаланге» отчете говорилось, что среди тех, кто пришел попрощаться с Фурье, наряду с представителями интеллигенции можно было видеть и «рабов современного общества», «пролетариев». Вслед за отпеванием в церкви, похоронная процессия направилась к монмартрскому кладбищу. Когда гроб опустили в могилу, Консидеран произнес яркую и прочувствованную речь. Кроме него выступили еще два других представителя школы. Была прочитана поэма в честь «метра», написанная еще при его жизни одним из поклонников.

На могиле Фурье не было сооружено надгробного памятника. На простой плите были выгравированы слова:

ЗДЕСЬ ПОКОЯТСЯ ОСТАНКИ
ШАРЛЯ ФУРЬЕ
СЕРИЯ РАСПРЕДЕЛЯЕТ ГАРМОНИИ
ПРИТЯЖЕНИЯ ПРОПОРЦИОНАЛЬНЫ СУДЬБАМ

Жизненный путь Шарля Фурье, всецело посвятившего себя борьбе за свои идеалы, закончился.

Блестящая критика капитализма и гениальные предвидения Фурье дают ему право на почетное место в истории утопического социализма — одного из источников марксизма. Недаром Энгельс заявлял, что научный социализм «никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, трех людей, которые при всей фантастичности и всем утопизме своих учений принадлежат к величайшим умам всех времен...»¹

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 142.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

К. Маркс и Ф. Энгельс.

Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung». Соч., изд. 2, т. 1.

Успехи движения за социальное преобразование на континенте. Соч., т. 1.

Наброски к критике политической экономии. Соч., т. 1.

Святое семейство, или критика критической критики. Соч., т. 2.

Быстрые успехи коммунизма в Германии. Соч., т. 2.

Эльберфельдские речи. Соч., т. 2.

Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2.

Немецкая идеология. Соч., т. 2.

«Истинные социалисты». Соч., т. 2.

Немецкий социализм в стихах и прозе. Соч., т. 4.

Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4.

Статьи из «Neue Rheinische Zeitung». Монтеस्कье LVI. Соч., т. 6.

Рецензии из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», № 4. А. Шеню, экс-капитан гвардии гражданина Коссидьера. «Заговорщики. Тайные общества; префектура полиции при Коссидьере; вольные стрелки». Париж, 1850. Люсьен Делаод. «Рождение республики в феврале 1848г.». Париж, 1850. Соч., т. 7.

Революция и контрреволюция. Соч., т. 8.

Письмо Маркса к Руге, сентябрь 1843 г. Соч., изд. 1, т. I.

Статьи из «New Moral World». «Таймс» о немецком коммунизме. Соч., т. II.

Подготовительные работы для «Святого семейства». Соч., т. III.

Ж. Пэше о самоубийстве. Соч., т. III.

Фурье о торговле. Соч., т. V.

Письмо К. Маркса П. В. Анненкову. Соч., т. V.

Французский «crédit mobilier». Соч., т. XI.

Господин Фогт. Соч., т. XII.

О Прудоне. Письмо Маркса Швейцеру. Соч., т. XIII.

Рецензии на «Капитал», т. I. Рецензии для «Elberfelder Zeitung», «Demokratisches Wochenblatt». Соч., т. XIII.

Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. Соч., т. XIII.

Анти-Дюринг. Соч., т. XIV.

Диалектика природы. Соч., т. XIV.

К жилищному вопросу. Соч., т. XV.

- Политический индифферентизм. Соч., т. XV.
Предисловие к книге «Крестьянская война в Германии». Доведение от 1874 года. Соч., т. XV.
Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». Соч., т. XV.
Развитие социализма от утопии к науке. Соч., т. XV.
Предисловие к первому немецкому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». Соч., т. XV.
Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч., т. XVI.
Юридический социализм. Соч., т. XVI.
Предисловие к 4-му немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». Соч., т. XVI.
К истории первобытной семьи. Соч., т. XVI.
К истории раннего христианства. Соч., т. XVI.
Письмо Энгельса Марксу от 16 ноября 1844 г. Соч., т. XXI.
Письмо Энгельса Марксу от 17 марта 1845 г. Соч., т. XXI.
Письмо Энгельса Марксу от 19 августа 1846 г. Соч., т. XXI.
Письмо Энгельса Брюссельскому коммунистическому комитету сношений от 19 августа 1846 г. Соч., т. XXI.
Письмо Маркса Энгельсу от 27 февраля 1861 г. Соч., т. XXIII.
Письмо Маркса Энгельсу от 20 июня 1866 г. Соч., т. XXIII.
Письмо Энгельса Марксу от 25 марта 1868 г. Соч., т. XXIV.
Письмо Маркса Энгельсу от 10 мая 1870 г. Соч., т. XXIV.
Письмо Маркса Энгельсу от 17 августа 1877 г. Соч., т. XXIV.
Письмо Маркса Энгельсу от 17 февраля 1882 г. Соч., т. XXIV.
Письмо Энгельса Каутскому от 26 апреля 1884 г. Соч., т. XXVII.
Письмо Энгельса Бернштейну от 23 мая 1884 г. Соч., т. XXVII.
К. Маркс. Капитал, тт. I, Госполитиздат, 1953, III, 1954.
В. И. Ленин.
Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., т. 1.
К характеристике экономического романтизма. Соч., т. 2.
Перлы народнического прожектерства. Соч., т. 2.
Капитализм в сельском хозяйстве. Соч., т. 4.
Протест российских социал-демократов. Соч., т. 4.
Наша программа. Соч., т. 4.
Попытное направление в русской социал-демократии. Соч., т. 4.
По поводу «Profession de foi». Соч., т. 4.
Гонители земства и аннибалы либерализма. Соч., т. 5.
Что делать? Соч., т. 5.
Рабочая и буржуазная демократия. Соч., т. 8.
Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Соч., т. 9.
Вопрос о земле и борьба за свободу. Соч., т. 10.
V съезд РСДРП. Доклад об отношении к буржуазным партиям. Соч., т. 12.
Отношение к буржуазным партиям. Соч., т. 12.
Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14.
Л. Н. Толстой и его эпоха. Соч., т. 17.
По поводу юбилея. Соч., т. 17.
«Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция. Соч., т. 17.

- Памяти Герцена. Соч., т. 18.
 Две утопии. Соч., 18.
 Исторические судьбы учения Карла Маркса. Соч., т. 18.
 Три источника и три составных части марксизма. Соч., т. 19.
 Переписка Маркса с Энгельсом. Соч., т. 19.
 Народничество и класс наемных рабочих. Соч., т. 20.
 Народники о Н. К. Михайловском. Соч., т. 20.
 Еще одно уничтожение социализма. Соч., т. 20.
 Из прошлого рабочей печати в России. Соч., т. 20.
 Карл Маркс. Соч., т. 21.
 Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. Соч., т. 21.
 Империализм как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
 Государство и революция. Соч., т. 25.
 Речь о национализации банков на заседании ВЦИК 14/27-декабря 1917 г. Соч., т. 26.
 Первоначальный набросок статьи «Очередные задачи Советской власти». Соч., т. 27.
 IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы. Доклад о текущем моменте 27 июня 1918 г. Соч., т. 27.
 Маленькая картинка для выяснения больших вопросов. Соч., т. 28.
 Успехи и трудности Советской власти. Соч., т. 29.
 I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства. 19 мая 1919 г. Соч., т. 29.
 Великий почин. Соч., т. 29.
 Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г. Соч., т. 30.
 О кооперации. Соч., т. 33.

2. ЛИТЕРАТУРА О ФУРЬЕ И ЕГО УЧЕНИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Г. В. Плеханов. Утопический социализм XIX века. Французский утопический социализм XIX века. Соч., т. XVIII.
 Водовозов Н. Шарль Фурье. М.—П., 3-е изд., 1923.
 В. П. Волгин. История социалистических идей. 4 II. ГИЗ, 1931.
 В. П. Волгин. Социологические взгляды Фурье (Очерки по истории социализма). Изд. 4, М.—Л., 1935.
 Дворцов. Шарль Фурье. Его жизнь и учение. Соцэкгиз, 1938.
 А. Р. Иоаннисян. Генезис общественного идеала Фурье. М.—Л. 1939.

3. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФУРЬЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Фурье. Избранные сочинения. Перевод и комментарии И. И. Зильберфарба, вступительная статья В. П. Волгина. Изд.-во АН СССР, 1951—1954, т. I—IV.
 Фурье. Избранные сочинения. С предисловием и биографией Фурье Ш. Жида. М., 1918.
 Фурье. Избранные сочинения. Под редакцией и со вступительной статьей А. Дворцова, т. I—II, М., 1938—1939.

Фурье. О воспитании при строе гармонии. Редакция, вводная статья и примечания И. Зильберфарба. Учпедгиз, 1939.

Фурье. Преступления капитализма. С предисловием Б. Фрометта. Пг. 1918.

4. БИОГРАФИЯ ФУРЬЕ

Одним из основных источников наших сведений о жизни Фурье являются его собственные произведения и особенно рукописи, в которых можно найти много биографических данных, в частности относящихся к его молодым годам и его «открытию». Особенно интересны в этом отношении следующие его рукописи: *Analyse du mécanisme d'agiotage* («Phalange. Revue de la science sociale». Janvier 1848, p. 9—10); *L'inventeur et son siècle* (Phalange. Mars 1849, p. 193—240); *Publication des manuscrits de Charles Fourier*. Année 1851, p. 1—54.

Pellarin Ch. *Lettres de Fourier au grand juge*. Paris, 1874. Материалы, относящиеся к началу литературной деятельности Фурье; переписка полицейских властей в связи с его статьями в лионских газетах.

Много данных о последних годах жизни Фурье, в связи с деятельностью «социетарной школы», можно найти в фурьеристских журналах «Фаланстере» и «Фаланге». Особо следует выделить второй октябрьский номер «Фаланги» за 1837 г., № 34, целиком посвященный смерти Фурье. Здесь помещены обстоятельный отчет врача о его болезни, описание его смерти и похорон и другие материалы. В июльском номере 1838 г. опубликованы, в виде письма в редакцию, воспоминания Курвуазье, хорошо знавшей Фурье в последние годы его жизни.

Pellarin, Ch. *Fourier. Sa vie et sa théorie*. Cinquième édition. Paris, 1871. Биография эта, принадлежащая перу одного из выдающихся фурьеристов, первоначально появилась еще в 1839 г. под названием «Notice biographique sur Charles Fourier, suivie d'une exposition de la théorie sociétaire»; пятое издание, однако,—наиболее полное. Книга Пелларена, хорошо знавшего Фурье и использовавшего документальные материалы и воспоминания о нем других современников, носит характер первоисточника. Особенно ценны приложения во втором и пятом изданиях, в которых воспроизведены все сохранившиеся документы, относящиеся к Фурье и его семье, а также опубликована частично его переписка, начиная с его первых писем к матери и кончая извлечениями из его писем к Мюйрону.

Czynski, J. *Notice biographique sur Charles Fourier*. Bruxelles, 1840. Маленькая брошюра, тоже принадлежащая перу современника и последователя Фурье, но не представляющая особой ценности.

Marmier, X. *Charles Fourier* («La France littéraire», 1832, t. II). Журнальный очерк, написанный еще при жизни Фурье. Автор, посетивший Фурье, дает зарисовку его жизни в начале тридцатых годов XIX в.

Некоторые интересные сведения о Фурье приведены также в статьях Guillot. *Charles Fourier* («Almanach social pour l'année 1840»). Ducoin. *Charles Fourier. Particularités inconnues sur quelques personnages des XVIII-ème et XIX-ème siècles* («Correspondant», 25 Janvier 1851).

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава первая. Утопический социализм . . . . .</i>	<i>3</i>
<i>Глава вторая. Молодость Фурье . . . . .</i>	<i>30</i>
<i>Глава третья. «Открытие» . . . . .</i>	<i>42</i>
<i>Глава четвертая. Борьба за признание . . . . .</i>	<i>55</i>
<i>Глава пятая. Первые последователи . . . . .</i>	<i>75</i>
<i>Глава шестая. «Цивилизация и гармония» . . . . .</i>	<i>88</i>
<i>Глава седьмая. Учитель и ученики . . . . .</i>	<i>112</i>
<i>Глава восьмая. Последние годы . . . . .</i>	<i>136</i>
<i>Библиография . . . . .</i>	<i>148</i>

Абгар Рубенович Исаннисян

Шарль Фурье

*Утверждено к печати редколлегией Научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

РИСО АН СССР № 20—138 В. Сдано в набор 15/VIII 1958 г.
Полп. в печать 30/XI 1958 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Печ.л. 4,75=7,79 усл. л.
Уч.-изд. л. 17,5, Тираж 8000 экз. Т—11428. Изд. № 3205. Тип. зак № 877
Цена 2 р. 25 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
7	13 св.	характерны и в	характерны в
90	18 св.	невозможностью	возможностью
127	15 св.	1803	1800
132	17 сн.	метаморфозы».	метаморфозы.
152	7 св.	«Цивилизация и гармония»	Цивилизация и гармония

А. Р. Иоаннисян

Цена 2 р. 25 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР